UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00313237 0

ПОСМЕРТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. ЧЕРТКОВА.

Томъ I.

ДЬЯВОЛЪ.
ФАЛЬШИВЫЙ КУПОНЪ.
ПОСЛѢ БАЛА.
АЛЕША ГОРШОКЪ.
ЧТО Я ВИДѢЛЪ ВО СНѢ.
ОТЪ НЕЙ ВСѢ КАЧЕСТВА.
ЖИВОЙ ТРУПЪ.

ИЗДАНІЕ
АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ.

Перепечатывать разрѣшается безвозмездно. Драматическія произведенія, содержащіяся въ этомъ томѣ, разрѣшается безвозмездно ставить на сценѣ.

Настоящій I-й томъ посмертныхъ художественныхъ произведеній моего покойнаго отца **Льва Николаевича Толстого** появляется въ моемъ изданіи, предпринятомъ соотвѣтственно даннымъ имъ мнѣ указаніямъ, при чемъ чистый доходъ съ этого изданія будетъ употребленъ согласно волѣ **Льва Николаевича.**

Не признавая за собой нравственнаго права запретить перепечатку настоящаго изданія, я, тѣмъ не менѣе, въ интересахъ достиженія наибольшаго матеріальнаго успѣха этого изданія, что желательно ради тѣхъ цѣлей, которымъ это изданіе должно служить, обращаюсь ко всѣмъ издателямъ и лицамъ, желающимъ воспользоваться этими произведеніями, съ просьбой, во имя исполненія послѣдняго желанія **Льва Николаевича** въ связи съ его писаніями, повременить съ выпускомъ своихъ изданій выпускаемыхъ мною произведеній въ теченіе полгода, считая со времени выхода послѣдняго тома моего изданія, т.-е. до 5 іюля 1912 года.

LIBRARY
DEC 22 1969
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3365
A12
1911
t. 1

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Левъ Николаевичъ Толстой, поручивъ мнѣ просмотръ и редактированіе всѣхъ оставшихся послѣ него бумагъ, въ томъ числѣ и входящихъ въ составъ настоящаго изданія художественныхъ произведеній, — возложилъ на меня задачу на столько отвѣтственную, что я считаю себя обязаннымъ отдать, въ свое время, обществу полный отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ въ этой области.

Здѣсь же я вынужденъ заявить, что въ составъ настоящаго изданія войдутъ далеко не всѣ неизданныя еще художественныя писанія Толстого, въ особенности перваго періода, т.-е. до 1881 г. Какъ ни тяжело мнѣ говорить объ этомъ, но не считаю себя въ правѣ скрывать отъ читателя того, что единственная причина такой неполноты настоящаго изданія заключается въ томъ, что тѣ, отъ кого зависитъ исполненіе посмертной воли Льва Николаевича о передачѣ дочери его, Александрѣ Львовнѣ, всѣхъ его бумагъ и рукописей,—все еще продолжаютъ отказываться это сдѣлать.

Къ счастью, Левъ Николаевичъ, въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ своей жизни, считалъ необходимымъ передавать или пересылать мнѣ всѣ свои новыя произведенія и рукописи для ихъ храненія и будущаго изданія. Только благодаря такой предусмотрительности съ его стороны, читатели имѣютъ, въ настоящее время, возможность ознакомиться съ предлагаемыми его посмертными художественными произведеніями.

Но такъ какъ, во время этого періода, нѣкоторыя рукописи Льва Николаевича, вопреки постояннымъ и опредѣленнымъ его распоряженіямъ, не достигали моихъ рукъ, то я до

сихъ поръ не располагаю всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который необходимъ для выработки безусловно точной версіи даже тѣхъ произведеній, которыя входятъ въ составъ настоящаго изданія.

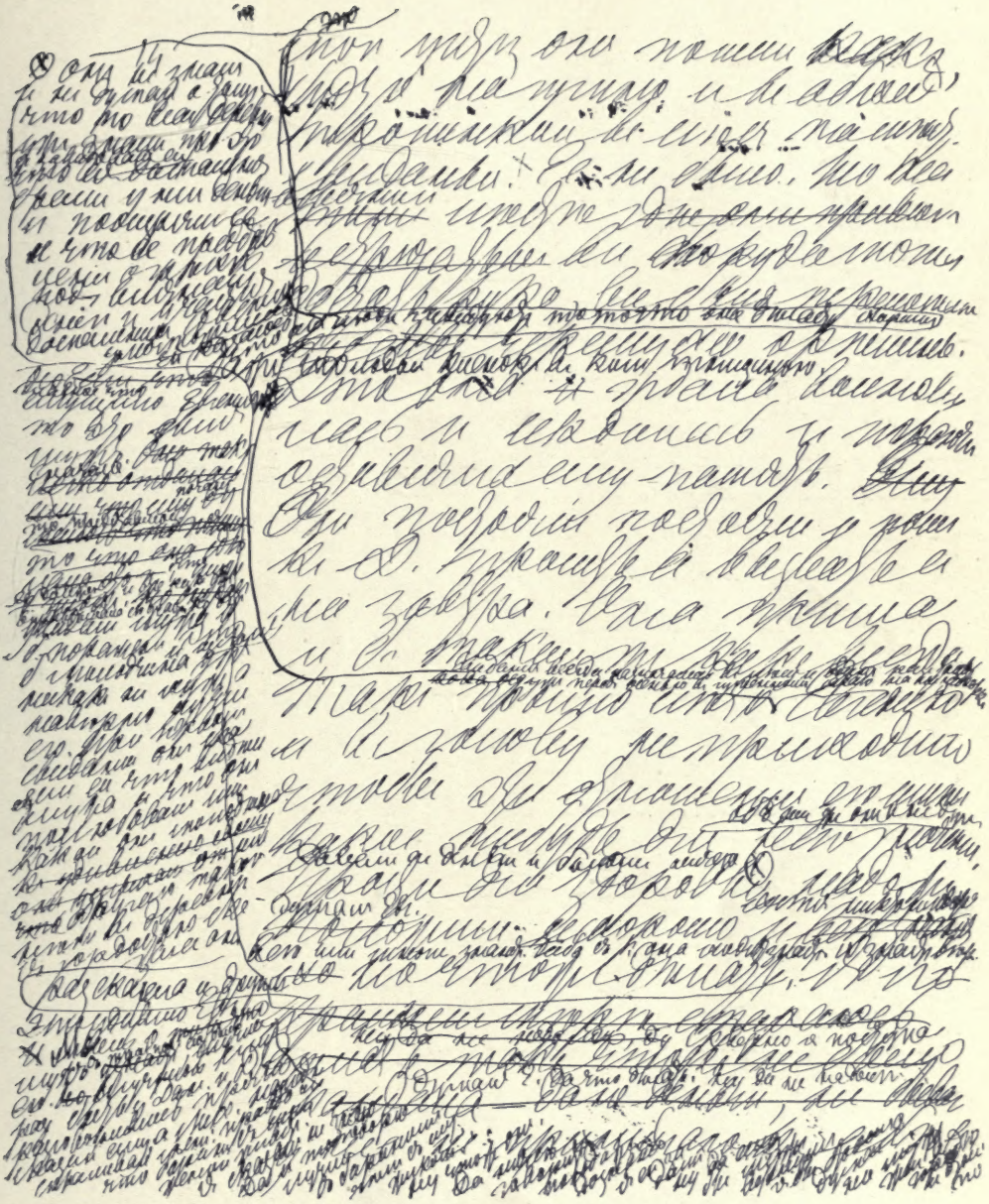
О томъ, насколько удовлетворительно была исполнена наша редакціонная работа, при указанныхъ особенно затруднительныхъ условіяхъ, возможно будетъ судить, сличая наше изданіе съ использованнымъ нами матеріаломъ, который будетъ переданъ Александрой Львовной въ Академію Наукъ.

Задача приготовленія къ печати настоящаго изданія была бы далеко не подъ силу отдѣльному лицу. Справиться съ ней возможно было только благодаря незамѣнимому участію нѣсколькихъ близкихъ ко Льву Николаевичу и хорошо знакомыхъ съ пріемами его работы лицъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ Александры Львовны Толстой, были П. А. Буланже, А. Б. Гольденвейзеръ, Н. Н. Гусевъ, Алексѣй Сергѣенко и А. М. Хирьяковъ. Нельзя обойти молчаніемъ также и доброе содѣйствіе другихъ нашихъ друзей, исполнявшихъ различныя второстепенныя работы въ связи съ этимъ изданіемъ.

Къ свѣдѣнію лицъ, намѣревающихся перепечатывать, переводить или ставить на сценѣ помѣщенныя въ настоящемъ изданіи произведенія, необходимо заявить, что имъ слѣдуетъ руководствоваться только изложенными здѣсь версіями. Появленіе въ печати или на сценѣ какихъ-либо другихъ версій или варіантовъ, не исходящихъ отъ Александры Львовны Толстой, было бы прямымъ нарушеніемъ воли Льва Николаевича.

Лицъ же, располагающихъ какими-либо варіантами, я убѣдительно просилъ бы, въ интересахъ общаго дѣла, доставить намъ возможность ознакомиться съ этими списками.

В. Чертковъ.



Страница изъ первоначальной черновой рукописи повѣсти „Дьяволъ“ (гл. IV).

ДЬЯВОЛЪ.

I [1]).

«А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ.

«Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геенну.

«И если правая твоя рука соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геенну».

Мѳ. V, 28, 29, 30.

Евгенія Иртенева ожидала блестящая карьера. Все у него было для этого: прекрасное домашнее воспитаніе, блестящее окончаніе курса на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета, связи по недавно умершему отцу съ самымъ высшимъ обществомъ и даже начало службы въ министерствѣ подъ покровительствомъ министра. Было и состояніе; даже большое состояніе, но сомнительное. Отецъ жилъ за границей и въ Петербургѣ, давая по шести тысячъ сыновьямъ — Евгенію и старшему, Андрею, служившему въ кавалергардахъ, и самъ проживалъ съ матерью очень много. Только лѣтомъ онъ пріѣзжалъ на два мѣсяца въ имѣніе, но не занимался хозяйствомъ, предоставляя все заѣвшемуся управляющему, тоже не занимавшемуся имѣніемъ, но къ которому онъ имѣлъ полное довѣріе.

Послѣ смерти отца, когда братья стали дѣлиться, оказалось, что долговъ было такъ много, что повѣренный по дѣламъ совѣтовалъ даже, оставивъ за собой имѣніе бабки, которое цѣнили въ сто тысячъ, отказаться отъ наслѣдства. Но сосѣдъ по имѣнію, помѣщикъ, имѣвшій дѣла съ старикомъ Иртеневымъ, т.-е. имѣвшій вексель на него и пріѣзжавшій для этого въ Петербургъ, говорилъ, что, несмотря на долги, дѣла можно поправить и удержать еще боль-

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

шое состояніе, — стоило только продать лѣсъ, отдѣльные куски пустоши и удержать главное золотое дно—Семеновское съ четырьмя тысячами десятинъ чернозема, сахарнымъ заводомъ и двумя стами десятинъ заливныхъ луговъ, — если посвятить себя этому дѣлу и, поселившись въ деревнѣ, умно и расчетливо хозяйничать.

И вотъ Евгеній, съѣздивъ весною (отецъ умеръ постомъ) въ имѣнія и осмотрѣвъ все, рѣшилъ выйти въ отставку, поселиться съ матерью въ деревнѣ и заняться хозяйствомъ съ тѣмъ, чтобы удержать главное имѣніе. Съ братомъ, съ которымъ не былъ особенно друженъ, онъ сдѣлался такъ: обязался ему платить ежегодно четыре тысячи или единовременно восемьдесятъ тысячъ, за которыя братъ отказывался отъ своей доли наслѣдства.

Такъ онъ и сдѣлалъ и, поселившись съ матерью въ большомъ домѣ, горячо и осторожно вмѣстѣ съ тѣмъ взялся за хозяйство.

Обыкновенно думаютъ, что самые обычные консерваторы это старики, а новаторы это молодые люди. Это не совсѣмъ справедливо. Самые обычные консерваторы это молодые люди. Молодые люди, которымъ хочется жить, но которые не думаютъ и не имѣютъ времени подумать о томъ, какъ надо жить, и которые поэтому избираютъ себѣ за образецъ ту жизнь, которая была.

Такъ было и съ Евгеніемъ. Поселившись теперь въ деревнѣ, его мечта и идеалъ были въ томъ, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была не при отцѣ — отецъ былъ дурной хозяинъ, — но при дѣдѣ. И теперь и въ домѣ, и въ саду, и въ хозяйствѣ онъ, разумѣется, съ измѣненіями, свойственными времени, старался воскресить общій духъ жизни дѣда, — все на широкую ногу — довольство всѣхъ вокругъ и порядокъ и благоустройство; а для того, чтобы устроить эту жизнь, дѣла было очень много. Нужно было и удовлетворять требованіямъ кредиторовъ и банковъ, и для того продавать земли и отсрочивать платежи. Нужно было и добывать деньги для того, чтобы продолжать вести гдѣ наймомъ, гдѣ работниками, огромное хозяйство въ Семеновскомъ съ четырьмя стами десятинъ запашки и сахарнымъ заводомъ; нужно было и въ домѣ и въ саду дѣлать такъ, чтобы не похоже было на запущеніе и упадокъ.

Работы было много, но и силъ было много у Евгенія — силъ и физическихъ и духовныхъ. Ему было 26 лѣтъ, онъ былъ средняго роста, сильнаго сложенія съ развитыми гимнастикой мускулами, сангвиникъ съ яркимъ румянцемъ во всю щеку, съ яркими зубами

и губами и съ негустыми, мягкими и вьющимися волосами. Единственный физическій изъянъ его была близорукость, которую онъ самъ развилъ себѣ очками, и теперь уже не могъ ходить безъ пенснэ, которое уже прокладывало черточки на верху горбинки его носа.

Таковъ онъ былъ физически, духовный же обликъ его былъ такой, что чѣмъ больше кто зналъ его, тѣмъ больше любилъ. Мать и всегда любила его больше всѣхъ; теперь же, послѣ смерти мужа, сосредоточила на немъ не только всю свою нѣжность, но всю свою жизнь. Но не одна мать такъ любила его. Товарищи его съ гимназіи и университета всегда особенно не только любили, но уважали его. На всѣхъ постороннихъ онъ всегда дѣйствовалъ такъ же. Нельзя было не вѣрить тому, что онъ говорилъ, нельзя было предполагать обманъ, неправду при такомъ открытомъ, честномъ лицѣ и, главное, глазахъ.

Вообще вся его личность много помогала ему въ его дѣлахъ. Кредиторъ, который отказалъ бы другому, вѣрилъ ему. Приказчикъ, староста, мужикъ, который сдѣлалъ бы гадость, обманулъ бы другого, забывалъ обмануть подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ общенія съ добрымъ, пріятнымъ и, главное, открытымъ человѣкомъ.

Былъ конецъ мая. Кое-какъ Евгеній наладилъ дѣло въ городѣ объ освобожденіи пустоши отъ залога, чтобы продать ее кущу, и занялъ деньги у этого же купца на то, чтобы обновить инвентарь, т.-е. лошадей, быковъ, подводы, и, главное, на то, чтобы начать необходимую постройку хутора. Дѣло наладилось. Возили лѣсъ, плотники уже работали, и навозъ возили на восьмидесяти подводахъ. Но все до сихъ поръ висѣло на ниточкѣ.

II.

Въ серединѣ этихъ заботъ случилось обстоятельство, хотя и не важное, но въ то время помучившее Евгенія. Онъ жилъ свою молодость, какъ живутъ всѣ молодые, здоровые, неженатые люди, т.-е. имѣлъ сношенія съ разнаго рода женщинами. Онъ былъ не развратникъ, но и не былъ, какъ онъ самъ себѣ говорилъ, монахомъ. А предавался этому только настолько, насколько это было необходимо для физическаго здоровья и умственной свободы, какъ онъ говорилъ. Началось это съ шестнадцати лѣтъ и до сихъ

поръ шло благополучно. Благополучно въ томъ смыслѣ, что онъ не предался разврату, не увлекся ни разу и не былъ ни разу боленъ. Была у него въ Петербургѣ сначала швея, потомъ она испортилась, и онъ устроился иначе, и эта сторона была такъ обезпечена, что не смущала его.

Но вотъ въ деревнѣ онъ жилъ второй мѣсяцъ и рѣшительно не зналъ, какъ ему быть. Невольное воздержаніе начинало дѣйствовать на него дурно. Неужели ѣхать въ городъ изъ-за этого? И куда? Какъ? Это одно тревожило Евгенія Ивановича, а такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что это необходимо и что ему нужно, ему дѣйствительно становилось нужно, и онъ чувствовалъ, что онъ не свободенъ, и что онъ противъ воли провожаетъ каждую молодую женщину глазами.

Онъ считалъ нехорошимъ у себя, въ своей деревнѣ, сойтись съ женщиной или дѣвкой. Онъ зналъ по разсказамъ, что и отецъ его и дѣдъ въ этомъ отношеніи совершенно отдѣлялись отъ другихъ помѣщиковъ того времени и дома не заводили у себя никогда никакихъ шашенъ съ крѣпостными, и рѣшилъ, что этого онъ не сдѣлаетъ; но потомъ, все болѣе и болѣе чувствуя себя связаннымъ и съ ужасомъ представляя себѣ то, что съ нимъ можетъ быть въ городишкѣ, и сообразивъ, что теперь не крѣпостные, онъ рѣшилъ, что можно и здѣсь. «Только бы сдѣлать это такъ, чтобы никто не зналъ, и не для разврата, а только для здоровья», — такъ говорилъ онъ себѣ. И когда онъ рѣшилъ это, ему стало еще безпокойнѣе; говоря съ старостой, съ мужиками, съ столяромъ, онъ невольно наводилъ разговоръ на женщинъ и, если разговоръ заходилъ о женщинахъ, то задерживалъ на этомъ. На женщинъ же онъ приглядывался больше и больше.

III.

Но рѣшить дѣло самому съ собой было одно, привести же его въ исполненіе было другое. Самому подойти къ женщинѣ— невозможно. Къ какой? гдѣ? Надо черезъ кого-нибудь. Но къ кому обратиться?

Случилось ему разъ зайти напиться въ лѣсную караулку. Сторожемъ былъ бывшій охотникъ отца. Евгеній Иванычъ разговорился съ нимъ, и сторожъ сталъ разсказывать старинныя исто-

ріи—про кутежи на охотѣ. И Евгенію Иванычу пришло въ голову, что хорошо бы было здѣсь, въ караулкѣ или въ лѣсу, устроить это. Онъ только не зналъ, какъ, и возьмется ли за это старый Данила. «Можетъ-быть, онъ ужаснется отъ такого предложенія, и я осрамлюсь, а можетъ—очень просто согласится». Такъ онъ думалъ, слушая разсказы Данилы. Данила разсказывалъ, какъ они стояли въ отъѣзжемъ полѣ у дьячихи, и какъ Пряничникову онъ привелъ бабу.

«Можно», подумалъ Евгеній.

— Вашъ батюшка, царство небесное, этими глупостями не займался.

«Нельзя», подумалъ Евгеній. Но, чтобы изслѣдовать, сказалъ:

– Какъ же ты такими дѣлами нехорошими занимался?

— А что же тутъ худого? И она рада, а мой Федоръ Захарычъ довольны-предовольны. Мнѣ рубль. Вѣдь какъ же и быть ему-то? Тоже живая кость, чай, вино пьетъ.

«Да, можно сказать», подумалъ Евгеній и тотчасъ же приступилъ.

— А знаешь, — онъ почувствовалъ, какъ онъ багрово покраснѣлъ, — знаешь, Данила, я измучился.

Данила улыбнулся.

— Я все-таки не монахъ, — привыкъ.

Онъ чувствовалъ, что глупо все, что онъ говоритъ, но радовался, потому что Данила одобрялъ.

— Что же, вы бы давно сказали, это можно, — сказалъ онъ,— вы только скажите, какую.

— Ахъ, право, мнѣ все равно. Ну, разумѣется, чтобъ не безобразная была и здоровая.

— Понялъ!—откусилъ Данила. Онъ подумалъ.—Охъ, хороша штучка есть,—началъ онъ. Опять Евгеній покраснѣлъ.—Хороша штучка. Изволите видѣть, выдали ее по осени.—Данила сталъ шептать: — а онъ ничего не можетъ сдѣлать. Вѣдь это на охотника, что стоитъ?

Евгеній сморщился даже отъ стыда.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заговорилъ онъ.—Мнѣ совсѣмъ не то нужно. Мнѣ, напротивъ (что могло быть напротивъ?), мнѣ, напротивъ, надо, чтобы только здоровая, да поменьше хлопотъ—солдатка или эдакъ...

— Знаю. Это, значитъ, Степаниду вамъ предоставить. Мужъ въ городу, все равно, какъ солдатка, а бабочка хорошая, чистая. Будете довольны. Я и то ей намесь говорю, — пойди, а она...

— Ну, такъ когда же?

— Да хоть завтра. Я вотъ пойду за табакомъ и зайду, а въ обѣдъ приходите сюда али за огородъ къ банѣ. Никого нѣтъ. Да и въ обѣдъ весь народъ спитъ.

— Ну, хорошо.

Страшное волненіе охватило Евгенія, когда онъ поѣхалъ домой. «Что такое будетъ? Что такое крестьянка? Что-нибудь вдругъ безобразное, ужасное. Нѣтъ, онѣ красивы,—говорилъ онъ себѣ, вспоминая тѣхъ, на которыхъ онъ заглядывался.—Но что я скажу, что я сдѣлаю?»

Цѣлый день онъ былъ не свой; на другой день, въ двѣнадцать часовъ, онъ пошелъ къ караулкѣ. Данила стоялъ въ дверяхъ и молча, значительно кивнулъ головой къ лѣсу. Кровь прилила къ сердцу Евгенія, онъ почувствовалъ его и пошелъ къ огороду. Никого. Подошелъ къ банѣ, — никого, заглянулъ туда, вышелъ и вдругъ услыхалъ трескъ сломленной вѣтки. Онъ оглянулся, она стояла въ чащѣ за овражкомъ. Онъ бросился туда черезъ оврагъ. Въ оврагѣ была крапива, которой онъ не замѣтилъ. Онъ отрекался и, потерявъ съ носа пенснэ, вбѣжалъ на противоположный бугоръ. Въ бѣлой вышитой занавѣскѣ, красно-бурой паневѣ, красномъ яркомъ платкѣ, съ босыми ногами, свѣжая, твердая, красивая, она стояла и робко улыбалась.

— Тутъ кругомъ тропочка, обошли бы, — сказала она. — А мы давно. Голомя.

Онъ подошелъ къ ней и, оглядываясь, коснулся ея.

Черезъ четверть часа они разошлись; онъ нашелъ пенснэ и зашелъ къ Данилѣ и, въ отвѣтъ на вопросъ его: «Довольны ли, баринъ?» — далъ ему рубль и пошелъ домой.

Онъ былъ доволенъ. Стыдъ былъ только сначала, но потомъ прошелъ. И все было хорошо. Главное, хорошо, что ему теперь легко, спокойно, бодро. Ее онъ хорошенько даже не разсмотрѣлъ. Помнилъ, что чистая, свѣжая, недурная и простая, безъ гримасъ. «Чья, бишь, она?» говорилъ онъ себѣ. «Печникова онъ сказалъ? Какая же это Печникова? Вѣдь ихъ два двора. Должно-быть, Михайлы старика

епоха. Да, вѣрно, его. У него вѣдь сынъ живетъ въ Москвѣ. Спрошу у Данилы когда-нибудь».

Съ этихъ поръ устранилась эта важная прежде непріятность деревенской жизни — невольное воздержаніе. Свобода мысли Евгенія уже не нарушалась, и онъ могъ свободно заниматься своими дѣлами.

А дѣло, которое взялъ на себя Евгеній, было очень нелегкое: иногда ему казалось, что онъ не выдержитъ, и кончится тѣмъ, что все-таки придется продать имѣніе, всѣ труды его пропадутъ, и, главное, что окажется, что не выдержалъ, не сумѣлъ додѣлать того, за что взялся. Это больше всего тревожило его. Не успѣвалъ онъ заткнуть кое-какъ одной дыры, какъ раскрывалась новая, неожиданная.

Во все это время все оказывались новые и новые, неизвѣстные прежде, долги отца. Видно было, что отецъ въ послѣднее время бралъ гдѣ попало. Во время раздѣла въ маѣ Евгеній думалъ, что онъ знаетъ, наконецъ, все. Но вдругъ въ серединѣ лѣта онъ получилъ письмо, изъ котораго оказывалось, что былъ еще долгъ вдовѣ Есиповой въ 12 тысячъ. Векселя не было, была простая расписка, которую можно было, по словамъ повѣреннаго, оспаривать. Но Евгенію и въ голову не могло прійти отказаться отъ уплаты дѣйствительнаго долга отца только потому, что можно было оспаривать документъ. Ему надо было узнать только навѣрное, дѣйствительный ли это былъ долгъ.

— Мама! Что такое Есипова, Калерія Владимировна?—спросилъ онъ у матери, когда они по обыкновенію сошлись за обѣдомъ.

— Есипова? Да это воспитанница дѣдушки. А что?

Евгеній разсказалъ матери про письмо.

— Удивляюсь, какъ ей не совѣстно. Твой папа ей сколько передавалъ!

— Но должны мы ей?

— Т.-е., какъ тебѣ сказать. Долгу нѣтъ, папа по своей безконечной добротѣ...

— Да, но папа считалъ это долгомъ?

— Не могу я тебѣ сказать. Не знаю. Знаю, что тебѣ и такъ тяжело.

Евгеній видѣлъ, что Марья Павловна сама не знала, какъ сказать, и какъ бы выпытывала его.

— Изъ этого я вижу, что надо платить, — сказалъ сынъ.— Я завтра поѣду къ ней и поговорю, нельзя ли отсрочить.

— Ахъ, какъ мнѣ жалко тебя, но, знаешь, лучше. Ты ей скажи, что она должна подождать, — говорила Марья Павловна, очевидно, успокоенная и гордая рѣшеніемъ сына.

Положеніе Евгенія было особенно трудно оттого еще, что мать, жившая съ нимъ, совсѣмъ не понимала его положенія. Она всю жизнь привыкла жить такъ широко, что не могла представить себѣ даже того положенія, въ которомъ былъ сынъ, т.-е. того, что нынче-завтра дѣла могли устроиться такъ, что у нихъ ничего не останется, и сыну придется все продать и жить и содержать мать одной службой, которая въ его положеніи могла ему дать много-много 2000 рублей. Она не понимала, что спастись отъ этого положенія можно только урѣзкой расходовъ во всемъ, и потому не могла понять, зачѣмъ Евгеній такъ стѣснялся въ мелочахъ: въ расходахъ на садовниковъ, кучеровъ, на прислугу и столъ даже. Кромѣ того, какъ большинство вдовъ, она питала къ памяти покойника чувства благоговѣнія, далеко не похожія на тѣ, которыя она имѣла къ нему, пока онъ былъ живъ, и не допускала мысли о томъ, что то, что дѣлалъ или завелъ покойникъ, могло быть худо и измѣнено.

Евгеній поддерживалъ съ большимъ напряженіемъ и садъ, и оранжерею съ двумя садовниками, и конюшню съ двумя кучерами. Марья же Павловна наивно думала, что, не жалуясь на столъ, который готовилъ старикъ поваръ, и на то, что дорожки въ паркѣ не всѣ были чищены, и что, вмѣсто лакеевъ, былъ одинъ мальчикъ, что она дѣлаетъ все, что можетъ мать, жертвующая собой для своего сына.

Такъ и въ этомъ новомъ долгѣ, въ которомъ Евгеній видѣлъ для себя почти что добивающій ударъ всѣмъ его предпріятіямъ, Марья Павловна видѣла только случай, выказавшій благородство Евгенія. Марья Павловна не безпокоилась очень о матеріальномъ положеніи Евгенія еще и потому, что она была увѣрена, что онъ сдѣлаетъ блестящую партію, которая поправитъ все. Партію же онъ могъ сдѣлать самую блестящую. Она знала десятокъ семей, которыя счастливы были отдать за него дочь. И она желала какъ можно скорѣе устроить это.

IV.

Евгеній самъ мечталъ о женитьбѣ, но только не такъ, какъ мать: мысль о томъ, чтобы сдѣлать изъ женитьбы средство поправленія своихъ дѣлъ, была отвратительна ему. Жениться онъ хотѣлъ честно, по любви. Онъ и приглядывался къ дѣвушкамъ, которыхъ встрѣчалъ и зналъ, прикидывалъ себя къ нимъ, но судьба его не рѣшалась. Между тѣмъ, чего онъ никакъ не ожидалъ, сношенія его съ Степанидой продолжались и получили даже характеръ чего-то установившагося. Евгеній такъ былъ далекъ отъ распутства, такъ тяжело было ему дѣлать это тайное,—онъ чувствовалъ—нехорошее дѣло, что онъ никакъ не устраивался и даже послѣ перваго свиданія надѣялся совсѣмъ больше не видать Степаниды, но оказалось, что черезъ нѣсколько времени на него опять нашло безпокойство, которое приписывалъ этому. И безпокойство на этотъ разъ уже не было безличное, а ему представлялись именно тѣ самые черные, блестящіе глаза, тотъ же грудной голосъ, говорящій «голомя́», тотъ же запахъ чего-то свѣжаго и сильнаго, и та же высокая грудь, поднимающая занавѣску,—и все это въ той же орѣховой и кленовой чащѣ, облитой яркимъ свѣтомъ.

Какъ ни совѣстно было, онъ опять обратился къ Данилѣ. И опять назначилось свиданіе въ полдень въ лѣсу. Въ этотъ разъ Евгеній больше разсмотрѣлъ ее, и все показалось ему въ ней привлекательно. Онъ попробовалъ поговорить съ ней, спросилъ о мужѣ. Дѣйствительно, это былъ Михайлинъ сынъ, онъ жилъ въ кучерахъ въ Москвѣ.

— Ну, что же, какъ же ты...—Евгеній хотѣлъ спросить, какъ она измѣняетъ ему.

— Чего какъ же?—спросила она. Она, очевидно, была умна и догадлива.

— Ну, какъ же, — вотъ ты ко мнѣ ходишь?

— Вона, — весело проговорила она. — Онъ, я чай, тамъ гуляе. Что жъ мнѣ-то?

Очевидно, она сама на себя напускала развязность, ухарство. И это показалось мило Евгенію. Но все-таки онъ не назначилъ ей самъ свиданія. Даже, когда она предложила, чтобы сходиться помимо Данилы, къ которому она какъ-то недоброжелательно отно-

силась, Евгеній не согласился. Онъ надѣялся, что это свиданіе было послѣднее. Она ему нравилась. Онъ думалъ, что ему необходимо такое общеніе, и что дурного въ этомъ нѣтъ ничего, но въ глубинѣ души у него былъ судья болѣе строгій, который не одобрялъ этого и надѣялся, что это въ послѣдній разъ, если же не надѣялся, то, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ самъ участвовать въ этомъ дѣлѣ и приготавливать себѣ это въ другой разъ.

Такъ и шло все лѣто, въ продолженіе котораго онъ видѣлся съ ней разъ десять и всякій разъ черезъ Данилу. Было одинъ разъ, что ей нельзя было прійти, потому что пріѣхалъ мужъ, и Данила предложилъ другую. Евгеній съ отвращеніемъ отказался. Потомъ мужъ уѣхалъ, и свиданія продолжались по-старому, сначала черезъ Данилу, а потомъ уже прямо онъ назначалъ время, и она приходила съ бабой Прохоровой, такъ какъ одной нельзя ходить бабѣ.

Одинъ разъ, въ самое назначенное время свиданія, къ Марьѣ Павловнѣ пріѣхало семейство съ той дѣвушкой, которую она сватала Евгенію, и Евгеній никакъ не могъ вырваться. Какъ только онъ могъ уйти, онъ пошелъ какъ будто на гумно и въ обходъ тропинкой въ лѣсъ, на мѣсто свиданія. Ея не было. Но на обычномъ мѣстѣ все, покуда могла достать рука, все было переломано — черемуха, орѣшень, даже молодой кленокъ въ колъ толщиною. Это она ждала, волновалась и сердилась и, играючи, оставляла ему память. Онъ постоялъ, постоялъ и пошелъ къ Данилѣ просить ее вызвать и на завтра. Она пришла и была такая же, какъ всегда.

Такъ прошло лѣто. Свиданья всегда назначались въ лѣсу и одинъ разъ только, ужъ передъ осенью, въ гуменномъ сараѣ на ихъ задворкахъ.

Евгенію и въ голову не приходило, чтобы эти отношенія его имѣли какое-нибудь для него значеніе. Объ ней же онъ и не думалъ. Давалъ ей деньги, и больше ничего. Онъ не зналъ и не думалъ о томъ, что по всей деревнѣ ужъ знали про это и завидовали ей, что ея домашніе брали у ней деньги и поощряли ее, и что ея представленіе о грѣхѣ, подъ вліяніемъ денегъ и участія домашнихъ, совсѣмъ уничтожилось. Ей казалось, что если люди завидуютъ, то то, что она дѣлаетъ, хорошо.

«Просто для здоровья надо же», думалъ Евгеній. «Положимъ, нехорошо, и, хотя никто не говоритъ, всѣ или многіе знаютъ. Баба, съ которой она ходитъ, знаетъ. А знаетъ, вѣрно разсказала и дру-

гимъ. Но что же дѣлать? Скверно я поступаю,—думалъ Евгеній,—да что дѣлать? Ну, да не надолго».

Главное, что смущало Евгенія, это былъ мужъ. Сначала ему почему-то представлялось, что мужъ ея долженъ быть плохъ, и это какъ бы оправдывало его отчасти. Но онъ увидалъ мужа и былъ пораженъ: это былъ молодчина и щеголь, ужъ никакъ не хуже, а навѣрное лучше его. При первомъ свиданіи онъ сказалъ ей, что видѣлъ ея мужа и что онъ полюбовался имъ, какой онъ молодчина.

— Другого такого нѣтъ въ деревнѣ,— съ гордостью сказала она.

Это удивило Евгенія. Мысль о мужѣ съ тѣхъ поръ еще болѣе мучила его. Случилось ему разъ быть у Данилы, и Данила, разговорившись, прямо сказалъ ему:

— А Михайла намедни спрашивалъ меня: правда ли, что баринъ съ моей женой живетъ. Я сказалъ — не знаю. Да и то, говорю, лучше съ бариномъ, чѣмъ съ мужикомъ.

— Ну, что же онъ?

— Да ничего,—говоритъ: погоди жъ, дознаюсь, я ей задамъ.

«Ну да если бы мужъ вернулся, я бы бросилъ», думалъ Евгеній.

Но мужъ жилъ въ городѣ, и отношенія пока продолжались.

«Когда надо будетъ, оборву, и ничего не останется», думалъ онъ.

И ему казалось это несомнѣннымъ, потому что въ продолженіе лѣта много разныхъ вещей очень сильно занимало его: и устройство новаго хутора, и уборка, и постройка, и, главное, уплата долга и продажа пустоши. Все это были предметы, которые поглощали его всего, о которыхъ онъ думалъ, ложась и вставая. Все это была настоящая жизнь. Сношенія же—онъ даже не называлъ это связью—съ Степанидой было нѣчто совсѣмъ незамѣтное. Правда, что когда приступало желаніе видѣть ее, оно приступало съ такой силой, что онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать. Но это продолжалось недолго: устраивалось свиданіе, и онъ опять забывалъ ее на недѣли, иногда на мѣсяцъ.

Осенью Евгеній часто ѣздилъ въ городъ и тамъ сблизился съ семействомъ Анненскихъ. У Анненскихъ была дочь, только что вышедшая институтка. И тутъ, къ великому огорченію Маріи Павловны, случилось то, что Евгеній, какъ она говорила, продешевилъ себя, влюбился въ Лизу Анненскую и сдѣлалъ ей предложеніе.

Съ тѣхъ поръ сношенія съ Степанидой прекратились.

V.

Почему Евгеній выбралъ Лизу Анненскую, нельзя объяснить, какъ никогда нельзя объяснить, почему мужчина выбираетъ ту, а не другую женщину. Причинъ было пропасть — и положительныхъ и отрицательныхъ. Причиной было и то, что она не была очень богатая невѣста, какихъ сватала ему мать, и то, что она была наивна и жалка въ отношеніяхъ къ своей матери, и то, что она не была красавица, обращающая на себя вниманіе, и не была дурна. Главное же было то, что сближеніе съ нею началось въ такой періодъ, когда Евгеній былъ зрѣлъ къ женитьбѣ. Онъ влюбился потому, что зналъ, что женится.

Лиза Анненская сначала только нравилась Евгенію, но, когда онъ рѣшилъ, что она будетъ его женою, онъ почувствовалъ къ ней чувство гораздо болѣе сильное. Онъ почувствовалъ, что онъ влюбленъ.

Лиза была высокая, тонкая, длинная. Длинное было въ ней все: и лицо, и носъ, не впередъ, но вдоль по лицу, и пальцы, и ступни. Цвѣтъ лица у ней былъ очень нѣжный, бѣлый, желтоватый, съ нѣжнымъ румянцемъ, волосы длинные, русые, мягкіе и вьющіеся, и прекрасные, ясные, кроткіе и довѣрчивые глаза. Эти глаза особенно поразили Евгенія. И, когда онъ думалъ о Лизѣ, онъ видѣлъ всегда передъ собой эти ясные, кроткіе, довѣрчивые глаза.

Такова она была физически; духовно же онъ ничего не зналъ про нее, а только видѣлъ эти глаза. И эти глаза, казалось, говорили ему все, что ему нужно было знать. Смыслъ же этихъ глазъ былъ такой.

Еще съ института, съ пятнадцати лѣтъ, Лиза постоянно влюблялась во всѣхъ привлекательныхъ мужчинъ и была оживлена и счастлива только тогда, когда была влюблена. Вышедши изъ института, она точно такъ же влюблялась во всѣхъ молодыхъ мужчинъ, которыхъ встрѣчала, и, разумѣется, влюбилась въ Евгенія, какъ только узнала его. Эта-то ея влюбленность и давала ея глазамъ то особенное выраженіе, которое такъ плѣнило Евгенія.

Въ эту же зиму въ одно и то же время она уже была влюблена въ двухъ молодыхъ людей и краснѣла и волновалась не только, когда они входили въ комнату, но когда произносили ихъ имя. Но

потомъ, когда ея мать намекнула ей, что Иртеневъ, кажется, имѣетъ серьезные виды, влюбленье ея въ Иртенева усилилось такъ, что она стала почти равнодушной къ двумъ прежнимъ. Но когда Иртеневъ сталъ бывать у нихъ, на балѣ, собраніи, танцовалъ съ ней больше, чѣмъ съ другими, и, очевидно, желалъ узнать только, любить ли она его, тогда влюбленье ея въ Иртенева сдѣлалось чѣмъ-то болѣзненнымъ; она видѣла его во снѣ и наяву въ темной комнатѣ, и всѣ другіе исчезли для нея. Когда же онъ сдѣлалъ предложеніе, и ихъ благословили, когда они поцѣловались съ нимъ и стали женихъ съ невѣстой, тогда у ней не стало другихъ мыслей, кромѣ него, другихъ желаній, кромѣ того, чтобы быть съ нимъ, чтобы любить его и быть имъ любимой. Она и гордилась имъ, и умилялась передъ нимъ и передъ собой и своей любовью, и вся млѣла и таяла отъ любви къ нему.

Чѣмъ больше онъ узналъ ее, тѣмъ больше и онъ любилъ ее. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такую любовь, и эта любовь усиливала еще его чувство.

VI.

Передъ весной онъ пріѣхалъ въ Семеновское посмотрѣть и распорядиться по хозяйству, а главное, по дому, гдѣ шло убранство для женитьбы.

Марья Павловна была недовольна выборомъ сына, но только потому, что партія эта не была такъ блестяща, какъ она могла бы быть, и потому, что Варвара Алексѣевна, будущая теща, не нравилась ей. Добрая ли она была или злая, она не знала и не рѣшила, но то, что она была не порядочная женщина, не comme il faut, не лэди, какъ говорила себѣ Марья Павловна, это она увидала съ перваго знакомства, и это огорчало ее; огорчало за то, что она цѣнила эту порядочность по привычкѣ, знала, что Евгеній очень чутокъ на это, и предвидѣла для него много огорченій отъ этого. Дѣвушка же ей нравилась. Нравилась, главное, потому, что она нравилась Евгенію. Надо было любить ее. И Марья Павловна готова была на это, и совершенно искренно.

Евгеній засталъ мать радостной, довольной. Она устраивала все въ домѣ и сама собиралась уѣхать, какъ только онъ привезетъ

молодую жену. Евгеній уговаривалъ ее оставаться, и вопросъ оставался нерѣшеннымъ.

Вечеромъ, по обыкновенію, послѣ чая Марья Павловна дѣлала пасьянсъ. Евгеній сидѣлъ, помогая ей. Это было время самыхъ задушевныхъ разговоровъ. Окончивъ одинъ пасьянсъ и не начиная новый, Марья Павловна взглянула на Евгенія и, нѣсколько заминаясь, начала такъ:

— А я хотѣла тебѣ сказать, Женя... Разумѣется, я не знаю... но вообще я хотѣла посовѣтовать о томъ, что передъ женитьбой надо непремѣнно покончить всѣ свои холостыя дѣла, такъ чтобы ничего уже не могло безпокоить и тебя и, помилуй Богъ, жену; ты меня понимаешь?

И дѣйствительно, Евгеній сейчасъ же понялъ, что Марья Павловна намекала на его сношенія съ Степанидой, которыя прекратились съ самой осени, и, какъ всегда одинокія женщины, приписывала этимъ сношеніямъ гораздо большее значеніе, чѣмъ то, которое они имѣли. Евгеній покраснѣлъ и не отъ стыда столько, сколько отъ досады, что добрая Марья Павловна суется — правда, любя, но все-таки суется—туда, куда ей не надо и чего она не понимаетъ и не можетъ понимать. Онъ сказалъ, что у него ничего нѣтъ такого, что бы нужно было скрывать, и что онъ именно такъ себя велъ всегда, чтобы ничто не могло помѣшать его женитьбѣ.

— Ну и прекрасно, дружокъ. Ты, Геня, не обижайся на меня,— сказала Марья Павловна, конфузясь.

Но Евгеній видѣлъ, что она не кончила и не сказала того, что хотѣла. Такъ и вышло. Немного погодя она стала разсказывать о томъ, какъ безъ него ее просили крестить у... Печниковыхъ.

Теперь Евгеній вспыхнулъ ужъ не отъ досады и даже не отъ стыда, а отъ какого-то страннаго чувства сознанія важности того, что ему сейчасъ скажутъ, сознанія невольнаго, совершенно несогласнаго съ его разсужденіемъ. Такъ и вышло то, чего онъ ожидалъ. Марья Павловна, какъ будто не имѣя никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ разговора, разсказала, что нынѣшній годъ родятся все мальчики, видно, къ войнѣ. И у Васиныхъ, и у Печниковыхъ молодая бабочка первымъ — тоже мальчикъ. Марья Павловна хотѣла разсказать это незамѣтно, но ей самой сдѣлалось стыдно, когда она увидала краску на лицѣ сына и его нервное сниманіе, пощелкиваніе и надѣваніе пенснэ и поспѣшное закуриваніе папиросы. Она

замолчала. Онъ тоже молчалъ и не могъ придумать, чѣмъ бы перервать это молчаніе. Такъ что оба поняли, что поняли другъ друга.

— Да, главное въ деревнѣ надо справедливость, чтобы не было любимцевъ, какъ у дяди твоего.

— Маменька, — сказалъ вдругъ Евгеній, — я знаю, къ чему вы это говорите. Вы напрасно тревожитесь. Для меня моя будущая семейная жизнь—такая святыня, которой я ни въ какомъ случаѣ не нарушу. А то, что было въ моей холостой жизни, то все кончено совсѣмъ. И я никогда не входилъ ни въ какія связи, и никто не имѣетъ на меня никакихъ правъ.

— Ну, я рада,—сказала мать,—я знаю твои благородныя мысли.

Евгеній принялъ эти слова матери какъ слѣдующую ему дань и замолчалъ.

На другое утро онъ поѣхалъ въ городъ, думая о невѣстѣ, обо всемъ на свѣтѣ, но только не о Степанидѣ. Но какъ будто нарочно, чтобы напомнить ему, онъ, подъѣзжая къ церкви, сталъ встрѣчать народъ, шедшій и ѣхавшій оттуда. Онъ встрѣтилъ Матвѣя старика съ Семеномъ, ребятъ, молодыхъ дѣвокъ, а вотъ двѣ бабы, одна постарше и одна нарядная въ ярко-красномъ платкѣ и что-то знакомое. Баба идетъ легко, бодро, и на рукѣ ребенокъ. Онъ поровнялся, баба старшая поклонилась, по-старинному остановившись, а молодайка съ ребенкомъ только нагнула голову, и изъ-подъ платка блеснули знакомые, улыбающіеся, веселые глаза.

«Да, это она, но все кончено, и нечего смотрѣть на нее; и ребенокъ, можетъ-быть, мой», мелькнуло ему въ головѣ. «Нѣтъ, вздоръ какой. Мужъ былъ, она къ нему ходила». Онъ не сталъ высчитывать даже. Такъ у него рѣшено было, что это было нужно для здоровья, онъ платилъ деньги, и больше ничего; связи какой-нибудь между [н]имъ и ею нѣтъ, не было, не можетъ и не должно быть. Онъ не то, чтобы заминалъ голосъ совѣсти, нѣтъ, — прямо совѣсть ничего не говорила ему. И онъ не вспомнилъ о ней ни разу послѣ разговора матери и встрѣчи. И ни разу послѣ и не встрѣчалъ ея.

На Красную Горку Евгеній обвѣнчался въ городѣ и тотчасъ же съ молодой женой уѣхалъ въ деревню. Домъ былъ устроенъ, какъ обыкновенно устраиваютъ для молодыхъ. Марья Павловна хотѣла уѣхать, но Евгеній, а главное, Лиза, упросили ее остаться; только она перешла во флигель.

И такъ началась для Евгенія новая жизнь.

VII.

Первый годъ семейной жизни былъ трудный годъ для Евгенія. Труденъ онъ былъ тѣмъ, что дѣла, которыя онъ откладывалъ кое-какъ во время сватовства, теперь, послѣ женитьбы, всѣ вдругъ обрушились на него.

Выпутаться изъ долговъ оказалось невозможнымъ. Дача была продана, самые кричащіе долги покрыты, но все еще оставались долги, и денегъ не было. Имѣнье принесло хорошій доходъ, но нужно было послать брату и издержать на свадьбу, такъ что денегъ не было, и заводъ не могъ итти, и надо было его остановить. Одно средство выпутаться состояло въ томъ, чтобы употребить деньги жены. Лиза, понявъ положеніе мужа, сама потребовала этого. Евгеній согласился, но только съ тѣмъ, чтобы сдѣлать купчую на половину имѣнія на имя жены; такъ онъ и сдѣлалъ. Разумѣется, не для жены, которую это оскорбляло, а для тещи.

Эти дѣла съ разными перемѣнами, то успѣхъ, то неуспѣхъ, было одно, что отравляло жизнь Евгенія въ этотъ первый годъ. Другое было нездоровье жены. Въ этотъ же первый годъ, семь мѣсяцевъ послѣ женитьбы, осенью, съ Лизой случилась бѣда. Она выѣхала въ шарабанѣ встрѣчать мужа, возвращавшагося изъ города, смирная лошадь заиграла, она испугалась. выпрыгнула. Прыжокъ былъ относительно счастливый,—она могла зацѣпиться за колесо,—но она была уже беременна, и въ ту же ночь у нея начались боли, и она выкинула и долго не могла справиться послѣ выкидыша. Потеря ожидаемаго ребенка, болѣзнь жены, связанное съ этимъ разстройство жизни, и, главное, присутствіе тещи, пріѣхавшей тотчасъ же, какъ заболѣла Лиза, все это сдѣлало для Евгенія годъ этотъ еще болѣе тяжелымъ.

Но, несмотря на эти тяжелыя обстоятельства, къ концу перваго года Евгеній чувствовалъ себя очень хорошо. Во первыхъ, его задушевная мысль возстановить упавшее состояніе, возобновить дѣдовскую жизнь въ новыхъ формахъ, хотя съ трудомъ и медленно, но приводилась въ исполненіе. Теперь уже рѣчи не могло быть о продажѣ за долги веего имѣнія. Имѣніе главное, хотя и переписанное на имя жены, было спасено, и, если только свекла будетъ выходна и цѣны хороши, то къ будущему году положеніе

нужды и напряженія можетъ замѣниться совершеннымъ довольствомъ. Это было одно.

Другое было то, что какъ ни много онъ ожидалъ отъ своей жены, онъ никакъ не ожидалъ найти въ ней то, что онъ нашелъ. Это было не то, чего онъ ожидалъ, но это было гораздо лучше. Умиленій, восторговъ влюбленныхъ, хотя онъ и старался ихъ устраивать, не выходило или выходило очень слабо; но выходило совсѣмъ другое, то, что не только веселѣе, пріятнѣе, но легче стало жить. Онъ не зналъ, отчего это происходило, но это было такъ.

Происходило же это оттого, что ею было рѣшено тотчасъ же послѣ обрученья, что изъ всѣхъ людей въ мірѣ есть одинъ Евгеній Иртеневъ выше, умнѣе, чище, благороднѣе всѣхъ, и потому обязанность всѣхъ людей служить и дѣлать пріятное этому Иртеневу; но такъ какъ всѣхъ нельзя заставить это дѣлать, то надо по мѣрѣ силъ дѣлать это самой. Такъ она и дѣлала; и потому всѣ ея силы душевныя всегда были направлены на то, чтобы узнать, угадать то, что онъ любитъ, и потомъ дѣлать это самое, что бы это ни было и какъ бы трудно это ни было.

И въ ней было то, что составляетъ главную прелесть общенія съ любящей женщиной: въ ней было, благодаря любви къ мужу, ясновидѣнье его души. Она чуяла — ему казалось, часто лучше его самого—всякое состояніе его души, всякій оттѣнокъ его чувства и соотвѣтственно этому поступала,—стало-быть, никогда не оскорбляла его чувства, а всегда умѣряла тяжелыя чувства и усиливала радостныя. Но не только чувства,—мысли его она понимала. Самые чуждые ей предметы по сельскому хозяйству, по заводу, по оцѣнкѣ людей она сразу понимала и не только могла быть ему собесѣдникомъ, но часто, какъ онъ самъ говорилъ ей, полезнымъ, незамѣнимымъ совѣтчикомъ. На вещи, людей, на все въ мірѣ она смотрѣла только его глазами. Она любила свою мать, но, увидавъ, что Евгенію бывало непріятно вмѣшательство въ ихъ жизнь тещи, она сразу стала на сторону мужа, и съ такой рѣшительностью, что онъ долженъ былъ укрощать ее.

Сверхъ всего этого, въ ней было пропасть вкуса, такта и, главное, тишины. Все, что она дѣлала, она дѣлала незамѣтно; замѣтны были только результаты дѣла, т.-е., всегда и во всемъ чистота, порядокъ и изящество. Лиза тотчасъ же поняла, въ чемъ состоялъ идеалъ жизни ея мужа, и старалась достигнуть и достигала въ устрой-

ствѣ и порядкѣ дома того самаго, чего онъ желалъ. Недоставало дѣтей, но и на это была надежда. Зимой они съѣздили въ Петербургъ къ акушеру, и онъ увѣрилъ ихъ, что она совсѣмъ здорова и можетъ имѣть дѣтей.

И это желаніе сбылось. Къ концу года она опять забременѣла.

Одно, что не то, что отравляло, но угрожало ихъ счастью, была ея ревность,—ревность, которую она сдерживала, не показывала, но отъ которой она часто страдала. Не только Евгеній не могъ никого любить, потому что не было на свѣтѣ женщинъ, достойныхъ его (о томъ, что была ли она достойна его или нѣтъ, она никогда не спрашивала себя), [но] и ни одна женщина поэтому не могла смѣть любить его.

VIII.

Жили они такъ: онъ вставалъ, какъ всегда, рано и шелъ по хозяйству, на заводъ, гдѣ производились работы, иногда въ поле. Къ десяти часамъ онъ приходилъ къ кофею; кофе пили на террасѣ Марья Павловна, дядюшка, который жилъ у нихъ, и Лиза. Послѣ разговоровъ, часто очень оживленныхъ, за кофе, расходились до обѣда. Въ два обѣдали, и послѣ ходили гулять или ѣздили кататься. Вечеромъ, когда онъ приходилъ изъ конторы, пили поздно чай, а иногда онъ читалъ вслухъ, она работала, или музицировали, или разговаривали, когда бывали гости. Когда онъ уѣзжалъ по дѣламъ, онъ писалъ и получалъ отъ нея письма каждый день. Иногда она сопутствовала ему, и это бывало особенно весело. Въ именины его и ея собирались гости, и ему пріятно было видѣть, какъ она умѣла все устроить такъ, что всѣмъ было хорошо. Онъ видѣлъ, да и слышалъ, что всѣ любуются ею, молодой, милой хозяйкой, и еще больше любилъ ее за это.

Все шло прекрасно. Беременность она носила легко, и они оба, хотя и сами робѣя, начинали загадывать о томъ, какъ они будутъ воспитывать ребенка. Способъ воспитанія, пріемы, все это рѣшалъ Евгеній, и она только желала покорно исполнить его волю. Евгеній же начитался медицинскихъ книгъ и имѣлъ намѣреніе воспитывать ребенка по всѣмъ правиламъ науки. Она, разумѣет-

ся, соглашалась на все и готовилась, сшивала конверты теплые и холодные и устраивала качку. Такъ наступилъ второй годъ ихъ женитьбы и вторая весна.

IX.

Это было подъ Троицынъ день. Лиза была на пятомъ мѣсяцѣ и, хотя и береглась, была весела и подвижна. Обѣ матери, ея и его, жили въ домѣ [и], подъ предлогомъ карауленія и обереганія ея, только тревожили ее своими пикировками. Евгеній занимался особенно горячо хозяйствомъ, новой обработкой въ большихъ размѣрахъ свеклы.

Подъ Троицынъ день Лиза рѣшила, что надо сдѣлать хорошую очистку дома, которой не дѣлали со Святой, и позвала въ помощь прислугѣ двухъ поденныхъ бабъ, чтобы вымыть полы, окна, и выбить мебель и ковры, и надѣть чехлы. Съ ранняго утра пришли бабы, поставили чугуны воды и принялись за работу. Одна изъ двухъ бабъ была Степанида, которая только что отняла своего мальчика и напросилась черезъ конторщика, къ которому она бѣгала теперь, въ поломойки. Ей хотѣлось хорошенько разсмотрѣть новую барыню. Степанида жила по-старому, одна, безъ мужа, и шалила, какъ она шалила прежде съ старикомъ Данилой, поймавшимъ ее съ дровами, потомъ съ бариномъ, теперь съ молодымъ малымъ конторщикомъ. Объ баринѣ она вовсе и не думала. «У него теперь жена есть,—думала она.—А лестно посмотрѣть барыню, ея заведеніе: хорошо, говорятъ, убрано».

Евгеній съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилъ ее съ ребенкомъ, не видалъ ея. На поденную она не ходила, такъ какъ была съ ребенкомъ, а онъ рѣдко проходилъ по деревнѣ. Въ это утро, наканунѣ Троицына дня, Евгеній рано, въ пятомъ часу, всталъ и уѣхалъ на паровое поле, гдѣ должны были разсыпать фосфориты, и вышелъ изъ дома, пока еще бабы не входили въ него, а возились у печи съ котлами.

Веселый, довольный и голодный, Евгеній, возвращался къ завтраку. Онъ слѣзъ съ лошади у калитки и, отдавъ [ее] проходившему садовнику, постегивая хлыстомъ высокую траву, повторяя, какъ это часто бываетъ, произнесенную фразу, шелъ къ дому. Фраза,

которую онъ повторялъ, была: «фосфориты оправдаютъ»,—что, передъ кѣмъ — онъ не зналъ и не думалъ.

На лужку колотили коверъ. Мебель была вынесена.

«Матушки! какую Лиза затѣяла перечистку!.. Фосфориты оправдаютъ... Вотъ такъ хозяйка! Хозяюшка! Да, хозяюшка,— сказалъ онъ самъ себѣ, живо представивъ себѣ ее въ бѣломъ капотѣ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, какое у нея почти всегда было, когда онъ смотрѣлъ на нее. — Да, надо перемѣнить сапоги, а то фосфориты оправдаютъ, то-есть, пахнетъ навозомъ, а хозяюшка-то-съ въ такомъ положеніи. Отчего въ такомъ положеніи? Да, растетъ тамъ, въ ней, маленькій Иртеневъ, новый, — подумалъ онъ. — Да, фосфориты оправдаютъ» и, улыбаясь своимъ мыслямъ, ткнулъ рукой дверь въ свою комнату.

Но не успѣлъ онъ надавить на дверь, какъ она сама отворилась, и носъ съ носомъ онъ столкнулся съ шедшей ему навстрѣчу съ ведромъ, подоткнутой, босоногой и съ высоко засученными рукавами бабой. Онъ посторонился, чтобы пропустить бабу, она тоже посторонилась, поправляя верхомъ мокрой руки сбившійся платокъ.

— Иди, иди, я не пойду, коли вы... — началъ было Евгеній и вдругъ, узнавъ ее, остановился.

Она, улыбаясь глазами, весело взглянула на него и, обдернувъ паневу, вышла изъ двери.

«Что за вздоръ?... Что такое?.. Не можетъ быть», хмурясь и отряхаясь, какъ отъ мухи, говорилъ себѣ Евгеній, недовольный тѣмъ, что онъ замѣтилъ ее. Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что замѣтилъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ оторвать глазъ отъ ея покачивающагося, ловкой, сильной походкой босыхъ ногъ, тѣла, отъ ея рукъ, плечъ, красивыхъ складокъ рубахи и красной паневы, высоко подоткнутой надъ ея бѣлыми икрами.

«Да что же я смотрю?!» — сказалъ онъ себѣ, опуская глаза, чтобы не видать ея.—«Да, надо взойти все-таки, взять сапоги другіе». И онъ повернулся назадъ къ себѣ въ комнату; но не успѣлъ пройти пяти шаговъ, какъ, самъ не зная, какъ и по чьему приказу, опять оглянулся, чтобы еще разъ увидать ее. Она заходила за уголъ и въ то же мгновенье тоже оглянулась на него.

«Ахъ, что я дѣлаю! — вскрикнулъ онъ въ душѣ. — Она можетъ подумать... Даже навѣрное она уже подумала».

Онъ вошелъ въ свою мокрую комнату. Другая баба, старая, худая, была тамъ и мыла еще. Евгеній прошелъ на цыпочкахъ черезъ грязныя лужи къ стѣнкѣ, гдѣ стояли сапоги, и хотѣлъ выходить, когда баба тоже вышла.

«Эта вышла и придетъ та, Степанида, одна», вдругъ началъ въ немъ разсуждать кто-то.

«Боже мой, что я думаю, что я дѣлаю!» Онъ схватилъ сапоги и побѣжалъ съ ними въ переднюю, тамъ надѣлъ ихъ, обчистился и вышелъ на террасу, гдѣ ужъ сидѣли обѣ мамаши за кофе. Лиза, очевидно, ждала его и вошла на террасу изъ другой двери вмѣстѣ съ нимъ.

«Боже мой! Если бы она, считающая меня такимъ честнымъ, чистымъ, невиннымъ, если бы она знала!» подумалъ онъ.

Лиза, какъ всегда, съ сіяющимъ лицомъ встрѣтила его. Но нынче она что-то особенно показалась ему блѣдной, желтой и длинной, слабой.

X.

За кофеемъ, какъ и часто случалось, шелъ тотъ особенный дамскій разговоръ, въ которомъ логической связи не было никакой, но который, очевидно, чѣмъ-то связывался, потому что шелъ безпрерывно.

Обѣ дамы пикировались, и Лиза искусно лавировала между ними.

— Мнѣ такъ досадно, что не успѣли вымыть твою комнату до твоего пріѣзда, — сказала она мужу. — А такъ хочется все перебрать.

— Ну какъ ты, спала послѣ меня?

— Да, я спала, мнѣ хорошо.

— Какъ можетъ быть хорошо женщинѣ въ ея положеніи въ эту невыносимую жару, когда окна на солнцѣ,—сказала Варвара Алексѣевна, ея мать.—И безъ жалузи или маркизъ. У меня всегда маркизы.

— Да вѣдь здѣсь тѣнь съ десяти часовъ,—сказала Марья Павловна.

— Отъ этого и лихорадка, отъ сырости! — сказала Варвара Алексѣевна, не замѣчая того, что она говоритъ прямо противное

тому, что говорила сейчасъ. — Мой докторъ говорилъ всегда, что нельзя никогда опредѣлить болѣзнь, не зная характера больной. А ужъ онъ знаетъ, потому что это первый докторъ, и мы платимъ ему сто рублей. Покойный мужъ не признавалъ докторовъ, но для меня никогда онъ ничего не жалѣлъ.

— Какъ же можетъ мужчина жалѣть для женщины, когда жизнь ея и ребенка зависитъ, можетъ-быть...

— Да, когда есть средства, то жена можетъ не зависѣть отъ мужа. Хорошая жена покоряется мужу,—сказала Варвара Алексѣевна,—но только Лиза слишкомъ еще слаба послѣ своей болѣзни.

— Да нѣтъ, мама, я себя прекрасно чувствую. Что жъ, кипяченыхъ сливокъ вамъ не подали?

— Мнѣ не надо. Я могу и съ сырыми.

— Я спрашивала у Варвары Алексѣевны, она отказалась, — сказала Марья Павловна, какъ будто оправдываясь.

— Да нѣтъ, я не хочу нынче.—И, какъ будто, чтобы прекратить непріятный разговоръ и великодушно уступая, Варвара Алексѣевна обратилась къ Евгенію. — Ну что, разсыпали фосфорины?

Лиза побѣжала за сливками.

— Да я не хочу, не хочу.

— Лиза, Лиза, тише, — сказала Марья Павловна. — Ей вредны эти быстрыя движенія.

— Ничто не вредно, если есть спокойствіе душевное, — сказала, какъ будто на что-то намекая, Варвара Алексѣевна, хотя и сама знала, что слова ея не могли ни на что намекать.

Лиза вернулась со сливками, Евгеній пилъ свой кофе и угрюмо слушалъ. Онъ привыкъ къ этимъ разговорамъ, но нынче его особенно раздражала безсмысленность его. Ему хотѣлось обдумать то, что случилось съ нимъ, а этотъ лепетъ мѣшалъ ему. Напившись кофе, Варвара Алексѣевна такъ и ушла не въ духѣ. Остались одни— Лиза, Евгеній и Марья Павловна. И разговоръ шелъ простой и пріятный. Но чуткая любовью Лиза тотчасъ же замѣтила, что что-то мучаетъ Евгенія, и спросила его, не было ли чего непріятнаго. Онъ не приготовился къ этому вопросу и немного замялся, отвѣчая, что ничего. И этотъ отвѣтъ еще больше заставилъ задуматься Лизу. Что что-то мучило и очень мучило его, ей было такъ же очевидно, какъ то, что муха попала въ молоко, но онъ не говорилъ. Что же это такое было?

XI.

Послѣ завтрака всѣ разошлись. Евгеній, по заведенному порядку, пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ не сталъ ни читать, ни писать письма, а сѣлъ и сталъ курить одну папиросу за другою, думая. Его страшно удивило и огорчило это неожиданно проявившееся въ немъ скверное чувство, отъ котораго онъ считалъ себя свободнымъ съ тѣхъ поръ, какъ женился. Онъ ни разу съ тѣхъ поръ не испытывалъ этого чувства ни къ ней, къ той женщинѣ, которую онъ зналъ, ни къ какой бы то ни было женщинѣ, кромѣ какъ къ своей женѣ. Онъ въ душѣ много разъ радовался этому своему освобожденію, и вотъ вдругъ эта случайность, такая, казалось бы, ничтожная, открыла ему то, что онъ несвободенъ. Его мучило теперь не то, что онъ опять подчинился этому чувству, что онъ желаетъ ее,—этого онъ и думать не хотѣлъ,—а то, что чувство это живо въ немъ, и что надо стоять насторожѣ противъ него. Въ томъ, что онъ подавитъ это чувство, въ душѣ его не было и сомнѣнія.

У него было одно неотвѣченное письмо и бумага, которую надо было составить. Онъ сѣлъ за письменный столъ и взялся за работу. Окончивъ ее и совсѣмъ забывъ то, что его встревожило, онъ вышелъ, чтобы пройти на конюшню. И опять, какъ на бѣду, по несчастной ли случайности или нарочно, только онъ вышелъ на крыльцо, изъ-за угла вышла красная панева и красный платокъ и, махая руками и перекачиваясь, прошла мимо него. Мало того, что прошла, она пробѣжала, миновавъ его, какъ бы играючи, и догнала товарку.

Опять яркій полдень, крапива, зады даниловой караулки и въ тѣни кленовъ ея улыбающееся лицо, кусающее листья, возстали въ его воображеніи.

— Нѣтъ, это невозможно такъ оставить, — сказалъ онъ себѣ и, подождавъ того, чтобы бабы скрылись изъ виду, пошелъ въ контору.

Былъ самый обѣдъ, и онъ надѣялся застать еще приказчика. Такъ и случилось. Приказчикъ только что проснулся. Онъ стоялъ въ конторѣ, потягиваясь, зѣвалъ, глядя на скотника, что-то ему говорившаго.

— Василій Николаевичъ!

— Что прикажете?

— Мнѣ поговорить съ вами.

— Что прикажете?

— Да вотъ кончите.

— Развѣ не принесешь?—сказалъ Василій Николаевичъ скотнику.

— Тяжело, Василій Николаевичъ.

— Что это? — спросилъ Евгеній.

— Да отелилась въ полѣ корова. Ну, ладно, я сейчасъ велю запречь лошадь. Вели Николаю Лысуху запречь, хоть въ дроги.

Скотникъ ушелъ.

— Вотъ видите ли, — краснѣя и чувствуя это, началъ Евгеній. — Вотъ видите ли, Василій Николаевичъ. Тутъ, пока я былъ холостой, были у меня грѣхи... Вы, можетъ-быть, слышали...

Василій Николаевичъ улыбался глазами и, очевидно, жалѣя барина, сказалъ:

— Это насчетъ Степашки?

— Ну, да. Такъ вотъ что. Пожалуйста, пожалуйста, не берите вы ее на поденную въ домъ. Вы понимаете, непріятно очень мнѣ...

— Да это, видно, Ваня, конторщикъ, распорядился.

— Такъ пожалуйста... Ну такъ какъ же, разсыпятъ остальное? — сказалъ Евгеній, чтобы скрыть свой конфузъ.

— Да вотъ поѣду сейчасъ.

Такъ и кончилось это. И Евгеній успокоился, надѣясь, что какъ онъ прожилъ годъ, не видавъ ея, такъ будетъ и теперь. «Кромѣ того, Василій Николаевичъ скажетъ Ивану конторщику; Иванъ скажетъ ей, и она пойметъ, что я не хочу этого», говорилъ себѣ Евгеній и радовался тому, что онъ взялъ на себя и сказалъ Василію Николаевичу, какъ ни трудно это было ему. «Да, все лучше, все лучше, чѣмъ это сомнѣніе, этотъ стыдъ». Онъ содрогался при одномъ воспоминаніи объ этомъ преступленіи мыслью.

XII.

Нравственное усиліе, которое онъ сдѣлалъ, чтобы, преодолѣвъ стыдъ, сказать Василію Николаевичу, успокоило Евгенія. Ему казалось, что теперь все кончено. И Лиза тотчасъ же замѣ-

тила, что онъ совсѣмъ спокоенъ и даже радостнѣе обыкновеннаго. «Вѣрно, его огорчала эта пикировка между мамашами. Въ самомъ дѣлѣ, тяжело, въ особенности ему съ его чувствительностью и благородствомъ, слышать всегда эти недружелюбные и дурного тона намеки на что-то», думала Лиза.

Слѣдующій день былъ Троицынъ. Погода была прекрасная, и бабы, по обыкновенію, проходя въ лѣсъ завивать вѣнки, подошли къ барскому дому и стали пѣть и плясать. Марья Павловна и Варвара Алексѣевна вышли въ нарядныхъ платьяхъ, съ зонтиками, на крыльцо и подошли къ хороводу. Съ ними же вмѣстѣ вышелъ въ китайскомъ сюртучкѣ обрюзгшій блудникъ и пьяница дядюшка, жившій это лѣто у Евгенія.

Какъ всегда, былъ одинъ пестрый, яркій цвѣтами кружокъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ центромъ всего, а вокругъ него съ разныхъ сторонъ, какъ оторвавшіяся и вращающіяся за нимъ планеты и спутники, то дѣвчаты, держась рука съ рукой, шурша новымъ ситцемъ растегаевъ, то малые ребята, фыркающіе чему-то и бѣгающіе взадъ и впередъ другъ за другомъ, то ребята взрослые, въ синихъ и черныхъ поддевкахъ и картузахъ и красныхъ рубахахъ, съ непереставающимъ плеваньемъ шелухи сѣмечекъ, то дворовые или посторонніе, издалека поглядывающіе на хороводъ. Обѣ барыни подошли къ самому кругу и вслѣдъ за ними и Лиза въ голубомъ платьѣ и такихъ же лентахъ на головѣ, съ широкими рукавами, изъ которыхъ виднѣлись ея длинныя, бѣлыя руки съ угловатыми локтями.

Евгенію не хотѣлось выходить, но смѣшно было скрываться. Онъ вышелъ тоже съ папиросой на крыльцо, раскланялся съ ребятами и мужиками и заговорилъ съ однимъ изъ нихъ. Бабы, между тѣмъ, орали во всю мочь плясовую и подщелкивали и подхлопывали въ ладони и плясали.

— Барыня зовутъ, — сказалъ малый, подходя къ не слыхавшему зова жены Евгенію. Лиза звала его посмотрѣть на пляску, на одну изъ плясавшихъ бабъ, которая ей особенно нравилась. Это была Степаша. Она была въ желтомъ растегаѣ и въ плисовой безрукавкѣ и въ шелковомъ платкѣ, широкая, энергическая, румяная, веселая. Должно-быть, она хорошо плясала. Онъ ничего не видалъ.

— Да, да, — сказалъ онъ, снимая и надѣвая пенснэ. — Да, да, — говорилъ онъ. «Стало-быть, нельзя мнѣ избавиться отъ нея», думалъ онъ.

Онъ не смотрѣлъ на нее, потому что боялся ея привлекательности, и именно отъ этого то, что онъ мелькомъ видѣлъ въ ней, казалось ему особенно привлекательнымъ. Кромѣ того, онъ видѣлъ по блеснувшему ея взгляду, что она видитъ его и видитъ то, что онъ любуется ею. Онъ постоялъ, сколько нужно было для приличія, и, увидѣвъ, что Варвара Алексѣевна подозвала ее и что-то нескладно, фальшиво, называя ее милочкой, говорила съ ней, повернулся и отошелъ. Онъ отошелъ и вернулся въ домъ. Онъ ушелъ, чтобы не видать ея, но, войдя на верхній этажъ, онъ, самъ не зная, какъ и зачѣмъ, подошелъ къ окну и все время, пока бабы были у крыльца, стоялъ у окна и смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее, упивался ею.

Онъ сбѣжалъ, пока никто не могъ его видѣть, и пошелъ тихимъ шагомъ на балконъ и, на балконѣ закуривъ папиросу, какъ будто гуляя, пошелъ въ садъ по тому направленію, по которому она пошла. Онъ не сдѣлалъ двухъ шаговъ въ аллеѣ, какъ за деревьями мелькнула плисовая безрукавка на желтомъ растегаѣ и красный платокъ. Она шла куда-то съ другой бабой. «Куда-то онѣ шли?»

И вдругъ страстная похоть обожгла его, какъ рукой схватила за сердце. Евгеній, какъ будто по чьей-то чуждой ему волѣ, оглянулся и пошелъ къ ней.

— Евгеній Ивановичъ, Евгеній Ивановичъ! Я къ вашей милости, — заговорилъ сзади голосъ, и Евгеній, увидавъ старика Самохина, который рылъ у него колодецъ, очнулся и, быстро повернувшись, пошелъ къ Самохину. Разговаривая съ нимъ, онъ повернулся бокомъ и увидалъ, что онѣ съ бабой прошли внизъ, очевидно, къ колодцу, или подъ предлогомъ колодца, и потомъ, побывъ тамъ недолго, побѣжали къ хороводу.

XIII.

Поговоривъ съ Самохинымъ, Евгеній вернулся въ домъ убитый, точно совершившій преступленіе. Во-первыхъ, она поняла его, она думала, что онъ хочетъ видѣть ее, и она желаетъ этого. Во-вторыхъ, эта другая баба — эта Анна Прохорова — очевидно, знаетъ про это.

Главное же то, что онъ чувствовалъ, что онъ побѣжденъ, что у него нѣтъ своей воли, есть другая сила, двигающая имъ; что

нынче онъ спасся только по счастью, но не нынче, такъ завтра, такъ послѣ завтра онъ все-таки погибнетъ.

«Да, погибнетъ,—онъ иначе не понималъ этого:—измѣнить своей молодой, любящей женѣ въ деревнѣ съ бабой, на виду у всѣхъ, развѣ это не была погибель, страшная погибель, послѣ которой нельзя было жить больше. Нѣтъ, надо, надо принять мѣры».

«Боже мой, Боже мой! Что же мнѣ дѣлать? Неужели я такъ и погибну? — говорилъ онъ себѣ. — Развѣ нельзя принять мѣры? Да, надо же что-нибудь сдѣлать. Не думать объ ней,—приказывалъ онъ себѣ. — Не думать», и тотчасъ же онъ начиналъ думать и видѣлъ ее передъ собой и видѣлъ кленовую тѣнь.

Онъ вспомнилъ, что читалъ про старца, который отъ соблазна передъ женщиной, на которую долженъ былъ наложить руку, чтобы лѣчить ее, положилъ другую руку на жаровню и сжегъ пальцы. Онъ вспомнилъ это. «Да, я готовъ сжечь пальцы лучше, чѣмъ погибнуть». И онъ, оглянувшись, что никого нѣтъ въ комнатѣ, зажегъ спичку и положилъ палецъ въ огонь. «Ну, думай о ней теперь»,— иронически обратился онъ къ себѣ. Ему стало больно, онъ отдернулъ закопченный палецъ, бросилъ спичку и самъ засмѣялся надъ собой. — «Какой вздоръ! Не это надо дѣлать. А надо принять мѣры, чтобы не видать ея — уѣхать самому или ее удалить. Да, удалить! Предложить ея мужу денегъ, чтобы онъ уѣхалъ въ городъ или въ другое село. Узнаютъ, будутъ говорить про это. Ну что же, все лучше, чѣмъ эта опасность. Да, надо сдѣлать это», говорилъ онъ себѣ и все, не спуская глазъ, смотрѣлъ на нее. «Куда это она пошла?» вдругъ спросилъ онъ себя. Она, какъ ему показалось, видѣла его у окна и теперь, взглянувъ на него, взялась рука съ рукой съ какой-то бабой, пошла къ саду, бойко размахивая рукой. Самъ не зная, зачѣмъ, почему, все ради своихъ мыслей, онъ пошелъ въ контору [1]).

Василій Николаевичъ въ нарядномъ сюртукѣ, напомаженный, сидѣлъ за чаемъ съ женой и гостьей въ ковровомъ платкѣ.

— Какъ бы мнѣ, Василій Николаевичъ, поговорить.

— Можно, пожалуйте. Мы отпили.

— Нѣтъ, пойдемте со мной лучше.

---

[1]) См. примѣчаніе 2-е.

— Сейчасъ, только дай картузъ возьму. Ты, Таня, самоваръ-то прикрой,—сказалъ Василій Николаевичъ, весело выходя.

Евгенію показалось, что онъ былъ выпивши, но что же дѣлать, можетъ, это къ лучшему, онъ участливѣе войдетъ въ его положеніе.

— Я, Василій Николаевичъ, опять о томъ же, — сказалъ Евгеній, — объ этой женщинѣ.

— Такъ что же. Я приказалъ, чтобы отнюдь не брать.

— Да нѣтъ, я вообще вотъ что думаю и вотъ о чемъ хотѣлъ съ вами посовѣтоваться. Нельзя ли ихъ удалить, все семейство удалить?

— Куда же ихъ удалишь? — недовольно и насмѣшливо, какъ показалось Евгенію, сказалъ Василій.

— Да я такъ думалъ, что дать имъ денегъ или даже земли въ Колтовскомъ, только бы не было ея тутъ.

— Да какъ же удалишь? Куда онъ пойдетъ съ своего кореня? Да и на что вамъ? Что она вамъ мѣшаетъ?

— Ахъ, Василій Николаевичъ, вы поймите, что женѣ это ужасно будетъ узнать.

— Да кто же ей скажетъ?

— Да какъ же жить подъ этимъ страхомъ, да и вообще это тяжело.

— И чего вы безпокоитесь, право. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. А кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ?

— Все-таки лучше бы удалить. Вы не можете поговорить съ мужемъ?

— Да нечего говорить. Эхъ, Евгеній Ивановичъ, что вы это?! И все прошло и забылось. Чего не бываетъ. А кто же теперь про васъ что скажетъ худое? Вѣдь вы въ виду.

— Но вы все-таки скажите.

— Хорошо, я поговорю.

Хотя онъ и зналъ впередъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, разговоръ этотъ нѣсколько успокоилъ Евгенія. Онъ, главное, почувствовалъ, что онъ отъ волненія преувеличилъ опасность.

Развѣ онъ шелъ на свиданье съ ней? Оно и невозможно. Онъ просто шелъ пройтись по саду, а она случайно выбѣжала туда.

XIV.

Въ этотъ же самый Троицынъ день, послѣ обѣда, Лиза, гуляя по саду и выходя изъ него на лугъ, куда повелъ ее мужъ, чтобы показать клеверъ, переходя маленькую канавку, оступилась и упала. Она упала мягко, на бокъ; но ахнула, и въ лицѣ ея мужъ увидалъ не только испугъ, но боль. Онъ хотѣлъ поднять ее, но она отвела его руку.

— Нѣтъ, погоди немного, Евгеній, — сказала она, слабо улыбаясь и снизу какъ-то, какъ ему показалось, съ виноватымъ видомъ, глядя на него. — Просто, нога подвернулась.

— Вотъ я всегда говорю, — заговорила Варвара Алексѣевна.— Развѣ можно въ такомъ положеніи прыгать черезъ канавы.

— Да нѣтъ же, мама, ничего. Я сейчасъ встану.

Она встала съ помощью мужа, но въ ту же минуту она поблѣднѣла, и на лицѣ ея выразился испугъ.

— Да, мнѣ нехорошо, — и она шепнула что-то матери.

— Ахъ, Боже мой, что надѣлали! Я говорила, не ходить, — кричала Варвара Алексѣевна. — Погодите, я пришлю людей. Ей не надо ходить. Ее надо снести.

— Ты не боишься, Лиза, я снесу тебя? — сказалъ Евгеній, обхвативъ ее лѣвой рукой. — Обойми мнѣ шею. Вотъ такъ.

И онъ, нагнувшись, подхватилъ ее подъ ноги правой рукой и поднялъ. Никогда онъ не могъ забыть послѣ то страдальческое и вмѣстѣ блаженное выраженіе, которое было на ея лицѣ.

— Тебѣ тяжело, милый, — говорила она, улыбаясь. — Мама-то бѣжитъ, скажи ей!

И она пригнулась къ нему и поцѣловала. Ей, очевидно, хотѣлось, чтобы и мама видѣла, какъ онъ несетъ ее.

Евгеній крикнулъ Варварѣ Алексѣевнѣ, чтобы она не торопилась, что онъ донесетъ. Варвара Алексѣевна остановилась и начала кричать еще пуще.

— Ты уронишь ее, непремѣнно уронишь. Хочешь погубить ее. Нѣтъ въ тебѣ совѣсти!

— Да я прекрасно несу.

— Не хочу я, не могу я видѣть, какъ ты моришь мою дочь.— И она забѣжала за уголъ аллеи.

— Ничего, это пройдетъ, — говорила Лиза улыбаясь.

— Да только бы не было послѣдствій, какъ тотъ разъ.

— Нѣтъ, я не объ этомъ. Это ничего, а я о мамà. Ты усталъ, отдохни.

Но хотя ему и тяжело было, Евгеній съ гордой радостью донесъ свою ношу до дому и не передалъ ее горничной и повару, которыхъ нашла и выслала имъ навстрѣчу Варвара Алексѣевна. Онъ донесъ ее до спальни и положилъ на постель.

— Ну, ты поди, — сказала она и, притянувъ къ себѣ его руку, поцѣловала ее. — Мы съ Аннушкой справимся.

Марья Павловна прибѣжала тоже изъ флигеля. Лизу раздѣли и уложили въ постель. Евгеній сидѣлъ въ гостиной съ книгой въ рукѣ, дожидаясь. Варвара Алексѣевна прошла мимо него съ такимъ укоризненнымъ, мрачнымъ видомъ, что ему сдѣлалось страшно.

— Ну, что? — спросилъ онъ.

— Что? Что же спрашивать? То самое, чего вы хотѣли, вѣроятно, заставляя жену прыгать черезъ рвы.

— Варвара Алексѣевна! — вскрикнулъ онъ. — Это невыносимо. Если вы хотите мучить людей и отравлять имъ жизнь...—онъ хотѣлъ сказать: то поѣзжайте куда-нибудь въ другое мѣсто, но удержался. — Какъ вамъ не больно это?

— Теперь поздно.

И она, побѣдоносно встряхнувъ чепцомъ, прошла въ дверь.

Паденіе, дѣйствительно, было дурное, нога подвернулась неловко, и была опасность того, что опять будетъ выкидышъ. Всѣ знали, что дѣлать ничего нельзя, что надо только лежать покойно, но все-таки рѣшили послать за докторомъ.

«Многоуважаемый Николай Семеновичъ, — написалъ Евгеній врачу, — вы такъ всегда добры были къ намъ, что надѣюсь, не откажете пріѣхать помочь женѣ. Она въ»... и т. д. Написавъ письмо, онъ пошелъ въ конюшню распорядиться лошадьми и экипажемъ. Надо было приготовить однѣхъ лошадей, чтобы привезти, другихъ— увезти. Гдѣ хозяйство не на большую ногу, все это не сразу можно устроить, а надо обдумать. Наладивъ все самъ и отправивъ кучера, онъ вернулся домой въ десятомъ часу. Жена лежала и говорила, что ей прекрасно, и ничего не болитъ. Но Варвара Алексѣевна сидѣла за лампой, заслоненной отъ Лизы нотами, и вязала большое красное одѣяло съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что

послѣ того, что было, миру быть не можетъ. А что бы кто ни дѣлалъ, я, по крайней [мѣрѣ], исполнила свою обязанность.

Евгеній видѣлъ это, но, чтобы сдѣлать видъ, что онъ не замѣчаетъ, старался имѣть веселый и безпечный видъ, разсказывалъ, какъ онъ собралъ лошадей, и какъ кобыла Кавушка отлично пошла на лѣвой пристяжкѣ.

— Да, разумѣется, самое время выѣзжать лошадей, когда нужна помощь. Вѣроятно, и доктора также свалятъ въ канаву,— сказала Варвара Алексѣевна, изъ-подъ пенснэ взглядывая на вязанье, подводя его подъ самую лампу.

— Да вѣдь надо же было какъ-нибудь послать. А я сдѣлалъ какъ лучше.

— Да, я очень хорошо помню, какъ меня мчали ваши лошади подъ подъѣздъ

Это была ея давнишняя выдумка, и теперь Евгеній имѣлъ неосторожность сказать, что это не совсѣмъ такъ было.

— Недаромъ я всегда говорю, и князю сколько разъ говорила, что тяжелѣе всего жить съ людьми неправдивыми, неискренними; я все перенесу, но только не это.

— Вѣдь если кому больнѣе всѣхъ, то ужъ вѣрно мнѣ,— сказалъ Евгеній. А вы...

— Да это и видно

— Что?

— Ничего, я петли считаю.

Евгеній стоялъ въ это время у постели, и Лиза смотрѣла на него и одной изъ влажныхъ рукъ, лежавшихъ сверхъ одѣяла, поймала его руку и пожала. «Переноси ее для меня. Вѣдь она не помѣшаетъ намъ любить другъ друга», говорилъ ея взглядъ.

— Не буду. Это такъ,— прошепталъ онъ и поцѣловалъ ея влажную, длинную руку и потомъ милые глаза, которые закрывались, пока онъ цѣловалъ ихъ.

— Неужели опять то же? — сказалъ онъ. — Какъ ты чувствуешь?

— Страшно сказать, чтобъ не ошибиться, но чувство у меня такое, что онъ живъ и будетъ живъ, — сказала она, глядя на свой животъ.

— Ахъ, страшно, страшно и думать.

Несмотря на настоянія Лизы, чтобы онъ ушелъ, Евгеній провелъ ночь съ нею, засыпая только однимъ глазомъ и готовый служить ей.

Но ночь она провела хорошо и, если бы не было послано за докторомъ, можетъ-быть, и встала бы.

Къ обѣду пріѣхалъ докторъ и, разумѣется, сказалъ, что, хотя повторныя явленія и могутъ вызывать опасенія, но, собственно говоря, положительнаго указанія нѣтъ, но такъ какъ нѣтъ и противупоказанія, то можно, съ одной стороны, полагать, съ другой же стороны, тоже можно полагать. И потому надо лежать, и, хотя я и не люблю прописывать, но все-таки это принимайте, и лежать. Кромѣ того, докторъ прочелъ еще Варварѣ Алексѣевнѣ лекцію о женской анатоміи, при чемъ Варвара Алексѣевна значительно кивала головой. Получивъ гонораръ, какъ и обыкновенно, въ самую заднюю часть ладони, докторъ уѣхалъ, а больная осталась лежать на недѣлю.

XV.

Большую часть времени Евгеній проводилъ у постели жены, служилъ ей, говорилъ съ ней, читалъ съ ней и, что было труднѣе всего, безъ ропота переносилъ нападки Варвары Алексѣевны и даже сумѣлъ изъ этихъ нападокъ сдѣлать предметъ шутки.

Но онъ не могъ сидѣть дома. Во-первыхъ, жена посылала его, говоря, что онъ заболѣетъ, если будетъ сидѣть все съ нею; а во-вторыхъ, хозяйство все шло такъ, что на каждомъ шагу требовало его присутствія. Онъ не могъ сидѣть дома, а былъ въ полѣ, въ лѣсу, въ саду, на гумнѣ, и вездѣ не мысль только, а живой образъ Степаниды преслѣдовалъ его такъ, что онъ рѣдко только забывалъ про нее. Но это было бы ничего; онъ, можетъ-быть, сумѣлъ бы преодолѣть это чувство, но хуже всего было то, что онъ прежде жилъ мѣсяцами, не видя ея, теперь же безпрестанно видѣлъ и встрѣчалъ ее. Она, очевидно, поняла, что онъ хочетъ возобновить сношенія съ нею, и старалась попадаться ему. Ни имъ, ни ею не было сказано ничего, и оттого и онъ и она не шли прямо на свиданье, а старались только сходиться.

Мѣсто, гдѣ можно было сойтись, это былъ лѣсъ, куда бабы ходили съ мѣшками за травой для коровъ. И Евгеній зналъ это и потому каждый день проходилъ мимо этого лѣса. Каждый день онъ говорилъ себѣ, что онъ не пойдетъ, и каждый день кончалось тѣмъ, что онъ направлялся къ лѣсу и, услыхавъ звукъ голосовъ, останавливаясь за кустомъ, съ замираніемъ сердца выглядывалъ, не она ли это.

Зачѣмъ ему нужно было знать, не она ли это, онъ не зналъ. Если бы это была она и одна, онъ не пошелъ бы къ ней,—такъ онъ думалъ,—онъ убѣжалъ бы; но ему нужно было видѣть ее.

Одинъ разъ онъ встрѣтилъ ее въ то время, какъ онъ входилъ въ лѣсъ,—она выходила изъ него съ другими двумя бабами и тяжелымъ мѣшкомъ, полнымъ травы, на спинѣ. Немного раньше—и онъ бы, можетъ-быть, столкнулся съ нею въ лѣсу. Теперь же ей невозможно было на виду другихъ бабъ вернуться къ нему въ лѣсъ. Но, несмотря на сознаваемую имъ эту невозможность, онъ долго, рискуя обратить этимъ на себя вниманіе другихъ бабъ, стоялъ за кустомъ орѣшника. Разумѣется, она не вернулась, но онъ простоялъ здѣсь долго. И, Боже мой, съ какой прелестью рисовало ему ее его воображеніе. И это было не одинъ разъ, а пятый, шестой разъ. И что дальше, то сильнѣе. Никогда она такъ привлекательна не казалась ему. Да и не то, что привлекательна,—никогда она такъ вполнѣ не владѣла имъ.

Онъ чувствовалъ, что терялъ волю надъ собой, становился почти помѣшаннымъ. Строгость его къ себѣ не ослаблялась ни на волосъ; напротивъ, онъ видѣлъ всю мерзость своихъ желаній, даже поступковъ, потому что хожденіе его по лѣсу былъ поступокъ. Онъ зналъ, что стоило ему столкнуться съ ней гдѣ-нибудь близко, въ темнотѣ, если бы можно—прикоснуться къ ней, и онъ отдастся своему чувству. Онъ зналъ, что только стыдъ передъ людьми, передъ ней, должно быть и передъ собой держалъ его. И онъ зналъ, что онъ искалъ условій, въ которыхъ бы не былъ замѣтенъ этотъ стыдъ: темноты или такого прикосновенія, при которомъ стыдъ этотъ заглушится животной страстью. И потому онъ зналъ, что онъ мерзкій преступникъ, и презиралъ и ненавидѣлъ себя всѣми силами души. Онъ ненавидѣлъ себя потому, что все еще не сдавался: каждый день онъ молился Богу о томъ, чтобы Онъ подкрѣпилъ, спасъ его отъ погибели; каждый день онъ рѣшалъ, что отнынѣ онъ не сдѣлаетъ

ни одного шага, не оглянется на нее, забудетъ ее. Каждый день онъ придумывалъ средства, чтобы избавиться отъ этого наваждения, и употреблялъ эти средства.

Но все было напрасно.

Одно изъ средствъ было постоянное занятіе; другое была усиленная физическая работа и постъ; третье было представленіе себѣ ясное того стыда, который обрушится на его голову, когда всѣ узнаютъ это — жена, теща, люди. Онъ все это дѣлалъ, и ему казалось, что онъ побѣждаетъ, но приходило время, полдень, время прежнихъ свиданій, и время, когда онъ ее встрѣтилъ за травой, и онъ шелъ въ лѣсъ.

Такъ прошли мучительные пять дней. Онъ только видалъ ее издалека, но ни разу не сошелся съ ней.

XVI.

Лиза понемногу поправлялась, ходила и безпокоилась той перемѣной, которая произошла въ ея мужѣ и которой она не понимала.

Варвара Алексѣевна уѣхала на время, и изъ чужихъ гостилъ только дядюшка. Марья Павловна, какъ всегда, была дома.

Въ такомъ полусумасшедшемъ состояніи находился Евгеній, когда случились, какъ это часто бываетъ послѣ іюньскихъ грозъ, іюньскіе проливные дожди, продолжавшіеся два дня. Дожди отбили отъ всѣхъ работъ. Даже навозъ бросили возить отъ сырости и грязи. Народъ сидѣлъ по домамъ. Пастухи мучились со скотиной и наконецъ пригнали ее домой. Коровы и овцы ходили по выгону и разбѣгались по усадьбамъ. Бабы, босыя и покрытыя платками, шлепая по грязи, бросились разыскивать разбѣжавшихся коровъ. Ручьи текли вездѣ по дорогамъ, всѣ листья, вся трава были полны водой, изъ желобовъ текли, не умолкая, ручьи въ пузырящіяся лужи.

Евгеній сидѣлъ дома съ женой, которая была особенно скучна нынче. Она нѣсколько разъ допрашивала Евгенія о причинѣ его недовольства; онъ съ досадой отвѣчалъ, что ничего нѣтъ. И она перестала спрашивать, но огорчилась.

Они сидѣли послѣ завтрака въ гостиной. Дядюшка разсказывалъ въ сотый разъ свои выдумки про своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ. Лиза вязала кофточку и вздыхала, жалуясь на погоду и на боль въ поясницѣ. Дядюшка посовѣтовалъ ей лечь, а самъ попросилъ вина. Въ домѣ Евгенію было ужасно скучно. Все было слабое, скучающее. Онъ читалъ книгу и курилъ, но ничего не понималъ.

— Да, надо пройтись посмотрѣть терки, вчера привезли, — сказалъ онъ. Онъ всталъ и пошелъ.

— Ты возьми зонтикъ.

— Да нѣтъ, у меня кожанъ. Да и я только до варковъ.

Онъ надѣлъ сапоги, кожанъ и пошелъ къ заводу; но не прошелъ онъ двадцати шаговъ, какъ навстрѣчу ему попалась она въ высоко надъ бѣлыми икрами подоткнутой паневѣ. Она шла, придерживая руками шаль, которой были закутаны ея голова и плечи.

— Что ты?—спросилъ онъ, въ первую минуту не узнавъ ея. Когда онъ узналъ, было уже поздно. Она остановилась и, улыбаясь, долго поглядѣла на него.

— Теленку ищу. Куда же это вы въ ненастье-то? — сказала она, точно каждый день видала его.

— Приходи въ шалашъ, — вдругъ, самъ не зная, какъ, сказалъ онъ. Точно кто-то другой изъ него сказалъ эти слова.

Она закусила платокъ, кивнула глазами и побѣжала туда, куда шла — въ садъ къ шалашу, а онъ продолжалъ свой путь съ намѣреніемъ завернуть за сиреневымъ кустомъ и итти туда же.

— Баринъ, — послышался ему сзади голосъ. — Барыня зовутъ, на минутку просятъ зайти.

Это былъ Миша, ихъ слуга.

«Боже мой! второй разъ ты спасаешь меня», подумалъ Евгеній и тотчасъ же вернулся. Жена напомнила ему, что онъ обѣщалъ въ обѣдъ снести лѣкарство больной женщинѣ, такъ вотъ она просила его взять его.

Пока собирали лѣкарство, прошло минутъ пять. Потомъ, выйдя съ лѣкарствомъ, онъ не рѣшился итти въ шалашъ, чтобы его не увидали изъ дома, но какъ только вышелъ изъ виду, онъ тотчасъ повернулъ и пошелъ къ шалашу. Онъ уже видѣлъ въ воображеніи своемъ ее посрединѣ шалаша, весело улыбающуюся; но ея не было, и въ шалашѣ ничего не было, что бы доказывало, что она была.

Онъ ужъ подумалъ, что она не приходила и не слыхала и не поняла его словъ,—онъ пробурчалъ ихъ себѣ подъ носъ, какъ бы боясь, чтобы она услыхала ихъ,—или, можетъ-быть, и не хотѣла прійти. «И съ чего онъ выдумалъ, что она такъ и бросится къ нему? У нея есть свой мужъ; только я одинъ такой мерзавецъ, что у меня жена, и хорошая, а я бѣгаю за чужою». Такъ онъ думалъ, сидя въ шалашѣ, протекшемъ въ одномъ мѣстѣ и капающемъ съ своей соломы. «А что бы за счастье было, если бы она пришла. Одни, здѣсь, въ этотъ дождь. Хоть бы разъ опять обнять ее, а потомъ будь, что будетъ. Ахъ, да»,—вспомнилъ онъ,—«если была, то по слѣдамъ можно найти». Онъ взглянулъ на землю пробитой къ шалашу и не заросшей травой тропинки,—и свѣжій слѣдъ босой ноги, еще покатившейся, былъ на ней. «Да, она была. Но теперь кончено. Прямо, гдѣ ни увижу, пойду къ ней. Ночью пойду къ ней». Онъ долго сидѣлъ въ шалашѣ и вышелъ изъ него измученный и убитый. Онъ снесъ лѣкарство, вернулся домой и легъ у себя въ комнатѣ, дожидаясь обѣда.

XVII.

Передъ обѣдомъ Лиза пришла къ нему и, все придумывая, что бы могло быть причиною его неудовольствія, стала говорить ему, что она боится, что ему непріятно, что ее хотятъ везти въ Москву родить, и что она рѣшила, что останется здѣсь и ни за что не поѣдетъ въ Москву. Онъ зналъ, какъ она боялась и самыхъ родовъ, и того, чтобы не родить хорошаго ребенка, и потому не могъ не умилиться, видя, какъ легко она всѣмъ жертвовала изъ любви къ нему. Все было такъ хорошо, радостно, чисто въ домѣ; а въ душѣ его было грязно, мерзко, ужасно. Весь вечеръ Евгеній мучился тѣмъ, что онъ зналъ, что, несмотря на свое искреннее отвращеніе къ своей слабости, несмотря на твердое намѣреніе перервать, завтра будетъ то же самое.

— Нѣтъ, это невозможно, — говорилъ онъ себѣ, ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ. — Вѣдь должно же быть какое-нибудь средство противъ этого. Боже мой, что дѣлать?

Кто-то на иностранный манеръ постучался въ дверь. Это, онъ зналъ, былъ дядюшка. — Взойдите, — сказалъ онъ.

Дядюшка пришелъ самопроизвольно посломъ отъ жены.

— Ты знаешь ли, что, въ самомъ дѣлѣ, я замѣчаю въ тебѣ перемѣну, — сказалъ онъ, — и Лизу, я понимаю, какъ это мучаетъ. Я понимаю, что тебѣ тяжело оставлять все начатое и прекрасное дѣло, но что ты хочешь, que veux tu, я бы совѣтовалъ вамъ ѣхать. Покойнѣй будетъ и тебѣ и ей. И знаешь ли, мой совѣтъ ѣхать въ Крымъ. Климатъ, акушеръ тамъ прекрасный, и въ самый виноградный сезонъ вы попадете.

— Дядюшка,—вдругъ заговорилъ Евгеній.—Можете вы соблюсти мой секретъ? Ужасный для меня секретъ, постыдный секретъ.

— Помилуй, неужели ты сомнѣваешься во мнѣ?

— Дядюшка, вы можете мнѣ помочь. Не то, что помочь: спасти меня, — сказалъ Евгеній. И мысль о томъ, что онъ откроетъ свою тайну дядюшкѣ, котораго онъ не уважалъ, мысль о томъ, что онъ покажется ему въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, унизится передъ нимъ, была ему пріятна. Онъ чувствовалъ себя мерзкимъ, виноватымъ, и ему хотѣлось наказать себя.

— Говори, мой другъ, ты знаешь, какъ я тебя полюбилъ, — заговорилъ дядюшка, видимо, очень довольный и тѣмъ, что есть секретъ, и что секретъ постыдный, и что секретъ этотъ ему сообщится, и что онъ можетъ быть полезенъ.

— Прежде всего я долженъ сказать, что я мерзавецъ и негодяй, подлецъ, именно подлецъ.

— Ну, что ты, — надуваясь горломъ, началъ дядюшка.

— Да какъ же не мерзавецъ, когда я, Лизинъ мужъ, Лизинъ! Надо вѣдь знать ея чистоту, любовь... Когда я, ея мужъ, хочу измѣнить ей съ бабой.

— То-есть, отчего же ты хочешь, ты не измѣнилъ ей?

— Да, то-есть, все равно, что измѣнилъ, потому что это не отъ меня зависѣло. Я готовъ былъ. Мнѣ помѣшали, а то я теперь бы... теперь бы... Я не знаю, что бы я сдѣлалъ...

— Но позволь, ты объясни мнѣ...

— Ну, да вотъ. Когда я былъ холостымъ, я имѣлъ глупость войти въ сношенія съ женщиной здѣсь, изъ нашей деревни, то-есть, какъ?.. Я встрѣчался съ нею въ лѣсу, въ полѣ...

— И хорошенькая? — сказалъ дядюшка.

Евгеній поморщился отъ этого вопроса, но ему такъ нужна была помощь внѣшняя, что онъ какъ будто не слышалъ его и продолжалъ.

— Ну, я думалъ, что это такъ, что я перерву, и все кончится. Я и перервалъ еще до женитьбы и почти годъ и не видалъ и не думалъ о ней. — Евгенію самому странно было себя слушать, слушать описаніе своего состоянія.—Потомъ вдругъ, ужъ я не знаю, отчего,—право, иногда вѣришь въ привороты,—я увидалъ ее, и червь залѣзъ мнѣ въ сердце, гложетъ меня. Я ругаю себя, понимаю весь ужасъ своего поступка, то-есть, того, который я всякую минуту могу сдѣлать, и самъ иду на это, и если не сдѣлалъ, то только Богъ меня спасалъ. Вчера я шелъ къ ней, когда Лиза позвала меня.

— Какъ, въ дождь?

— Да; я измучился, дядюшка, и рѣшилъ открыться вамъ и просить вашей помощи.

— Да, разумѣется, въ своемъ имѣніи это нехорошо. Узнаютъ. Я понимаю, что Лиза слаба, надо жалѣть ее, но зачѣмъ въ своемъ имѣніи?

Опять Евгеній постарался не слыхать того, что говорилъ дядюшка, и приступилъ скорѣе къ сущности дѣла.

— Да вы спасите меня отъ себя. Я васъ вотъ о чемъ прошу. Нынче мнѣ помѣшали случайно. Но завтра, въ другой разъ, мнѣ [не] помѣшаютъ. И она знаетъ теперь. Не пускайте меня одного.

— Да, положимъ, — сказалъ дядюшка, — но неужели ты такъ влюбленъ?

— Ахъ, совсѣмъ не то. Это не то, это какая-то сила ухватила меня и держитъ. Я не знаю, что дѣлать. Можетъ-быть, я окрѣпну, тогда...

— Ну, вотъ и выходитъ по-моему,—сказалъ дядюшка. — Поѣдемте-ка въ Крымъ.

— Да, да, поѣдемте, а пока я буду съ вами, буду говорить вамъ.

XVIII.

То, что Евгеній довѣрилъ дядюшкѣ свою тайну, и, главное, тѣ мученія совѣсти и стыда, которыя онъ пережилъ послѣ того дождливаго дня, отрезвили его. Поѣздка въ Ялту была рѣшена черезъ недѣлю. Въ эту недѣлю Евгеній ѣздилъ въ городъ доставать денегъ на поѣздку, распоряжался изъ дома и конторы по хозяйству, опять сталъ веселъ и близокъ съ женою и сталъ нравственно оживать.

Такъ, ни разу послѣ того дождливаго дня не видавъ Степаниду, онъ уѣхалъ съ женою въ Крымъ. Въ Крыму они провели прекрасно два мѣсяца. Евгенію было столько новыхъ впечатлѣній, что все прежнее стерлось, ему казалось, совсѣмъ изъ его воспоминанія. Въ Крыму они встрѣтили прежнихъ знакомыхъ и особенно сблизились съ ними, кромѣ того, сдѣлали новыя знакомства. Жизнь въ Крыму для Евгенія была постояннымъ праздникомъ и, кромѣ того, еще была поучительна и полезна для него. Они сблизились тамъ съ бывшимъ губернскимъ предводителемъ ихъ же губерніи, съ умнымъ, либеральнымъ человѣкомъ, который полюбилъ Евгенія и образовывалъ его и привлекъ на свою сторону.

Въ концѣ августа Лиза родила прекрасную, здоровую дѣвочку, и родила неожиданно очень легко.

Въ сентябрѣ Иртеневы поѣхали домой, уже самъ четвертъ, съ ребенкомъ и кормилицей, такъ какъ Лиза не могла кормить. Совершенно свободный отъ прежнихъ ужасовъ, Евгеній вернулся къ себѣ совсѣмъ новымъ и счастливымъ человѣкомъ. Переживъ все то, что переживаютъ мужья при родахъ, онъ еще сильнѣе полюбилъ жену. Чувство къ ребенку, когда онъ его бралъ на руки, было смѣшное, новое, очень пріятное, точно щекотное чувство. Еще новое въ его жизни теперь было то, что, кромѣ занятія хозяйствомъ, въ его душѣ, благодаря сближенію съ Думчинымъ (бывшій предводитель) возникъ новый интересъ, земскій — отчасти честолюбивый, отчасти сознанія долга. Въ октябрѣ должно было быть экстренное собраніе, въ которомъ его должны были выбрать. Пріѣхавъ домой, онъ разъ съѣздилъ въ городъ, другой разъ къ Думчину.

О мученіяхъ соблазна и борьбы онъ забылъ и думать и съ трудомъ могъ возстановить ихъ въ своемъ воображеніи. Это представлялось ему чѣмъ-то въ родѣ припадка сумасшествія, которому онъ подвергся.

До такой степени теперь онъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ этого, что онъ даже не побоялся спросить, при первомъ случаѣ, когда они остались одни, у приказчика. Такъ какъ онъ ужъ говорилъ съ нимъ объ этомъ, ему не совѣстно было спросить.

— Ну что, Печниковъ Сидоръ все не живетъ дома? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, все въ городѣ.

— А баба его?

— Да пустая бабенка. Теперь съ Зиновеемъ путается. Совсѣмъ заболталась.

«Ну и прекрасно, — подумалъ Евгеній. — Какъ удивительно мнѣ все равно, и какъ я измѣнился».

XIX.

Совершилось все, чего желалъ Евгеній. Имѣнье осталось за нимъ, заводъ пошелъ, выходы свекловицы были прекрасные, и доходъ ожидался большой; жена благополучно родила, и теща уѣхала, и его выбрали единогласно.

Евгеній послѣ избранія возвращался домой изъ города. Его поздравляли, онъ долженъ былъ благодарить. И онъ обѣдалъ и выпилъ бокаловъ пять шампанскаго. Совсѣмъ новые планы жизни теперь представились ему. Онъ ѣхалъ домой и думалъ о нихъ. Было бабье лѣто. Прекрасная дорога, яркое солнце. Подъѣзжая къ дому, Евгеній думалъ о томъ, какъ онъ, вслѣдствіе этого избранія, займетъ въ народѣ именно то положеніе, о которомъ онъ всегда мечталъ, то-есть, въ которомъ онъ въ состояніи будетъ служить ему не однимъ производствомъ, которое даетъ работу, но прямымъ вліяніемъ. Онъ представлялъ себѣ, какъ объ немъ черезъ три года будутъ судить его же и другіе крестьяне. «Вотъ и этотъ», думалъ онъ, проѣзжая въ это время по деревнѣ и глядя на мужика и бабу, которые шли ему поперекъ дороги съ полнымъ ушатомъ. Они остановились, пропуская тарантасъ. Мужикъ былъ старикъ Печниковъ, баба была Степанида. Евгеній взглянулъ на нее, узналъ ее и съ радостью почувствовалъ, что онъ остался совершенно [спокойнымъ]. Она была все такъ же миловидна, но его это не тронуло нисколько. Онъ пріѣхалъ домой.

Жена встрѣтила на крыльцѣ. Былъ чудный вечеръ.

— Ну что, можно поздравить? — сказалъ дядюшка.

— Да, выбрали.

— Ну и прекрасно. Спрыснуть надо.

На другое утро Евгеній поѣхалъ по хозяйству, которое онъ запустилъ. На хуторѣ молотилка новая работала. Разсматривая ея работу, Евгеній ходилъ между бабъ, стараясь не замѣчать ихъ, но какъ онъ ни старался, онъ раза два замѣтилъ черные глаза

и красный платокъ Степаниды, носившей солому. Раза два онъ покосился на нее и почувствовалъ, что опять что-то, но не могъ дать себѣ отчета. Только на другой день, когда онъ опять поѣхалъ на гумно хутора и пробылъ тамъ два часа, чего совсѣмъ не нужно было, не переставая глазами ласкать знакомый, красивый образъ молодой женщины, онъ почувствовалъ, что онъ погибъ, погибъ совсѣмъ, безвозвратно. Опять эти мученія, опять весь этотъ ужасъ и страхъ, и нѣтъ спасенія.

То, чего онъ ожидалъ, то и случилось съ нимъ. На другой день вечеромъ онъ, самъ не зная, какъ, очутился у ея задворковъ, противъ ея сѣнного сарая, гдѣ одинъ разъ осенью у нихъ было свиданіе. Онъ, какъ будто гуляя, остановился тутъ, закуривая папироску. Баба сосѣдка увидала его, и онъ, проходя назадъ, услыхалъ, какъ она говорила кому-то: «Иди, дожидается, сейчасъ умереть, стоитъ. Иди, дура!»

Онъ видѣлъ, какъ баба — она — побѣжала къ сараю, но ему нельзя уже было вернуться, потому что его встрѣтилъ мужикъ, и онъ пошелъ домой.

XX [1]).

Когда онъ пришелъ въ гостиную, все ему показалось дико и неестественно. Утромъ онъ всталъ еще бодрый, съ рѣшеніемъ бросить, забыть, не позволять себѣ думать. Но, самъ не замѣчая, какъ, онъ все утро не только не интересовался дѣлами, но старался освобождаться отъ нихъ. То, что прежде важно было, радовало его, было теперь ничтожно. Онъ безсознательно старался освободиться отъ дѣлъ. Ему казалось, что нужно освободиться для того, чтобы обсудить, обдумать. И онъ освободился и остался одинъ. Но какъ только остался одинъ, такъ онъ пошелъ бродить въ садъ, въ лѣсъ. И всѣ мѣста эти были загажены воспоминаніями, воспоминаніями, захватывающими его. И онъ почувствовалъ, что онъ ходитъ въ саду и говоритъ себѣ, что обдумываетъ что-то, а онъ ничего не обду-

---

[1]) См. примѣчаніе 3-е.

мываетъ, а безумно, безосновательно ждетъ ее, ждетъ того, что она какимъ-то чудомъ пойметъ, какъ онъ желаетъ ее, и возьметъ и придетъ сюда или куда-нибудь туда, гдѣ никто не увидитъ, или ночью, когда не будетъ луны, и никто, даже она сама, не увидитъ, въ такую ночь она придетъ, и онъ коснется ея тѣла...

«Да, вотъ и перервалъ, когда захотѣлъ, — говорилъ онъ себѣ. — Да, вотъ и для здоровья сошелся съ чистой, здоровой женщиной. Нѣтъ, видно, нельзя такъ играть съ ней. Я думалъ, что я ее взялъ, а она меня взяла, взяла и не пустила. Вѣдь я думалъ, что я свободенъ, а я не былъ свободенъ. Я обманывалъ себя, когда женился. Все было вздоръ, обманъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сошелся съ ней, я испыталъ новое чувство, настоящее чувство мужа. Да, мнѣ надо было жить съ ней [1])».

Да, двѣ жизни возможны для меня: одна та, которую я началъ съ Лизой: служба, хозяйство, ребенокъ, уваженіе людей. Если эта жизнь, то надо, чтобы ея, Степаниды, не было. Надо услать ее, какъ я говорилъ, или уничтожить ее, чтобы ея не было. А другая жизнь — это тутъ же. Отнять ее у мужа, дать ему денегъ, забыть про стыдъ и позоръ и жить съ ней. Но тогда надо, чтобы Лизы не было и Мими (ребенка). Нѣтъ, что же, ребенокъ не мѣшаетъ, но чтобъ Лизы не было, чтобъ она уѣхала. Чтобъ она узнала, прокляла и уѣхала. Узнала, что я промѣнялъ ее на бабу, что я обманщикъ, подлецъ. Нѣтъ, это слишкомъ ужасно! Этого нельзя. Да, но можетъ и такъ быть, — продолжалъ онъ думать, — можетъ такъ быть: Лиза заболѣетъ, да умретъ. Умретъ, и тогда все будетъ прекрасно».

«Прекрасно! О, негодяй. Нѣтъ, ужъ если умирать, то ей. Кабы она умерла, Степанида, какъ бы хорошо было.

«Да, вотъ какъ отравляютъ или убиваютъ женъ или любовницъ. Взять револьверъ и пойти; вызвать и, вмѣсто объятій, въ грудь — и кончено.

«Вѣдь она — чортъ, прямо, чортъ. Вѣдь она противъ воли моей завладѣла мною.

«Убить! да. Только два выхода: убить жену или ее. Потому что такъ жить нельзя [2]). Нельзя. Надо обдумать и предвидѣть. Если

---

[1]) См. примѣчаніе 4-е.

[2]) Съ этого мѣста начинается варіантъ конца повѣсти. (См. стр. 51.)

остаться такъ, какъ есть, то что будетъ? Будетъ то, что я опять себѣ скажу, что я не хочу, что я брошу, но я только скажу, а буду вечеромъ на задворкахъ, — и она знаетъ, и она придетъ. И или люди узнаютъ и скажутъ женѣ, или я самъ скажу ей, потому что не могу я лгать, не могу я такъ жить. Не могу. Узнается. Всѣ узнаютъ— и Параша и кузнецъ. Ну и что же, развѣ можно жить такъ?

«Нельзя. Только два выхода: жену убить или ее. Да еще... Ахъ, да, третій есть: себя,—сказалъ онъ тихо вслухъ, и вдругъ морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ. «Да, себя, тогда не нужно ихъ убивать». Ему стало страшно, именно потому, что онъ чувствовалъ, что только этотъ выходъ возможенъ. Револьверъ есть. «Неужели я убью себя? Вотъ чего не думалъ никогда, какъ это странно будетъ».

Онъ вернулся къ себѣ въ комнату и тотчасъ открылъ шкафъ, гдѣ былъ револьверъ, но не успѣлъ онъ открыть его, какъ вошла жена.

XXI.

Онъ накинулъ газету на револьверъ.

— Опять то же,—съ испугомъ сказала она, взглянувъ на него.

— Что то же?

— То же ужасное выраженіе, которое было прежде, когда ты не хотѣлъ мнѣ сказать. Геня, голубчикъ, скажи мнѣ. Я вижу, ты мучаешься. Скажи мнѣ, тебѣ легче будетъ. Что бы ни было, все лучше этихъ твоихъ страданій. Вѣдь я знаю, что ничего дурного.

— Ты знаешь? Пока...

— Скажи, скажи, скажи. Не пущу тебя.

Онъ улыбнулся жалкой улыбкой.

«Сказать? Нѣтъ, это невозможно. Да и нечего говорить».

Можетъ-быть, онъ сказалъ бы ей, но въ это время вошла кормилица, спрашивая, можно ли итти гулять. Лиза вышла одѣть ребенка.

— Такъ ты скажешь? Я сейчасъ приду.

— Да, можетъ-быть...

Она никогда не могла забыть улыбки страдальческой, съ которой онъ сказалъ это. Она вышла.

Поспѣшно, крадучись, какъ разбойникъ, онъ схватилъ револьверъ, вынулъ изъ чехла. «Онъ заряженъ, да, но давно, и одного заряда недостаетъ».

«Ну, что будетъ?» Онъ приставилъ къ виску, замялся было, но какъ только вспомнилъ Степаниду, — рѣшеніе не видѣть, борьбу, соблазнъ, паденіе, опять борьбу, — такъ вздрогнулъ отъ ужаса. «Нѣтъ, лучше это», и пожалъ гашетку...

Когда Лиза вбѣжала въ комнату, — она только что успѣла спуститься съ балкона, — онъ лежалъ ничкомъ на полу; черная, теплая кровь хлестала изъ раны, и трупъ еще подрагивалъ.

Было слѣдствіе. Никто не могъ понять и объяснить причины самоубійства. Дядюшкѣ даже ни разу не пришло въ голову, что причина имѣла что-нибудь общее съ тѣмъ признаніемъ, которое два мѣсяца тому назадъ ему дѣлалъ Евгеній.

Варвара Алексѣевна увѣряла, что она всегда предсказывала это. Это было видно, когда онъ спорилъ. Лиза и Марья Павловна обѣ никакъ не могли понять, отчего это случилось, и все-таки не вѣрили тому, что говорили доктора, что онъ былъ душевно-больной, психопатъ. Онѣ не могли никакъ согласиться съ этимъ, потому что знали, что онъ былъ болѣе здравомыслящій, чѣмъ сотни людей, которыхъ онѣ знали.

И дѣйствительно, если Евгеній Иртеневъ былъ душевно-больной, то всѣ люди такіе же душевно-больные; самые же душевно-больные это, несомнѣнно, тѣ, которые въ другихъ людяхъ видятъ признаки сумасшествія, которыхъ въ себѣ не видятъ.

10—19 Ноября 1889 г.
Ясная Поляна.

Варіантъ конца повѣсти „Дьяволъ“ [1]).

...сказалъ онъ себѣ и, подойдя къ столу, досталъ изъ него револьверъ и, осмотрѣвъ его, — одного заряда не доставало — положилъ его въ карманъ штановъ.

— Боже мой! Что я дѣлаю? — вдругъ вскрикнулъ онъ и, сложивъ руки, сталъ молиться.

— Господи, помоги мнѣ, избавь меня. Ты знаешь, что я не хочу дурного, но я не могу одинъ. Помоги мнѣ, — говорилъ онъ, крестясь на образъ.

— Да я могу же владѣть собой; пойду, похожу и обдумаю.

Онъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ полушубокъ и калоши и вышелъ на крыльцо. Не замѣчая этого, шаги его направились мимо сада по полевой дорогѣ къ хутору. На хуторѣ все еще гудѣла молотилка и слышались крики погонщиковъ-мальчиковъ. Онъ вошелъ въ ригу. Она была тутъ. Онъ тотчасъ же увидалъ ее. Она гребла колосъ и, увидавъ его, она, смѣясь глазами, бойкая, веселая, рысью побѣжала по раскиданному колосу, ловко сдвигая его. Евгеній не хотѣлъ, но не могъ не смотрѣть на нее. Онъ опомнился только, когда она перестала быть видима. Приказчикъ доложилъ, что теперь домолачиваютъ слежавшійся, и что отъ этого дольше и выхода меньше. Евгеній подошелъ къ барабану, изрѣдка стучавшему при пропускѣ плохо распластанныхъ сноповъ и спросилъ приказчика, много ли такихъ слежавшихся сноповъ?

— Возовъ пять будетъ.

— Такъ вотъ что... — началъ Евгеній и не договорилъ. Она подошла вплоть къ барабану, изъ-подъ него выгребая колосъ, и обожгла его своимъ смѣющимся взглядомъ.

Взглядъ этотъ говорилъ о веселой беззаботной любви между ними, о томъ, что она знаетъ, что онъ желаетъ ея, что онъ приходилъ къ ея сараю, и что она, какъ всегда, готова жить и веселиться съ нимъ, не думая ни о какихъ условіяхъ и послѣдствіяхъ. Евгеній почувствовалъ себя въ ея власти, но не хотѣлъ даваться.

Онъ вспомнилъ свою молитву и попытался повторить ее. Онъ сталъ про себя говорить ее, но тотчасъ же почувствовалъ, что это

---

[1]) См. стр. 49.

было безполезно. Одна мысль теперь поглотила его всего: какъ незамѣтно отъ другихъ назначить ей свиданіе?

— Если нынче кончимъ, прикажете начинать новый скирдъ или уже до завтрова? — спросилъ приказчикъ.

— Да, да, — отвѣчалъ Евгеній, невольно направляясь за нею къ вороху, къ которому она съ другой бабой пригребала колосъ.

«Да неужели я не могу овладѣть собой? — говорилъ онъ себѣ.— Неужели я погибъ? Господи! Да нѣтъ никакого Бога. Есть дьяволъ. И это она. Онъ овладѣлъ мною. А я не хочу, не хочу. Дьяволъ, да, дьяволъ».

Онъ подошелъ опять къ ней, вынулъ изъ кармана револьверъ и разъ, два, три раза выстрѣлилъ ей въ спину ровнѣе. Она побѣжала и упала на ворохъ.

— Батюшки, родимые, что же это? — кричали бабы.

— Нѣтъ, я не нечаянно. Я нарочно убилъ ее, — закричалъ Евгеній. — Посылайте за становымъ.

Онъ пришелъ домой и, ничего не сказавъ женѣ, вошелъ въ свой кабинетъ и заперся.

— Не ходи ко мнѣ, — кричалъ онъ женѣ черезъ дверь, — узнаешь все.

Черезъ часъ онъ позвонилъ и у пришедшаго лакея спросилъ: «Поди, узнай, жива ли Степанида».

Лакей уже зналъ все и сказалъ, что померла съ часъ тому назадъ.

— Ну и прекрасно. Теперь оставь меня, — когда пріѣдетъ становой или слѣдователь, скажи.

Становой и слѣдователь пріѣхали на другое утро, и Евгеній, простившись съ женой и ребенкомъ, былъ отвезенъ въ острогъ.

Его судили. Это были первыя времена суда присяжныхъ. И его признали временно духовно-больнымъ и приговорили только къ церковному покаянію.

Онъ пробылъ въ острогѣ девять мѣсяцевъ и въ монастырѣ мѣсяцъ.

Онъ началъ пить еще въ острогѣ, продолжалъ въ монастырѣ и вернулся домой разслабленнымъ, невмѣняемымъ алкоголикомъ.

Варвара Алексѣевна увѣряла, что она всегда предсказывала это. Это было видно, когда онъ спорилъ. Лиза и Марья Павловна

обѣ никакъ не могли понять, отчего это случилось, и все-таки не вѣрили тому, что говорили доктора, что онъ былъ душевно-больной, психопатъ. Онѣ не могли никакъ согласиться съ этимъ, потому что знали, что онъ былъ болѣе здравомыслящій, чѣмъ сотни людей, которыхъ онѣ знали.

И дѣйствительно, если Евгеній Иртеневъ былъ душевно-больной тогда, когда онъ совершалъ свое преступленіе, то всѣ люди такъ же душевно-больные. Самые же душевно-больные это несомнѣнно тѣ, которые въ другихъ людяхъ видятъ признаки сумасшествія, которыхъ въ себѣ не видятъ.

ФАЛЬШИВЫЙ КУПОНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Федоръ Михайловичъ Смоковниковъ, предсѣдатель казенной палаты, человѣкъ неподкупной честности и гордящійся этимъ, мрачно либеральный и не только свободномыслящій, но ненавидящій всякое проявленіе религіозности, которую онъ считалъ остаткомъ суевѣрій, вернулся изъ палаты въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Губернаторъ написалъ ему преглупую бумагу, по которой можно было предположить замѣчаніе, что Федоръ Михайловичъ поступилъ нечестно. Федоръ Михайловичъ очень озлобился и тутъ же написалъ бойкій и колкій отвѣтъ.

Дома Федору Михайловичу казалось, все дѣлалось ему наперекоръ.

Было безъ пяти минутъ пять часовъ. Онъ думалъ, что сейчасъ же подадутъ обѣдать, но обѣдъ не былъ еще готовъ. Федоръ Михайловичъ хлопнулъ дверью и ушелъ въ свою комнату. Въ дверь постучался кто-то. «Кой чортъ еще тамъ», подумалъ онъ и крикнулъ:

— Кто тамъ еще?

Въ комнату вошелъ гимназистъ пятаго класса, пятнадцатилѣтній мальчикъ, сынъ Федора Михайловича.

— Зачѣмъ ты?

— Нынче первое число.

— Что? Деньги?

Было заведено, что каждое первое число отецъ давалъ сыну жалованье на забавы—три рубля. Федоръ Михайловичъ нахмурился, досталъ бумажникъ, поискалъ и вынулъ купонъ въ 2 р. 50 коп., потомъ досталъ кошелекъ съ серебромъ и отсчиталъ еще пятьдесятъ копеекъ. Сынъ молчалъ и не бралъ.

— Папа, пожалуйста, дай мнѣ впередъ.

— Что?

— Я не просилъ бы, да я занялъ на честное слово, обѣщался. Я, какъ честный человѣкъ, не могу... мнѣ надо еще три рубля... я, право, не буду просить... не то, что не буду просить, а просто... пожалуйста, папа.

— Тебѣ сказано.

— Да папа, вѣдь одинъ разъ.

— Ты получаешь жалованья три рубля, и все мало. Я въ твои года не получалъ и пятидесяти копеекъ.

— Теперь всѣ товарищи мои больше получаютъ. Петровъ, Иваницкій пятьдесятъ рублей получаютъ.

— А я тебѣ скажу, что если ты такъ поведешь себя, ты будешь мошенникъ. Я сказалъ.

— Да что же сказали. Вы никогда не войдете въ мое положеніе. Я долженъ буду подлецомъ быть. Вамъ хорошо.

— Пошелъ вонъ, шалопай. Вонъ!

Федоръ Михайловичъ вскочилъ и бросился къ сыну.

— Вонъ! Сѣчь васъ надо. [1])

Сынъ испугался и озлобился, но озлобился больше, чѣмъ испугался, и, склонивъ голову, скорымъ шагомъ пошелъ къ двери. Федоръ Михайловичъ не хотѣлъ бить его, но онъ былъ радъ своему гнѣву и долго еще кричалъ, провожая сына, бранныя слова.

Когда пришла горничная и сказала, что готово обѣдать, Федоръ Михайловичъ всталъ.

— Наконецъ, — сказалъ онъ, — мнѣ уже и ѣсть не хочется.

И насупившись пошелъ къ обѣду.

За столомъ жена заговорила съ нимъ, но онъ такъ буркнулъ сердито короткій отвѣтъ, что она замолчала. Сынъ тоже не подымалъ глазъ отъ тарелки и молчалъ. Поѣли молча и молча встали и разошлись.

Послѣ обѣда гимназистъ вернулся въ свою комнату, вынулъ изъ кармана купонъ и мелочь, и бросилъ на столъ, а потомъ снялъ мундиръ, надѣлъ куртку. Сначала гимназистъ взялся за истрепанную латинскую грамматику, потомъ заперъ дверь на крючокъ, смелъ рукой со стола въ ящикъ деньги, досталъ изъ ящика гильзы, насыпалъ одну, заткнулъ ватой и сталъ курить.

---

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

Просидѣлъ онъ надъ грамматикой и тетрадями часа два, ничего не понимая, потомъ всталъ и сталъ, топая пятками, ходить по комнатѣ и вспоминать все, что было съ отцомъ. Всѣ ругательныя слова отца, особенно его злое лицо, вспоминались ему, точно онъ сейчасъ слышалъ и видѣлъ его. «Шалопай, сѣчь надо». И что больше онъ вспоминалъ, то больше злился на отца. Вспомнилъ онъ, какъ отецъ сказалъ ему: «Вижу, что изъ тебя выйдетъ мошенникъ. Такъ и знай».—«И выйдешь мошенникомъ, если такъ. Ему хорошо. Онъ забылъ, какъ былъ молодъ. Ну, какое же я сдѣлалъ преступленіе? Просто поѣхалъ въ театръ, не было денегъ, занялъ у Пети Грушецкаго. Что же тутъ дурного? Другой бы пожалѣлъ, разспросилъ, а этотъ только ругаться и о себѣ думать. Вотъ когда у него чего-нибудь нѣтъ—это крикъ на весь домъ, а я мошенникъ. Нѣтъ, хоть онъ и отецъ, а не люблю я его. Не знаю, всѣ ли такъ, но я не люблю».

Въ дверь постучалась горничная. Она принесла записку.

— Велѣли отвѣтъ непремѣнно.

Въ запискѣ было написано: «Вотъ уже третій разъ я прошу тебя возвратить взятые тобой у меня 6 рублей, но ты отвиливаешь. Такъ не поступаютъ честные люди. Прошу немедленно прислать съ симъ посланнымъ. Мнѣ самому нужда до зарѣзу. Неужели же ты не можешь достать. Твой, смотря по тому, отдашь ты или не отдашь, презирающій или уважающій тебя товарищъ

Грушецкій».

«Вотъ и думай. Экая свинья какая. Не можетъ подождать. Попытаюсь еще».

Митя пошелъ къ матери. Это была послѣдняя надежда. Мать его была добрая и не умѣла отказывать, и она, можетъ-быть, и помогла бы ему, но нынче она была встревожена болѣзнью меньшого, двухлѣтняго Пети. Она разсердилась на Митю за то, что онъ пришелъ и зашумѣлъ, и сразу отказала ему.

Онъ что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и пошелъ изъ двери. Ей стало жалко сына, и она воротила его.

— Постой, Митя, — сказала она. — У меня нѣтъ теперь, но завтра я достану.

Но въ Митѣ все еще кипѣла злоба на отца.

— Зачѣмъ мнѣ завтра, когда нужно нынче. Такъ знайте, что я пойду къ товарищу.

Онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

«Больше дѣлать нечего, онъ научитъ, гдѣ часы заложить», подумалъ онъ, ощупывая часы въ карманѣ.

Митя досталъ изъ стола купонъ и мелочь, надѣлъ пальто и пошелъ къ Махину.

II.

Махинъ былъ гимназистъ съ усами. Онъ игралъ въ карты, зналъ женщинъ, и у него всегда были деньги. Онъ жилъ съ теткой. Митя зналъ, что Махинъ нехорошій малый, но, когда онъ былъ съ нимъ, онъ невольно подчинялся ему. Махинъ былъ дома и собирался въ театръ. Въ грязной комнаткѣ его пахло душистымъ мыломъ и одеколономъ.

— Это, братъ, послѣднее дѣло, — сказалъ Махинъ, когда Митя разсказалъ ему свое горе, показалъ купонъ и пятьдесятъ копеекъ и сказалъ, что ему нужно девять рублей.—Можно и часы заложить, а можно и лучше,—сказалъ Махинъ, подмигивая однимъ глазомъ.

— Какъ лучше?

— А очень просто.

Махинъ взялъ купонъ.

— Поставить единицу передъ 2.50, и будетъ 12.50.

— Да развѣ бываютъ такіе?

— А какъ же, а на тысячерублевыхъ билетахъ.Я одинъ спустилъ такой.

— Да не можетъ быть.

— Такъ что же, валить? — сказалъ Махинъ, взявъ перо и расправивъ купонъ пальцами лѣвой руки.

— Да вѣдь это нехорошо!

— И, вздоръ какой!

«И точно», подумалъ Митя, и ему вспомнились опять ругательства отца: мошенникъ. «Вотъ и буду мошенникъ». Онъ посмотрѣлъ въ лицо Махину. Махинъ смотрѣлъ на него, спокойно улыбаясь.

— Что же, валить?

— Вали.

Махинъ старательно вывелъ единицу.

— Ну, вотъ теперь пойдемъ въ магазинъ. Вотъ тутъ на углу: фотографическія принадлежности. Мнѣ кстати рамка нужна, вотъ на эту персону.

Онъ досталъ фотографическую карточку большеглазой дѣвицы съ огромными волосами и великолѣпнымъ бюстомъ.

— Какова душка? А?

— Да, да. Какъ же...

— Очень просто. Пойдемъ.

Махинъ одѣлся, и они вмѣстѣ вышли.

III.

Въ входной двери фотографическаго магазина зазвонилъ колокольчикъ. Гимназисты вошли, оглядывая пустой магазинъ съ полками, уставленными принадлежностями, и съ витринами на прилавкахъ. Изъ задней двери вышла некрасивая, съ добрымъ лицомъ женщина и, ставъ за прилавкомъ, спросила, что нужно.

— Рамочку хорошенькую, мадамъ.

— На какую цѣну? — спросила дама, быстро и ловко перебирая руками въ митенкахъ, съ опухшими сочлененіями пальцевъ, рамки разныхъ фасоновъ. — Эти пятьдесятъ копеекъ, а эти подороже. А вотъ это очень миленькій, новый фасонъ, рубль двадцать.

— Ну, давайте эту. Да нельзя ли уступить? Возьмите рубль.

— У насъ не торгуются, — достойно сказала дама.

— Ну, Богъ съ вами, — сказалъ Махинъ, кладя на витрину купонъ.

— Давайте рамочку и сдачу, да поскорѣй, намъ въ театръ не опоздать.

— Еще успѣете, — сказала дама и стала близорукими глазами разсматривать купонъ.

— Мило будетъ въ этой рамочкѣ? А? — сказалъ Махинъ, обращаясь къ Митѣ.

— Нѣтъ ли у васъ другихъ денегъ, — сказала продавщица.

— То-то и горе, что нѣту. Мнѣ далъ отецъ, надо же размѣнять.

— Да неужели нѣтъ рубля двадцати?

— Есть пятьдесятъ копеекъ. Да что же, вы боитесь, что мы васъ обманываемъ фальшивыми деньгами?

— Нѣтъ, я ничего.

— Такъ давайте назадъ, мы размѣняемъ.

— Такъ сколько вамъ?

— Да стало-быть, одиннадцать съ чѣмъ-то.

Продавщица пощелкала на счетахъ, отперла конторку, достала десять рублей бумажкой и, пошевеливъ рукой въ мелочи, собрала еще шесть двугривенныхъ и два пятачка.

— Потрудитесь завернуть, — сказалъ Махинъ, неторопливо взявъ деньги.

— Сейчасъ.

Продавщица завернула и завязала бечевкой.

Митя перевелъ дыханіе только, когда колокольчикъ входной двери зазвенѣлъ за ними, и они вышли на улицу.

— Ну вотъ тебѣ десять рублей, а эти дай мнѣ. Я тебѣ отдамъ.

И Махинъ ушелъ въ театръ, а Митя пошелъ къ Грушецкому и расчелся съ нимъ.

IV.

Черезъ часъ послѣ ухода гимназистовъ хозяинъ магазина пришелъ домой и сталъ считать выручку.

— Ахъ, дура косолапая! Вотъ дура-то, — закричалъ онъ на свою жену, увидавъ купонъ и тотчасъ же замѣтивъ поддѣлку.— И зачѣмъ брать купоны?

— Да ты самъ, Женя, бралъ при мнѣ, и именно двѣнадцати-рублевые, — сказала жена, сконфуженная, огорченная и готовая плакать. — Я и сама не знаю, какъ они меня обморочили, — говорила она, — гимназисты. Красивый молодой человѣкъ, казался такой комильфотный.

— Комильфотная дура, — продолжалъ браниться мужъ, считая кассу. — Я беру купонъ, такъ знаю и вижу, что на немъ написано. А ты, я чай, только рожу гимназистовъ разсматривала на старости лѣтъ.

Этого не выдержала жена и сама разсердилась.

— Настоящій мужчина. Только другихъ осуждать, а самъ проиграешь въ карты пятьдесятъ четыре рубля — это ничего.

— Я — другое дѣло.

— Не хочу съ тобой говорить, — сказала жена и ушла въ свою комнату и стала вспоминать, какъ ея семья не хотѣла выдавать ее замужъ, считая ея мужа гораздо ниже по положенію, и какъ она одна настояла на этомъ бракѣ, вспомнила про своего умершаго ребенка, равнодушіе мужа къ этой потерѣ и возненавидѣла мужа такъ, что подумала о томъ, какъ бы хорошо было, если бы онъ умеръ. Но, подумавъ это, она испугалась своихъ чувствъ и поторопилась одѣться и уйти. Когда ея мужъ вернулся въ квартиру, жены уже не было. Она, не дожидаясь его, одѣлась и одна уѣхала къ знакомому учителю французскаго языка, который звалъ нынче на вечеръ.

V.

У учителя французскаго языка, русскаго поляка, былъ парадный чай съ сладкими печеніями, а потомъ сѣли за нѣсколько столовъ въ винтъ.

Жена продавца фотографическихъ принадлежностей сѣла съ хозяиномъ, офицеромъ и старой, глухой дамой въ парикѣ, вдовой содержателя музыкальнаго магазина, большой охотницей и мастерицей играть. Карты шли къ женѣ продавца фотографическихъ принадлежностей, она два раза назначила шлемъ. Подлѣ нея стояла тарелочка съ виноградомъ и грушей, и на душѣ у нея было весело.

— Что же Евгеній Михайловичъ не идетъ? — спросила хозяйка съ другого стола. — Мы его пятымъ запишемъ.

— Вѣрно, увлекся счетами, — сказала жена Евгенія Михайловича, — нынче расчеты за провизію, за дрова.

И, вспомнивъ про сцену съ мужемъ, она нахмурилась, и ея руки въ митенкахъ задрожали отъ злобы на него.

— Да вотъ легокъ на поминѣ, — сказалъ хозяинъ, обращаясь къ входившему Евгенію Михайловичу. — Что запоздали?

— Да разныя дѣла, — отвѣчалъ Евгеній Михайловичъ веселымъ голосомъ, потирая руки. И, къ удивленію жены, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— А знаешь, я купонъ-то спустилъ.

— Неужели?!

— Да, мужику за дрова.

И Евгеній Михайловичъ разсказалъ всѣмъ съ большимъ негодованіемъ,—въ разсказъ его включала подробности его жена, — какъ надули его жену безсовѣстные гимназисты.

— Ну-съ, теперь за дѣло, — сказалъ онъ, усаживаясь за столъ, когда пришелъ его чередъ, и тасуя карты.

VI.

Дѣйствительно, Евгеній Михайловичъ спустилъ купонъ за дрова крестьянину Ивану Миронову.

Иванъ Мироновъ торговалъ тѣмъ, что покупалъ на дровяныхъ складахъ одну сажень дровъ, развозилъ ее по городу и выкладывалъ такъ, что изъ сажени выходило пять четверокъ, которыя онъ продавалъ за ту же цѣну, какую стоила четверть на дровяномъ дворѣ. Въ этотъ несчастный для Ивана Миронова день онъ рано утромъ вывезъ осьмушку и, скоро продавъ, наложилъ другую осьмушку и надѣялся продать, но провозилъ, добиваясь покупателя, но никто не купилъ. Онъ все попадалъ на опытныхъ городскихъ жителей, которые знали обычныя продѣлки мужиковъ, продающихъ дрова, и не вѣрили тому, что онъ привезъ, какъ онъ увѣрялъ, дрова изъ деревни. Самъ онъ проголодался, иззябъ въ своемъ вытертомъ полушубкѣ и рваномъ армякѣ; морозъ къ вечеру дошелъ до двадцати градусовъ; лошаденка, которую онъ не жалѣлъ, потому что собирался продать ее драчамъ, совсѣмъ стала. Такъ что Иванъ Мироновъ готовъ былъ съ убыткомъ отдать дрова, когда ему встрѣтился ходившій за табакомъ въ магазинъ и возвращавшійся домой Евгеній Михайловичъ.

— Возьмите, баринъ, за-дешево отдамъ. Лошаденка стала совсѣмъ.

— Да ты откуда?

— Мы изъ деревни. Свои дрова, хорошія, сухія.

— Знаемъ мы васъ. Ну, что возьмешь?

Иванъ Мироновъ запросилъ, сталъ сбавлять и наконецъ отдалъ за свою цѣну.

— Только для васъ, баринъ, что близко везти, — сказалъ онъ.

Евгеній Михайловичъ не очень торговался, радуясь мысли, что онъ спуститъ купонъ. Кое-какъ, самъ подтягивая за оглобли, Иванъ Мироновъ ввезъ дрова во дворъ и самъ разгрузилъ ихъ въ сарай. Дворника не было. Иванъ Мироновъ сначала замялся брать купонъ, но Евгеній Михайловичъ такъ убѣдилъ его и казался такимъ важнымъ бариномъ, что онъ согласился взять.

Войдя съ задняго крыльца въ дѣвичью, Иванъ Мироновъ перекрестился, оттаялъ сосульки съ бороды и, заворотивъ полу кафтана, досталъ кожаный кошелекъ и изъ него восемь рублей пятьдесятъ копеекъ и отдалъ сдачу, а купонъ завернулъ въ бумажку и положилъ въ кошелекъ.

Поблагодаривъ, какъ водится, барина, Иванъ Мироновъ, разгоняя уже не кнутомъ, а кнутовищемъ насилу передвигавшую ноги, объиндевѣвшую, обреченную на смерть клячонку, порожнемъ погналъ къ трактиру.

Въ трактирѣ Иванъ Мироновъ спросилъ себѣ на восемь копеекъ вина и чаю и, отогрѣвшись и даже распотѣвши, въ самомъ веселомъ расположеніи духа бесѣдовалъ съ сидѣвшимъ у его же стола дворникомъ. Онъ разговорился съ нимъ, разсказалъ ему всѣ свои обстоятельства. Разсказалъ, что былъ онъ изъ деревни Васильевскаго, въ двѣнадцати верстахъ отъ города, что онъ—отдѣленный отъ отца и братьевъ и живетъ теперь съ женой и двумя ребятами, изъ которыхъ старшій только ходилъ въ училище, а не помогалъ ничего. Сказалъ, что онъ здѣсь стоитъ на фатерѣ и завтра пойдетъ на конную продавать своего одра и присмотритъ, а если придется—купитъ лошадку. Разсказалъ, что у него набралось теперь безъ рубля четвертная, и что у него половина денегъ въ купонѣ. Онъ досталъ купонъ и показалъ дворнику. Дворникъ былъ безграмотный, но сказалъ, что онъ мѣнивалъ для жильцовъ такія деньги, что деньги хорошія, но бываютъ поддѣльныя, и потому совѣтовалъ для вѣрности отдать здѣсь, у стойки. Иванъ Мироновъ отдалъ половому и велѣлъ принести сдачу, но половой не принесъ сдачи, а пришелъ лысый, съ глянцовитымъ лицомъ приказчикъ съ купономъ въ пухлой рукѣ.

— Деньги ваши не годятся, — сказалъ онъ, показывая купонъ, но не отдавая его.

— Деньги хорошія, мнѣ баринъ далъ.

— То-то, что не хорошія, а поддѣльныя.

— А поддѣльныя, такъ давай ихъ сюда.

— Нѣтъ, братъ, вашего брата учить надо. Ты съ мошенниками поддѣлалъ.

— Давай деньги, какую ты имѣешь полную праву?

— Сидоръ, кликни-ка помощника, — обратился буфетчикъ къ половому.

Иванъ Мироновъ былъ выпивши. А выпивши онъ былъ неспокоенъ. Онъ схватилъ приказчика за воротъ и закричалъ:

— Давай назадъ, я пойду къ барину. Я знаю, гдѣ онъ.

Приказчикъ рванулся отъ Ивана Миронова, и рубаха его затрещала.

— А, ты такъ! Держи его!

Половой схватилъ Ивана Миронова, и тутъ же явился городовой. Выслушавъ, какъ начальникъ, въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ же рѣшилъ его.

— Въ участокъ.

Купонъ городовой положилъ себѣ въ портмонэ и вмѣстѣ съ лошадью отвелъ Ивана Миронова въ участокъ.

VII.

Иванъ Мироновъ переночевалъ въ участкѣ съ пьяными и ворами. Уже около полудня его потребовали къ околоточному. Околоточный допросилъ его и послалъ съ городовымъ къ продавцу фотографическихъ принадлежностей. Иванъ Мироновъ запомнилъ улицу и домъ.

Когда городовой вызвалъ барина и представилъ ему купонъ и Ивана Миронова, утверждавшаго, что этотъ самый баринъ далъ ему купонъ, Евгеній Михайловичъ сдѣлалъ удивленное, а потомъ строгое лицо.

— Что ты, видно съ ума спятилъ. Въ первый разъ его вижу.

— Баринъ, грѣхъ, умирать будемъ, — говорилъ Иванъ Мироновъ.

— Что съ нимъ сдѣлалось? Да ты, вѣрно, заспалъ? Ты кому-нибудь другому продалъ, — говорилъ Евгеній Михайловичъ. — Впрочемъ, постойте, я пойду у жены спрошу, брала ли она вчера дрова.

Евгеній Михайловичъ вышелъ и тотчасъ же позвалъ дворника, красиваго, необыкновенно сильнаго и ловкаго щеголя, веселаго малаго Василія, и сказалъ ему, что если у него будутъ спрашивать, гдѣ взяты послѣднія дрова, чтобы онъ говорилъ, что въ складѣ, а что у мужиковъ дровъ не покупали.—А то тутъ мужикъ показываетъ, что я ему фальшивый купонъ далъ. Мужикъ безтолковый, Богъ знаетъ, что говоритъ, а ты человѣкъ съ понятіемъ. Такъ и говори, что дрова мы покупаемъ только въ складѣ. А это я тебѣ давно хотѣлъ дать на куртку, — прибавилъ Евгеній Михайловичъ и далъ дворнику пять рублей.

Василій взялъ деньги, блеснулъ глазами на бумажку, потомъ на лицо Евгенія Михайловича, тряхнулъ волосами и слегка улыбнулся.

— Извѣстно, народъ безтолковый. Необразованность. Не извольте безпокоиться. Я ужъ знаю, какъ сказать.

Сколько и какъ слезно ни умолялъ Иванъ Мироновъ Евгенія Михайловича признать свой купонъ и дворника подтвердить его слова, и Евгеній Михайловичъ и дворникъ стояли на своемъ: никогда не брали дрова съ возовъ. И городовой свелъ назадъ въ участокъ Ивана Миронова, обвиняемаго въ поддѣлкѣ купона.

Только по совѣту сидѣвшаго съ нимъ пьянаго писаря, отдавъ пятерку околоточному, Иванъ Мироновъ выбрался изъ-подъ караула безъ купона и съ семью рублями вмѣсто двадцати пяти, которыя у него были вчера. Иванъ Мироновъ пропилъ изъ этихъ семи рублей три и съ разбитымъ лицомъ и мертвецки пьяный пріѣхалъ къ женѣ.

Жена была беременная на сносяхъ и больная. Она начала ругать мужа, онъ оттолкнулъ ее, она стала бить его. Онъ, не отвѣчая, легъ брюхомъ на нары и громко заплакалъ.

Только на другое утро жена поняла, въ чемъ было дѣло, и, повѣривъ мужу, долго кляла разбойника барина, обманувшаго ея Ивана. И Иванъ, протрезвившись, вспомнилъ, что ему совѣтовалъ мастеровой, съ которымъ онъ пилъ вчера, и рѣшилъ итти къ аблакату жалиться.

VIII.

Адвокатъ взялся за дѣло не столько изъ-за денегъ, которыя онъ могъ получить, сколько изъ-за того, что повѣрилъ Ивану и былъ возмущенъ тѣмъ, какъ безсовѣстно обманули мужика.

На судъ явились обѣ стороны, и дворникъ Василій былъ свидѣтелемъ. На судѣ повторилось то же. Иванъ Мироновъ поминалъ про Бога, про то, что умирать будемъ. Евгеній Михайловичъ, хотя и мучился сознаніемъ гадости и опасности того, что онъ дѣлалъ, не могъ уже теперь измѣнить показанія и продолжалъ съ внѣшне спокойнымъ видомъ все отрицать.

Дворникъ Василій получилъ еще десять рублей и съ улыбкой, спокойно утверждалъ, что видомъ не видалъ Ивана Миронова. И, когда его привели къ присягѣ, хотя и робѣлъ внутренно, наружно покойно повторилъ за вызваннымъ старичкомъ священникомъ слова присяги, на крестѣ и святомъ Евангеліи клянясь въ томъ, что будетъ говорить всю правду.

Дѣло кончилось тѣмъ, что судья отказалъ Ивану Миронову въ искѣ, положилъ взыскать съ него пять рублей судебныхъ издержекъ, которыя Евгеній Михайловичъ великодушно простилъ ему. Отпуская Ивана Миронова, судья прочелъ ему наставленіе о томъ, чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе въ возведеніи обвиненій на почтенныхъ людей и былъ бы благодаренъ за то, что ему простили судебныя издержки и не преслѣдуютъ его за клевету, за которую онъ отсидѣлъ бы мѣсяца три въ тюрьмѣ.

— Благодаримъ покорно, — сказалъ Иванъ Мироновъ и, покачивая головой и вздыхая, вышелъ изъ камеры.

Все это, казалось, кончилось хорошо для Евгенія Михайловича и дворника Василія. Но это только казалось такъ. Случилось то, чего никто не видѣлъ, но что было важнѣе всего того, что люди видѣли.

Василій уже третій годъ ушелъ изъ деревни и жилъ въ городѣ. Съ каждымъ годомъ онъ подавалъ отцу все меньше и меньше и не выписывалъ къ себѣ жену, не нуждаясь въ ней. У него здѣсь, въ городѣ, женъ, и не такихъ, какъ его нехалява, было сколько хочешь. Съ каждымъ годомъ Василій все больше и больше забывалъ деревенскій законъ и освоивался съ городскими порядками. Тамъ все было грубо, сѣро, бѣдно, неурядливо, здѣсь все было тонко, хорошо,

чисто, богато, все въ порядкѣ. И онъ все больше и больше увѣрялся, что деревенскіе живутъ безъ понятія, какъ звѣри лѣсные, здѣсь же — настоящіе люди. Читалъ онъ книжки хорошихъ сочинителей, романы, ходилъ на представленія въ народный домъ. Въ деревнѣ и во снѣ того не видишь. Въ деревнѣ старики говорятъ: живи въ законѣ съ женой, трудись, лишнее не ѣшь, не щеголяй, а здѣсь люди умные, ученые, значитъ, знаютъ настоящіе законы, живутъ въ свое удовольствіе... И все хорошо. До дѣла съ купономъ Василій все не вѣрилъ, что у господъ нѣтъ никакого закона насчетъ того, какъ жить. Ему все казалось, что онъ не знаетъ ихъ закона, а законъ есть. Но послѣ дѣла съ купономъ и, главное, его фальшивой присяги, отъ которой, несмотря на его страхъ, ничего худого не вышло, а, напротивъ, вышло еще десять рублей, онъ совсѣмъ увѣрился, что нѣтъ никакихъ законовъ, и надо жить въ свое удовольствіе. Такъ онъ жилъ, такъ и продолжалъ жить. Сначала онъ пользовался на покупкахъ жильцовъ, но этого было мало для всѣхъ его расходовъ, и онъ, гдѣ могъ, сталъ таскать деньги и цѣнныя вещи изъ квартиръ жильцовъ и укралъ кошелекъ Евгенія Михайловича. Евгеній Михайловичъ уличилъ его, но не сталъ подавать въ судъ, а расчелъ его.

Домой Василію итти не хотѣлось, и онъ остался жить въ Москвѣ съ своей любезной, отыскивая мѣсто. Мѣсто нашлось дешевое къ лавочнику въ дворники. Василій поступилъ. Но на другой же мѣсяцъ попался въ кражѣ мѣшковъ. Хозяинъ не сталъ жаловаться, а побилъ Василія и прогналъ. Послѣ этого случая мѣста уже не находилось, деньги проживались, потомъ стала проживаться одежа, и кончилось тѣмъ, что остался одинъ рваный пиджакъ, штаны и опорки. Любезная бросила его. Но Василій не утратилъ свое бодрое, веселое расположеніе и, дождавшись весны, пошелъ пѣшій домой.

IX.

Петръ Николаевичъ Свентицкій, маленькій, коренастенькій человѣчекъ въ черныхъ очкахъ (у него болѣли глаза, ему угрожала полная слѣпота), всталъ, по обыкновенію, до свѣта и, выпивъ стаканъ чаю, надѣлъ крытый, отороченный мерлушкой полушубочекъ, и пошелъ по хозяйству.

Петръ Николаевичъ былъ таможеннымъ чиновникомъ и нажилъ тамъ 18.000 рублей. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ онъ вышелъ въ отставку не совсѣмъ по своей волѣ и купилъ имѣньице промотавшагося юноши помѣщика. Петръ Николаевичъ былъ на службѣ еще женатъ. Жена его была бѣдная сирота стараго дворянскаго рода, крупная, полная, красивая женщина, не давшая ему дѣтей. Петръ Николаевичъ во всѣхъ дѣлахъ былъ человѣкъ основательный и настойчивый. Ничего не зная о хозяйствѣ (онъ былъ сынъ польскаго шляхтича), онъ такъ хорошо занялся хозяйствомъ, что разоренное имѣніе въ 300 десятинъ черезъ десять лѣтъ стало образцовымъ. Всѣ постройки у него, отъ дома до амбара и навѣса надъ пожарной трубой, были прочныя, основательныя, крытыя желѣзомъ и во-время крашенныя. Въ инструментномъ сараѣ стояли порядкомъ телѣги, сохи, плуги, бороны, сбруя была вымазана. Лошади были не крупныя, почти всѣ своего завода, саврасой масти, сытенькія, крѣпенькія, одна въ одну. Молотилка работала въ крытой ригѣ; кормъ убирался въ особенномъ сараѣ; навозная жижа стекала въ мощенную яму. Коровы были тоже своего завода, не крупныя, но молочныя; свиньи были аглицкія. Былъ птичникъ и особенно ноской породы куры. Садъ фруктовый былъ обмазанъ и подсаженъ. Вездѣ все было хозяйственно, прочно, чисто, исправно. Петръ Николаевичъ радовался на свое хозяйство и гордился тѣмъ, что всего этого онъ достигалъ не притѣсненіемъ крестьянъ, а, напротивъ, строгой справедливостью къ населенію. Онъ даже среди дворянъ держался средняго, скорѣе либеральнаго, чѣмъ консервативнаго взгляда и всегда передъ крѣпостниками защищалъ народъ. Будь съ ними хорошъ, и они будутъ хороши. Правда, онъ не спускалъ промаховъ и ошибокъ рабочихъ, иногда и самъ поталкивалъ ихъ, требовалъ работы, но зато помѣщенія, харчи были самые хорошіе, жалованіе всегда было выдано во-время, и въ праздники онъ подносилъ водку.

Ступая осторожно по талому снѣгу, — это было въ февралѣ, — Петръ Николаевичъ направился мимо рабочей конюшни къ избѣ, гдѣ жили рабочіе. Было еще темно. Еще темнѣе отъ тумана, но въ окнахъ рабочей избы былъ виденъ свѣтъ. Рабочіе вставали. Онъ намѣревался поторопить ихъ: по наряду имъ надо было на шестеромъ ѣхать за послѣдними дровами въ рощу.

«Это что?» подумалъ онъ, увидавъ отворенную дверь въ конюшню.

— Эй, кто тутъ?

Никто не отозвался. Петръ Николаевичъ вошелъ въ конюшню.

— Эй, кто тутъ?

Никто не отзывался. Было темно, подъ ногами мягко, и пахло навозомъ. Направо отъ двери въ стойлѣ стояла пара молодыхъ саврасыхъ. Петръ Николаевичъ протянулъ руку — пусто. Онъ тронулъ ногой. Не легла ли? Нога ничего не встрѣтила. «Куда же они ее вывели», подумалъ онъ. Запрягать — не запрягали, сани еще всѣ наружи. Петръ Николаевичъ вышелъ изъ двери и крикнулъ громко:

— Эй, Степанъ.

Степанъ былъ старшій рабочій. Онъ какъ разъ выходилъ изъ рабочей.

— Яу! — откликнулся весело Степанъ. — Это вы, Петръ Николаевичъ? Сейчасъ ребята идутъ.

— Что у васъ конюшня отперта?

— Конюшня? Не могу знать. Эй, Прошка, давай фонарь.

Прошка прибѣжалъ съ фонаремъ, вошли въ конюшню. Степанъ сразу понялъ.

— Это воры были, Петръ Николаевичъ. Замокъ сбитъ.

— Врешь!

— Свели, разбойники. Машки нѣту. Ястреба нѣтъ. Ястребъ здѣсь. Пестраго нѣтъ. Красавчика нѣтъ.

Трехъ лошадей не было. Петръ Николаевичъ ничего не сказалъ, нахмурился и тяжело дышалъ.

— Охъ, попался бы мнѣ. Кто караулилъ?

— Петька. Петька проспалъ.

Петръ Николаевичъ подалъ въ полицію, къ становому, земскому начальнику, разослалъ своихъ. Лошадей не нашли.

— Поганый народъ, — говорилъ Петръ Николаевичъ, — что сдѣлали! Я ли имъ добро не дѣлалъ. Погоди же ты! Разбойники, всѣ разбойники. Теперь я не такъ съ вами поведу дѣло.

X.

А лошади, тройка саврасыхъ, были уже на мѣстахъ. Одну, Машку, продали цыганамъ за восемнадцать рублей, другого, Пестраго, промѣняли мужику за сорокъ верстъ, Красавчика загнали и зарѣзали, продали шкуру за три рубля. Всему дѣлу этому былъ руководчикомъ Иванъ Мироновъ. Онъ служилъ у Петра Николаевича и зналъ порядки Петра Николаевича и рѣшилъ вернуть свои денежки. И устроилъ дѣло.

Послѣ своего несчастья съ фальшивымъ купономъ, Иванъ Мироновъ долго пилъ и пропилъ бы все, если бы жена не спрятала отъ него хомуты, одежу и все, что можно было пропить. Во время пьянства своего Иванъ Мироновъ не переставая думалъ не только о своемъ обидчикѣ, но о всѣхъ господахъ и господишкахъ, которые только тѣмъ живутъ, что обираютъ нашего брата. Пилъ одинъ разъ Иванъ Мироновъ съ мужиками изъ-подъ Подольска. И мужики дорогой, пьяные, разсказали ему, какъ они свели лошадей у мужика. Иванъ Мироновъ сталъ ругать конокрадовъ за то, что они обидѣли мужика.—«Грѣхъ это,—говорилъ онъ;—у мужика лошадка—все равно братъ, а ты его обездолишь. Коли уводить, такъ у господъ. Эти собаки того стоятъ».—Дальше, больше—разговорились, и подольскіе мужики сказали, что у господъ свезти лошадей хитро. Надо знать ходы, а безъ своего человѣка нельзя. Тогда Иванъ Мироновъ вспомнилъ про Свентицкаго, у котораго онъ жилъ въ работникахъ, вспомнилъ, что Свентицкій не додалъ при расчетѣ полтора рубля за сломанный шкворень, вспомнилъ и про саврасенькихъ лошадокъ, на которыхъ онъ работалъ.

Иванъ Мироновъ сходилъ къ Свентицкому какъ будто наниматься, а только затѣмъ, чтобы высмотрѣть и узнать все. И, узнавъ все: что караульщика нѣтъ, что лошади въ денникахъ, въ конюшнѣ, — подвелъ воровъ и сдѣлалъ все дѣло.

Подѣливъ съ подольскими мужиками выручку, Иванъ Мироновъ съ пятью рублями пріѣхалъ домой. Дома дѣлать нечего было, лошади не было, и съ той поры Иванъ Мироновъ сталъ водиться съ конокрадами и цыганами.

XI.

Петръ Николаевичъ Свентицкій изо всѣхъ силъ старался найти вора. Безъ своего не могло быть сдѣлано дѣло. И потому онъ сталъ подозрѣвать своихъ и, разузнавъ у рабочихъ, кто не ночевалъ въ эту ночь дома, узналъ, что не ночевалъ Прошка Николаевъ—молодой малый, только что пришедшій изъ военной службы солдатъ, красивый, ловкій малый, котораго Петръ Николаевичъ бралъ для выѣздовъ вмѣсто кучера. Становой былъ пріятель Петра Николаевича, онъ зналъ и исправника, и предводителя, и земскаго начальника, и слѣдователя. Всѣ эти лица бывали у него въ именины и знали его вкусныя наливки и соленые грибки — бѣлые, опенки и грузди. Всѣ жалѣли его и старались помочь ему.

— Вотъ, а вы защищаете мужиковъ, — говорилъ становой.— Правду я говорилъ, что хуже звѣрей. Безъ кнута и палки съ ними ничего не подѣлаешь. Такъ вы говорите, Прошка, тотъ, что съ вами кучеромъ ѣздитъ?

— Да, онъ.

— Давайте его сюда.

Прошку призвали и стали допрашивать.

— Гдѣ былъ?

Прошка тряхнулъ волосами, блеснулъ глазами.

— Дома.

— Какъ же дома, всѣ рабочіе показываютъ, что тебя не было.

— Воля ваша.

— Да не въ моей волѣ дѣло, а гдѣ ты былъ?

— Дома.

— Ну, хорошо же. Сотскій, сведи его въ станъ.

— Воля ваша.

Такъ и не сказалъ Прошка, гдѣ былъ. А не сказалъ потому, что ночь былъ у своего дружка, у Параши, и обѣщалъ не выдавать ее, и не выдалъ. Уликъ не было, и Прошку выпустили. Но Петръ Николаевичъ былъ увѣренъ, что это все дѣло Прокофія, и возненавидѣлъ его. Одинъ разъ Петръ Николаевичъ, взявъ Прокофія за кучера, выслалъ его на подставу. Прошка, какъ и всегда дѣлалъ, взялъ на постояломъ дворѣ двѣ мѣры овса. Полторы скор-

милъ, а на полмѣры выпилъ. Петръ Николаевичъ узналъ это и подалъ мировому судьѣ. Мировой судья приговорилъ Прошку на три мѣсяца въ острогъ. Прокофій былъ самолюбивъ. Онъ считалъ себя выше людей и гордился собой. Острогъ сразу унизилъ его. Ему нельзя было гордиться передъ народомъ, и онъ упалъ духомъ.

Изъ острога Прошка вернулся домой не столько озлобленный противъ Петра Николаевича, сколько противъ всего міра.

Прокофій, какъ говорили всѣ, послѣ острога опустился, сталъ лѣниться работать, сталъ пить и скоро попался въ воровствѣ одежи у мѣщанки и попалъ опять въ острогъ.

Петръ же Николаевичъ узналъ о лошадяхъ только то, что была найдена шкура съ саврасаго мерина, которую Петръ Николаевичъ призналъ за шкуру Красавчика, и эта безнаказанность воровъ еще больше раздражила Петра Николаевича. Онъ не могъ теперь безъ злобы видѣть мужиковъ и говорить про нихъ и, гдѣ могъ, старался прижать ихъ.

XII.

Несмотря на то, что, спустивъ купонъ, Евгеній Михайловичъ пересталъ думать о немъ, жена его Марія Васильевна не могла простить ни себѣ, что поддалась обману, ни мужу за жестокія слова, которыя онъ сказалъ ей, ни, главное, тѣмъ двумъ мальчишкамъ негодяямъ, которые такъ ловко обманули ее.

Съ того самаго дня, какъ ее обманули, она приглядывалась ко всѣмъ гимназистамъ. Разъ она встрѣтила Махина, но не узнала его, потому что онъ, увидавъ ее, сдѣлалъ такую рожу, которая совсѣмъ измѣнила его лицо. Но Митю Смоковникова она, столкнувшись съ нимъ носъ съ носомъ на тротуарѣ, недѣли двѣ послѣ событія, тотчасъ же узнала. Она дала ему пройти и, повернувшись, слѣдомъ пошла за нимъ. Дойдя до его квартиры и узнавъ, чей онъ сынъ, она на другой день пошла въ гимназію и въ передней встрѣтила законоучителя Михаила Введенскаго. Онъ спросилъ, что ей нужно. Она сказала, что желаетъ видѣть директора.

— Директора нѣтъ, онъ нездоровъ, можетъ-быть, я могу исполнить или передать ему.

Марія Васильевна рѣшила все разсказать законоучителю.

Законоучитель Введенскій былъ вдовецъ, академикъ и человѣкъ очень самолюбивый. Еще въ прошломъ году онъ встрѣтился въ одномъ обществѣ съ отцомъ Смоковникова и, столкнувшись съ нимъ въ разговорѣ о вѣрѣ, въ которомъ Смоковниковъ разбилъ его по всѣмъ пунктамъ и поднялъ на смѣхъ, рѣшилъ обратить особенное вниманіе на сына и, найдя въ немъ такое же равнодушіе къ Закону Божію, какъ и въ невѣрующемъ отцѣ, сталъ преслѣдовать его и даже провалилъ его на экзаменѣ.

Узнавъ отъ Маріи Васильевны про поступокъ молодого Смоковникова, Введенскій не могъ не почувствовать удовольствія, найдя въ этомъ случаѣ подтвержденіе своихъ предположеній о безнравственности людей, лишенныхъ руководства церкви, и рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, какъ онъ старался себя увѣрить, для показанія той опасности, которая угрожаетъ всѣмъ отступающимъ отъ церкви, — въ глубинѣ же души для того, чтобы отомстить гордому и самоувѣренному атеисту.

— Да, очень грустно, очень грустно, — говорилъ отецъ Михаилъ Введенскій, поглаживая рукой гладкіе бока наперснаго креста. — Я очень радъ, что вы передали дѣло мнѣ; я, какъ служитель церкви, постараюсь не оставить молодого человѣка безъ наставленій, но и постараюсь какъ можно болѣе смягчить назиданіе.

«Да, я сдѣлаю такъ, какъ подобаетъ моему званію», говорилъ себѣ отецъ Михаилъ, думая, что онъ, совершенно забывъ недоброжелательство къ себѣ отца, имѣетъ въ виду только благо и спасеніе юноши.

На слѣдующій день на урокѣ Закона Божія отецъ Михаилъ разсказалъ ученикамъ весь эпизодъ фальшиваго купона и сказалъ, что это сдѣлалъ гимназистъ.

— Поступокъ дурной, постыдный, — сказалъ онъ, — но запирательство еще хуже. Если, чему я не вѣрю, это сдѣлалъ одинъ изъ васъ, то лучше ему покаяться, чѣмъ скрываться.

Говоря это, отецъ Михаилъ пристально смотрѣлъ на Митю Смоковникова. Гимназисты, слѣдя за его взглядомъ, тоже оглядывались на Смоковникова. Митя краснѣлъ, потѣлъ, наконецъ расплакался и выбѣжалъ изъ класса.

Мать Мити, узнавъ про это, выпытала всю правду у сына и побѣжала въ магазинъ фотографическихъ принадлежностей. Она

заплатила 12 р. 50 коп. хозяйкѣ и уговорила ее скрыть имя гимназиста. Сыну же велѣла все отрицать и ни въ какомъ случаѣ не признаваться отцу.

И дѣйствительно, когда Федоръ Михайловичъ узналъ о томъ, что было въ гимназіи, и призванный имъ сынъ отперся отъ всего, онъ поѣхалъ къ директору и, разсказавъ все дѣло, сказалъ, что поступокъ законоучителя въ высшей степени предосудителенъ, и онъ не оставитъ этого такъ. Директоръ пригласилъ священника, и между нимъ и Федоромъ Михайловичемъ произошло горячее объясненіе.

— Глупая женщина вклепалась въ моего сына, потомъ сама отреклась отъ своего показанія, а вы не нашли ничего лучшаго, какъ оклеветать честнаго, правдиваго мальчика.

— Я не клеветалъ и не позволю вамъ говорить такъ со мной. Вы забываете мой санъ.

— . . . . . .

— Ваши превратныя понятія, — дрожа подбородкомъ, такъ что тряслась его рѣдкая бородка, заговорилъ законоучитель, — извѣстны всему городу.

— Господа! батюшка! — старался успокоить спорящихъ директоръ, но успокоить ихъ нельзя было.

— Я по долгу своего сана долженъ заботиться о религіозно-нравственномъ воспитаніи.

— Полноте притворяться, развѣ я не знаю, что вы ни въ чохъ ни въ смерть не вѣрите.

— Я считаю недостойнымъ себя говорить съ такимъ господиномъ, какъ вы,—проговорилъ отецъ Михаилъ, оскорбленный послѣдними словами Смоковникова въ особенности потому, что онъ зналъ, что они справедливы. Онъ прошелъ полный курсъ духовной академіи и потому давно уже не вѣрилъ въ то, что исповѣдывалъ и проповѣдывалъ, а вѣрилъ только въ то, что всѣ люди должны принуждать себя вѣрить въ то, во что онъ принуждалъ себя вѣрить.

Смоковниковъ не столько былъ возмущенъ поступкомъ законоучителя, сколько находилъ, что это хорошая иллюстрація того клерикальнаго вліянія, которое начинаетъ проявляться у насъ, и всѣмъ разсказывалъ про этотъ случай.

Отецъ же Введенскій, видя проявленіе утвердившагося нигилизма и атеизма не только въ молодомъ, но [и въ] старомъ по-

колѣніи, все больше и больше убѣждался въ необходимости борьбы съ нимъ. Чѣмъ больше онъ осуждалъ невѣріе Смоковникова и ему подобныхъ, тѣмъ больше онъ убѣждался въ твердости и незыблемости своей вѣры и тѣмъ меньше чувствовалъ потребность провѣрять ее или согласовать ее съ своей жизнью. Его вѣра, признаваемая всѣмъ окружающимъ его міромъ, была для него главнымъ орудіемъ борьбы противъ ея отрицателей.

Эти мысли, вызванныя въ немъ столкновеніемъ съ Смоковниковымъ, вмѣстѣ съ непріятностями по гимназіи, происшедшими отъ этого столкновенія,—именно, выговоръ, замѣчаніе, полученное отъ начальства,—заставили его принять давно уже, со смерти жены манившее его къ себѣ рѣшеніе: принять монашество и избрать ту самую карьеру, по которой пошли нѣкоторые изъ его товарищей по академіи, изъ которыхъ одинъ былъ уже архіереемъ, а другой—архимандритомъ на вакансіи епископа.

Къ концу академическаго года Введенскій покинулъ гимназію, постригся въ монастырь подъ именемъ Мисаила и очень скоро получилъ мѣсто ректора семинаріи въ поволжскомъ городѣ.

XIII.

Между тѣмъ, Василій дворникъ шелъ большой дорогой на югъ.

День онъ шелъ, а на ночь десятскій отводилъ его на очередную квартиру. Хлѣбъ ему вездѣ давали, а иногда и сажали за столъ ужинать. Въ одной деревнѣ Орловской губерніи, гдѣ онъ ночевалъ, ему сказали, что купецъ, снявшій у помѣщика садъ, ищетъ молодцовъ караульныхъ. Василію надоѣло нищенствовать, а домой итти не хотѣлось, и онъ пошелъ къ кущу садовнику и нанялся караульщикомъ за пять рублей въ мѣсяцъ.

Жизнь въ шалашѣ, особенно послѣ того, какъ стала поспѣвать грушевка, и съ барскаго гумна караульщики принесли большущія вязанки свѣжей, изъ-подъ молотилки, соломы, была очень пріятна Василію. Лежи цѣлый день на свѣжей, пахучей соломѣ подлѣ кучекъ, еще болѣе, чѣмъ солома, пахучихъ падали ярового и зимового яблока, поглядывай, не забрались ли гдѣ ребята за яблоками, посвистывай и распѣвай пѣсни. А пѣсни пѣть Василій былъ

мастеръ. И голосъ у него былъ хорошій. Придутъ съ деревни бабы, дѣвки за яблоками, пошутитъ съ ними Василій, отдастъ, какъ какая приглянется, побольше или поменьше яблокъ за яйца или копеечки—и опять лежи, только сходи позавтракать, пообѣдать, поужинать.

Рубаха на Василіи была одна розовая ситцевая, и та въ дырахъ, на ногахъ ничего не было, но тѣло было сильное, здоровое, и, когда котелокъ съ кашей снимали съ огня, Василій съѣдалъ за троихъ, такъ что старикъ караульщикъ только дивился на него. По ночамъ Василій не спалъ и либо свисталъ, либо покрикивалъ и какъ кошка далеко въ темнотѣ видѣлъ. Разъ забрались съ деревни большіе ребята трясти яблоки. Василій подкрался и набросился на нихъ; хотѣли они отбиться, да онъ расшвырялъ ихъ всѣхъ, а одного привелъ въ шалашъ и сдалъ хозяину.

Первый шалашъ Василія былъ въ дальнемъ саду, а второй шалашъ, когда грушевка сошла, былъ въ сорока шагахъ отъ барскаго дома. И въ этомъ шалашѣ Василію еще веселѣе было. Цѣлый день Василій видѣлъ, какъ господа и барышни играли, ѣздили кататься, гуляли, а по вечерамъ и ночамъ играли на фортепьяно, на скрипкѣ, пѣли, танцовали. Видѣлъ онъ, какъ барышни съ студентами сидѣли на окнахъ и ласкались и потомъ одни шли гулять въ темныя липовыя аллеи, куда только полосами и пятнами проходилъ лунный свѣтъ. Видѣлъ онъ, какъ бѣгали слуги съ ѣдой и питьемъ, и какъ повара, прачки, приказчики, садовники, кучера—всѣ работали только затѣмъ, чтобы кормить, поить, веселить господъ. Заходили иногда молодые господа и къ нему въ шалашъ, и онъ отбиралъ имъ и подавалъ лучшія, наливныя и краснобокія яблоки, и барышни тутъ же, хрустя зубами, кусали ихъ и хвалили и что-то говорили — Василій понималъ, что объ немъ — по-французски и заставляли его пѣть.

И Василій любовался на эту жизнь, вспоминая свою московскую жизнь, и мысль о томъ, что все дѣло въ деньгахъ, все больше и больше западала ему въ голову.

И Василій сталъ все больше и больше думать о томъ, какъ бы сдѣлать, чтобы сразу захватить побольше денегъ. Сталъ онъ вспоминать, какъ онъ прежде пользовался, и рѣшилъ, что не такъ надо дѣлать, что надо не такъ, какъ прежде, ухватить, гдѣ плохо лежитъ, а впередъ обдумать, вызнать и сдѣлать чисто, чтобы ника-

кихъ концовъ не оставить. Къ Рождеству Богородицы сняли послѣднюю антоновку. Хозяинъ попользовался хорошо и всѣхъ караульщиковъ и Василія расчелъ и отблагодарилъ.

Василій одѣлся — молодой баринъ подарилъ ему куртку и шляпу—и не пошелъ домой,—очень тошно ему было думать о мужицкой, грубой жизни,—а вернулся назадъ въ городъ съ пьющими солдатиками, которые вмѣстѣ съ нимъ караулили садъ. Въ городѣ онъ рѣшилъ ночью взломать и ограбить ту лавку, у хозяина которой онъ жилъ, и который прибилъ его и прогналъ безъ расчета. Онъ зналъ всѣ ходы и гдѣ были деньги, солдатика приставилъ караулить, а самъ взломалъ окно со двора, пролѣзъ и выбралъ всѣ деньги. Дѣло было сдѣлано искусно, и слѣдовъ никакихъ не нашли. Денегъ вынулъ 370 рублей. Сто рублей Василій далъ товарищу, а съ остальными уѣхалъ въ другой городъ и тамъ кутилъ съ товарищами и товарками.

XIV.

Между тѣмъ, Иванъ Мироновъ сталъ ловкимъ, смѣлымъ и успѣшнымъ конокрадомъ. Афимья, его жена, прежде ругавшая его за плохія дѣла, какъ она говорила, теперь была довольна и гордилась мужемъ, тѣмъ, что у него тулупъ крытый и у ней самой полушалокъ и новая шуба.

Въ деревнѣ и округѣ всѣ знали, что ни одна кража лошадей не обходилась безъ него, но доказать на него боялись, и, когда бывало на него подозрѣніе, онъ выходилъ чистъ и правъ. Послѣдняя кража его была изъ ночного въ Колотовкѣ. Когда могъ, Иванъ Мироновъ разбиралъ, у кого красть, и больше любилъ брать у помѣщиковъ и купцовъ. Но и у помѣщиковъ и купцовъ было труднѣе. И потому, когда не подходили помѣщичьи и купеческія, онъ бралъ и у крестьянъ. Такъ онъ и захватилъ въ Колотовкѣ изъ ночного какихъ попало лошадей. Сдѣлалъ дѣло не онъ самъ, но подговоренный имъ ловкій малый Герасимъ. Мужики хватились лошадей только на зарѣ и бросились искать по дорогамъ. Лошади же стояли въ оврагѣ, въ казенномъ лѣсу. Иванъ Мироновъ намѣревался продержать ихъ тутъ до другой ночи, а ночью махнуть за сорокъ верстъ къ знакомому дворнику. Иванъ Мироновъ провѣдалъ Герасима въ лѣсу, принесъ ему пирога и водки и пошелъ домой лѣсной тропинкой, гдѣ надѣялся

никого не встрѣтить. На бѣду его онъ столкнулся со сторожемъ солдатомъ.

— Али по грибы ходилъ? — сказалъ солдатъ.

— Да нѣтъ ничего нынче, — отвѣчалъ Иванъ Мироновъ, показывая на лукошко, которое онъ взялъ на всякій случай.

— Да, нынче не грибное лѣто, — сказалъ солдатъ; — нешто постомъ пойдутъ, — и прошелъ мимо.

Солдатъ понялъ, что тутъ что-то неладно. Незачѣмъ было Ивану Миронову ходить рано утромъ по казенному лѣсу. Солдатъ вернулся и сталъ шарить по лѣсу. Около оврага онъ услыхалъ лошадиное фырканье и пошелъ потихоньку къ тому мѣсту, откуда слышалъ. Въ оврагѣ было притоптано и былъ лошадиный пометъ. Дальше сидѣлъ Герасимъ и ѣлъ что-то, а двѣ лошади стояли привязанными у дерева.

Солдатъ побѣжалъ въ деревню, взялъ старосту, сотскаго и двухъ понятыхъ. Они съ трехъ сторонъ подошли къ тому мѣсту, гдѣ былъ Герасимъ, и захватили его. Гераська не сталъ запираться и тотчасъ же спьяна во всемъ сознался. Разсказалъ, какъ его напоилъ и подговорилъ Иванъ Мироновъ, и какъ обѣщался нынче прійти за лошадьми въ лѣсъ. Мужики оставили лошадей и Герасима въ лѣсу, а сами сдѣлали засаду, выжидая Ивана Миронова. Когда смерклось, послышался свистъ. Герасимъ откликнулся. Только Иванъ Мироновъ сталъ спускаться съ горы, на него набросились и повели въ деревню. На утро передъ старостиной избой собралась толпа.

Ивана Миронова вывели и стали допрашивать. Степанъ Пелагеюшкинъ, высокій, сутуловатый, длиннорукій мужикъ, съ орлинымъ носомъ и мрачнымъ выраженіемъ лица, первый сталъ допрашивать. Степанъ былъ мужикъ одинокій, отбывшій воинскую повинность. Только что отошелъ отъ отца и сталъ справляться, какъ у него увели лошадь. Проработавъ годъ въ шахтахъ, Степанъ опять справилъ двухъ лошадей. Обѣихъ увели.

— Говори, гдѣ мои кони, — мрачно глядя то въ землю, то въ лицо Ивана, заговорилъ, поблѣднѣвъ отъ злобы, Степанъ.

Иванъ Мироновъ отперся. Тогда Степанъ ударилъ его въ лицо и разбилъ носъ, изъ котораго потекла кровь.

— Говори, убью!

Иванъ Мироновъ молчалъ, сгибая голову. Степанъ ударилъ своей длинной [рукой] разъ, другой. Иванъ все молчалъ, только откидывалъ то туда, то сюда голову.

— Всѣ бей! — закричалъ староста.

И всѣ стали бить. Иванъ Мироновъ молча упалъ и закричалъ:

— Варвары, черти, бейте на смерть. Не боюсь васъ.

Тогда Степанъ схватилъ камень изъ заготовленной сажени и разбилъ Ивану Миронову голову.

XV.

Убійцъ Ивана Миронова судили. Въ числѣ этихъ убійцъ былъ Степанъ Пелагеюшкинъ. Его обвинили строже другихъ, потому что всѣ показали, что онъ камнемъ разбилъ голову Ивана Миронова. Степанъ на судѣ ничего не таилъ, объяснилъ, что когда у него увели послѣднюю пару лошадей, онъ заявилъ въ стану, и слѣды по цыганамъ найти можно было, да становой его и на глаза не принялъ и не искалъ вовсе.

— Что же намъ съ такимъ дѣлать? Разорилъ насъ.

— Почему же другіе не били, а вы? — сказалъ обвинитель.

— Неправда, всѣ били, міръ порѣшилъ убить. А я только прикончилъ. Что же понапрасну мучить.

Судей поразило въ Степанѣ выраженіе совершеннаго спокойствія, съ которымъ онъ разсказывалъ про свой поступокъ и про то, какъ били Ивана Миронова, и какъ онъ прикончилъ его.

Степанъ дѣйствительно не видѣлъ ничего страшнаго въ этомъ убійствѣ. Ему на службѣ пришлось разстрѣливать солдата, и какъ тогда, такъ и при убійствѣ Ивана Миронова, онъ не видалъ ничего страшнаго. Убили, такъ убили. Нынче его, завтра меня.

Степана приговорили легко, къ одному году тюрьмы. Одежу мужицкую съ него сняли, положили подъ номеромъ въ цейхгаузъ, а на него надѣли арестантскій халатъ и коты. . . . . .

. . . . . .

Въ острогѣ посѣщала его жена. Безъ него ей и такъ плохо было, а тутъ еще сгорѣла и совсѣмъ разорилась, стала съ дѣтьми побираться. Бѣдствія жены еще больше озлобили Степана. Онъ и въ острогѣ былъ золъ со всѣми и разъ чуть не зарубилъ топоромъ ка-

шевара, за что ему былъ прибавленъ годъ. Въ этотъ годъ онъ узналъ, что жена его померла, и что дома его нѣтъ больше...

Когда Степану вышелъ срокъ, его позвали въ цейхгаузъ, достали съ полочки его одежу, въ которой онъ пришелъ, и дали ему.

-- Куда же я пойду теперь, — сказалъ онъ, одѣваясь, капенармусу.

— Извѣстно, домой.

— Дома нѣтъ. Должно, на дорогу итти надо. Людей грабить.

— А будешь грабить, опять къ намъ попадешь.

— Ну, это какъ придется.

И Степанъ ушелъ. Направился онъ все-таки къ дому. Больше итти некуда было.

Не доходя до дома, зашелъ онъ ночевать въ знакомый постоялый дворъ съ кабакомъ. Дворъ держалъ толстый владимирскій мѣщанинъ. Онъ зналъ Степана и зналъ, что попалъ онъ въ острогъ по несчастью. И оставилъ Степана у себя ночевать.

Мѣщанинъ этотъ богатый отбилъ у сосѣдняго мужика жену и жилъ съ ней какъ съ работницей и женой.

Степанъ зналъ все это дѣло, какъ обидѣлъ мѣщанинъ мужика, какъ эта скверная бабенка ушла отъ мужа и теперь разъѣлась и потная сидѣла за чаемъ и изъ милости угостила чаемъ и Степана. Проѣзжихъ никого не было. Степана оставили ночевать на кухнѣ. Матрена убрала все и ушла въ горницу. Степанъ легъ на печку, но спать не могъ и все трещалъ по лучинамъ, которыя сохли на печкѣ. Не выходило у него изъ головы толстое брюхо мѣщанина, торчавшее изъ-подъ пояска ситцевой мытой-перемытой, слинявшей рубахи. Все ему въ голову приходило ножомъ полоснуть это брюхо, сальникъ выпустить. И бабенкѣ тоже. То онъ говорилъ себѣ: «ну, чортъ съ ними, уйду завтра»; то вспоминалъ Ивана Миронова и опять думалъ о брюхѣ мѣщанина и бѣлой, потной глоткѣ Матрены. Ужъ убить, такъ обоихъ. Пропѣлъ второй пѣтухъ. Дѣлать, такъ теперь, а то разсвѣнетъ. Ножъ онъ примѣтилъ съ вечера и топоръ. Онъ сползъ съ печи, взялъ топоръ и ножъ и вышелъ изъ кухни. Какъ разъ онъ вышелъ—и за дверью щелкнула щеколда. Мѣщанинъ вышелъ въ двери. Онъ сдѣлалъ не такъ, какъ хотѣлъ. Ножомъ не пришлось, а онъ взмахнулъ топоромъ и разсѣкъ голову. Мѣщанинъ повалился на притолоку и на землю.

Степанъ вошелъ въ горницу. Матрена вскочила и въ одной рубахѣ стояла у кровати. Степанъ тѣмъ же топоромъ убилъ ее. Потомъ зажегъ свѣчу, вынулъ деньги изъ конторки и ушелъ.

XVI.

Въ уѣздномъ городѣ, въ отдаленіи отъ другихъ строеній, жилъ въ своемъ домѣ старикъ, бывшій чиновникъ, пьяница, съ двумя дочерьми и зятемъ. Замужняя дочь тоже пила и вела дурную жизнь; старшая же, вдова Марія Семеновна, сморщенная, худая, пятидесятилѣтняя женщина, одна только содержала всѣхъ: у нея была пенсія въ 250 рублей. На эти деньги кормилась вся семья. Работала же въ домѣ только одна Марія Семеновна. Она ходила за слабымъ, пьянымъ старикомъ отцомъ и за ребенкомъ сестры, и готовила, и стирала. И, какъ это всегда бываетъ, на нее же наваливали всѣ дѣла, какія нужны были, и ее же всѣ трое и ругали и даже билъ зять въ пьяномъ видѣ. Она все переносила молча и съ кротостью, и, тоже какъ всегда бываетъ, чѣмъ больше у нея было дѣла, тѣмъ больше она успѣвала дѣлать. Она и бѣднымъ помогала, отрѣзывая отъ себя, отдавая свои одежды, и помогала ходить за больными.

Работалъ разъ у Маріи Семеновны хромой, безногій портной деревенскій. Перешивалъ онъ поддевку старику, покрывалъ сукномъ полушубокъ для Маріи Семеновны—зимой на базаръ ходить.

Хромой портной былъ человѣкъ умный и наблюдательный, по своей должности много видавшій разныхъ людей и, вслѣдствіе своей хромоты, всегда сидѣвшій и потому расположенный думать. Проживъ у Маріи Семеновны недѣлю, не могъ надивиться на ея жизнь. Одинъ разъ она пришла къ нему въ кухню, гдѣ онъ шилъ, застирать полотенца и разговорилась съ нимъ объ его житьѣ, какъ брать его обижалъ, и какъ онъ отдѣлился отъ него.

— Думалъ—лучше будетъ, а все то же, нужда.

— Лучше не мѣнять, а какъ живешь, такъ и живи, — сказала Марія Семеновна.

— Да я и то на тебя, Марія Семеновна, дивлюсь, какъ ты все одна да одна во всѣ концы на людей хлопочешь. А отъ нихъ добра, я вижу, мало.

Марія Семеновна ничего не сказала.

— Должно, ты по книгамъ дошла, что награда за это будетъ на томъ свѣтѣ.

— Про это намъ неизвѣстно, — сказала Марія Семеновна, — а только жить такъ лучше.

— А въ книгахъ это есть?

— И въ книгахъ есть, — сказала она и прочла ему нагорную проповѣдь изъ Евангелія. Портной задумался. И, когда расчитался и пошелъ къ себѣ, все думалъ о томъ, что видѣлъ у Маріи Семеновны, и что она сказала и прочла ему.

XVII.

Петръ Николаевичъ измѣнился къ народу, и народъ измѣнился къ нему. Не прошло и года, какъ они срубили двадцать семь дубовъ и сожгли не застрахованную ригу и гумно. Петръ Николаевичъ рѣшилъ, что жить съ здѣшнимъ народомъ нельзя.

Въ это же время Ливенцовы искали управляющаго на свое имѣніе, и предводитель рекомендовалъ Петра Николаевича, какъ лучшаго хозяина въ уѣздѣ. Имѣніе Ливенцовское, огромное, не давало ничего дохода, и крестьяне пользовались всѣмъ. Петръ Николаевичъ взялся привести все въ порядокъ и, отдавъ свое имѣніе въ аренду, переѣхалъ съ женой въ дальную поволжскую губернію.

Петръ Николаевичъ и всегда любилъ порядокъ и законность, а теперь тѣмъ болѣе не могъ допустить того, чтобы этотъ дикій, грубый народъ могъ бы, противно закону, завладѣть не принадлежащей имъ собственностью. Онъ былъ радъ случаю поучить ихъ и строго взялся за дѣло. Одного крестьянина онъ за покражу лѣса засудилъ въ острогъ, другого собственноручно избилъ за то, что тотъ не свернулъ съ дороги и не снялъ шапку. О лугахъ, про которые шелъ споръ и [которые] крестьяне считали своими, Петръ Николаевичъ объявилъ крестьянамъ, что, если они выпустятъ на нихъ скотину, то онъ заарестуетъ ее.

Пришла весна, и крестьяне, какъ они дѣлали это въ прежніе года, выпустили скотину на барскіе луга. Петръ Николаевичъ собралъ всѣхъ работниковъ и велѣлъ загнать скотину на барскій дворъ. Мужики были на пахотѣ, и потому работники, несмотря на крики бабъ, загнали скотину. Вернувшись съ работы, мужики, собравшись, пришли на барскій дворъ требовать скотину. Петръ

Николаевичъ вышелъ къ нимъ съ ружьемъ за плечами (онъ только что вернулся съ объѣзда) и объявилъ имъ, что скотину онъ отдастъ не иначе, какъ по уплатѣ пятидесяти копеекъ съ рогатой и десяти съ овцы. Мужики стали кричать, что луга ихніе, что ихъ и отцы и дѣды ими владали, и что нѣтъ такихъ правовъ забирать чужую скотину.

— Отдай скотину, не то худо будетъ, — сказалъ одинъ старикъ, наступая на Петра Николаевича.

— Что худо будетъ? — весь блѣдный, подступая къ старику, закричалъ Петръ Николаевичъ.

— Отъ грѣха отдай, шаромыжникъ.

— Что? — крикнулъ Петръ Николаевичъ и ударилъ въ лицо старика.

— Ты драться не смѣешь. Ребята, бери силомъ скотину.

Толпа надвинулась. Петръ Николаевичъ хотѣлъ уйти, но его не пускали. Онъ сталъ пробиваться. Ружье выстрѣлило и убило одного изъ крестьянъ. Сдѣлалась крутая свалка. Петра Николаевича смяли. И черезъ пять минутъ изуродованное тѣло его стащили въ оврагъ.

Надъ убійцами назначили военный судъ, и двоихъ приговорили къ повѣшенію.

XVIII.

Въ селѣ, изъ котораго былъ портной, пять богатыхъ крестьянъ снимали у помѣщика за 1.100 рублей 105 десятинъ пахотной, черной, какъ деготь, жирной земли и раздавали ее мужичкамъ же, кому по 18, кому по 15 рублей. Ни одна земля не шла ниже 12. Такъ что барышъ былъ хорошій. Сами покупщики брали себѣ по пяти десятинъ, и земля эта приходилась имъ даромъ. Умеръ у этихъ мужиковъ товарищъ, и предложили они хромому портному итти къ нимъ въ товарищи.

Когда стали наемщики дѣлить землю, портной не сталъ пить водку, и, когда рѣчь зашла о томъ, кому сколько земли дать, портной сказалъ, что обложить всѣхъ надо поровну, что не надо брать лишняго съ наемщиковъ, а сколько придется.

— Какъ такъ?

— Да али мы нехристи. Вѣдь это хорошо господамъ, а мы христіане. По-Божьему надо. Такой законъ Христовъ.

— Гдѣ же законъ такой?

— А въ книгѣ. Въ Евангеліи. Вотъ приходи воскресенье, я почитаю и потолкуемъ.

И [въ] воскресенье пришли не всѣ, но трое къ портному, и сталъ онъ имъ читать.

Прочелъ пять главъ Матѳея, стали толковать. Всѣ слушали, но принялъ только одинъ Иванъ Чуевъ. И такъ принялъ, что сталъ во всемъ жить по-Божьему. И въ семьѣ его такъ жить стали. Отъ земли лишней отказался, только свою долю взялъ.

И стали къ портному и къ Ивану ходить, и стали понимать, и поняли, и бросили курить, пить, ругаться скверными словами, стали другъ другу помогать . . . . . .
И стало такихъ дворовъ семнадцать. Всѣхъ шестьдесятъ пять душъ. И испугался священникъ и донесъ архіерею. Архіерей подумалъ, какъ быть, и рѣшилъ послать въ село архимандрита Мисаила, бывшаго законоучителемъ въ гимназіи.

XIX.

Архіерей посадилъ Мисаила съ собою и сталъ говорить о томъ, какія новости проявились въ его епархіи.

— Все отъ слабости духовной и отъ невѣжества. Ты человѣкъ ученый, я на тебя надѣюсь. Поѣзжай, созови и при народѣ разъясни.

— Если владыка благословитъ, буду стараться, — сказалъ отецъ Мисаилъ. Онъ былъ радъ этому порученію. Все, гдѣ онъ могъ показать, что онъ вѣритъ, радовало его. А обращая другихъ, онъ сильнѣе всего убѣждалъ себя, что онъ вѣритъ

— Постарайся, очень я страдаю за свою паству, — сказалъ архіерей, неторопливо принимая бѣлыми, пухлыми руками стаканъ чаю, который подавалъ ему служка

— Что же одно варенье, принеси другого, — обратился онъ къ служкѣ. — Очень, очень мнѣ больно, — продолжалъ онъ рѣчь къ Мисаилу.

Мисаилъ былъ радъ себя заявить. Но, какъ человѣкъ небогатый, попросилъ денегъ на расходы поѣздки и, опасаясь противодѣйствія грубаго народа, попросилъ еще распоряженія губернатора о томъ, чтобы мѣстная полиція, въ случаѣ надобности, оказывала ему содѣйствіе.

Архіерей все устроилъ ему, и Мисаилъ, собравши, съ помощью своего служки и кухарки, погребецъ и провизію, которою нужно было запастись, отправляясь въ глухое мѣсто, поѣхалъ къ мѣсту назначенія. Отправляясь въ эту командировку, Мисаилъ испытывалъ пріятное чувство сознанія важности своего служенія и притомъ прекращенія всякихъ сомнѣній въ своей вѣрѣ, а напротивъ, совершенную увѣренность въ истинности ея.

Мысли его были направлены не на сущность вѣры — она признавалась аксіомой, — а на опроверженіе тѣхъ возраженій, которыя дѣлались по отношенію ея внѣшнихъ формъ.

XX.

Священникъ села и попадья приняли Мисаила съ большимъ почетомъ и на другой день его пріѣзда собрали народъ въ церкви. Мисаилъ въ новой шелковой рясѣ, съ крестомъ наперснымъ и расчесанными волосами, вошелъ на амвонъ, рядомъ съ нимъ сталъ священникъ, поодаль дьячки, пѣвчіе, а у боковыхъ дверей полицейскіе. Пришли и сектанты въ засаленныхъ, корявыхъ полушубкахъ.

Послѣ молебна Мисаилъ прочелъ проповѣдь, увѣщевая отпадшихъ вернуться на лоно матери церкви, угрожая муками ада и обѣщая полное прощеніе покаявшимся.

Сектанты молчали. Когда ихъ стали спрашивать, они отвѣчали.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Чуева судили, и за совращеніе и за богохульство приговорили къ ссылкѣ.

Отцу же Мисаилу дали награду [1]).

XXI.

Два года тому назадъ изъ земли Войска Донского пріѣхала въ Петербургъ на курсы здоровая, восточнаго типа, красивая дѣвушка Турчанинова. Дѣвушка эта встрѣтилась въ Петербургѣ съ студентомъ Тюринымъ, сыномъ земскаго начальника Симбирской гу-

---

[1]) См. примѣчаніе 2-е.

берніи, и полюбила его, но полюбила она не обыкновенной женской любовью съ желаніемъ стать его женой и матерью его дѣтей, а товарищеской любовью, питавшейся преимущественно одинаковымъ возмущеніемъ и ненавистью не только къ существующему строю, но и къ людямъ, бывшимъ его представителями, и [сознаніемъ] своего умственнаго, образовательнаго и нравственнаго превосходства надъ ними.

Она была способна учиться и легко запоминала лекціи и сдавала экзамены и, кромѣ того, поглощала новѣйшія книги въ огромномъ количествѣ. Она была увѣрена, что призваніе ея не въ томъ, чтобы рожать и воспитывать дѣтей,—она даже съ гадливостью и презрѣніемъ смотрѣла на такое призваніе, — а въ томъ, чтобы разрушить существующій строй, сковывающій лучшія силы народа, и указать людямъ тотъ новый путь жизни, который ей указывался европейскими новѣйшими писателями. Полная, бѣлая, румяная, красивая, съ блестящими черными глазами и большой черной косой, она вызывала въ мужчинахъ чувства, которыхъ она не хотѣла, да и не могла раздѣлять, — такъ она была вся поглощена своей агитаціонной, разговорной дѣятельностью. Но ей все-таки было пріятно, что она вызывала эти чувства, и потому она хоть и не наряжалась, не пренебрегала своей наружностью. Ей пріятно было, что она нравится, а на дѣлѣ можетъ показать, какъ она презираетъ то, что такъ цѣнится другими женщинами. Въ своихъ взглядахъ на средства борьбы съ существующимъ порядкомъ [она] шла дальше большинства своихъ товарищей и своего друга Тюрина и допускала, что въ борьбѣ хороши и могутъ быть употребляемы всѣ средства, до убійства включительно. А между тѣмъ, эта самая революціонерка Катя Турчанинова была въ душѣ очень добрая и самоотверженная женщина, всегда непосредственно предпочитавшая чужую выгоду, удовольствіе, благосостояніе своей выгодѣ, удовольствію, благосостоянію и всегда истинно радовавшаяся возможности дѣлать кому-нибудь—ребенку, старику, животному—пріятное.

Лѣто Турчанинова проводила въ приволжскомъ уѣздномъ городѣ, у товарки своей, сельской учительницы. Въ этомъ же уѣздѣ у отца жилъ и Тюринъ. Всѣ трое, вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачомъ, часто видались, обмѣнивались книгами, спорили и возмущались. Имѣніе Тюриныхъ было рядомъ съ тѣмъ имѣніемъ

Ливенцовыхъ, куда управляющимъ поступилъ Петръ Николаевичъ. Какъ скоро пріѣхалъ Петръ Николаевичъ и взялся за порядки, молодой Тюринъ, видя въ ливенцовскихъ крестьянахъ самостоятельный духъ и твердое намѣреніе отстаивать свои права, заинтересовался ими и часто ходилъ въ село и разговаривалъ съ крестьянами, развивая среди нихъ теорію соціализма вообще и въ частности націонализаціи земли.

Когда случилось убійство Петра Николаевича, и наѣхалъ судъ, кружокъ революціонеровъ уѣзднаго города имѣлъ сильный поводъ для возмущенія судомъ и смѣло высказывался. То, что Тюринъ ходилъ въ село и говорилъ съ крестьянами, было выяснено на судѣ. У Тюрина сдѣлали обыскъ, нашли нѣсколько революціонныхъ брошюръ, и студента арестовали и свезли въ Петербургъ.

Турчанинова уѣхала за нимъ и пошла въ тюрьму для свиданія, но ее не пустили въ обыкновенный день, а допустили только въ день общихъ свиданій, и [1]) она видѣлась съ Тюринымъ черезъ двѣ рѣшетки. Свиданіе это еще усилило ея возмущеніе. Довело же до крайняго предѣла ея возмущеніе ея объясненіе съ красавцемъ жандармскимъ офицеромъ, который, очевидно, готовъ былъ на снисхожденіе въ случаѣ ея принятія его предложеній. Это довело ее до послѣдней степени негодованія и злобы противъ всѣхъ начальствующихъ лицъ. Она пошла къ начальнику полиціи. Начальникъ полиціи сказалъ ей то же, что говорилъ и жандармскій, что они ничего не могутъ, что на это есть распоряженіе министра. Она подала докладную записку министру, прося свиданія; ей отказали. Тогда она рѣшилась на отчаянный поступокъ и купила револьверъ.

XXII.

Министръ принималъ въ свой обыкновенный часъ. Онъ обошелъ трехъ просителей и подошелъ къ черноглазой, красивой, молодой женщинѣ въ черномъ, стоявшей съ бумагой въ лѣвой рукѣ. Ласково-похотливый огонекъ загорѣлся въ глазахъ министра при видѣ красивой просительницы, но, вспомнивъ свое положеніе, министръ сдѣлалъ серьезное лицо.

---

[1]) См. примѣчаніе 3-е.

— Что вамъ угодно? — сказалъ онъ, подойдя къ ней.

Она не отвѣчая, быстро вынула изъ-подъ пелеринки руку съ револьверомъ и, уставивъ его въ грудь министра, выстрѣлила, но промахнулась.

Министръ хотѣлъ схватить ея руку, она отшатнулась и выстрѣлила другой разъ. Министръ бросился бѣжать. Ее схватили. Она дрожала и не могла говорить. И вдругъ расхохоталась истерически. Министръ не былъ даже раненъ.

Это была Турчанинова. Ее посадили въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Министръ же, получивъ поздравленія и соболѣзнованія отъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ и даже самого государя, назначилъ комиссію [для] изслѣдованія того заговора, послѣдствіемъ котораго было это покушеніе.

Заговора, разумѣется, никакого не было, но чины тайной и явной полиціи принялись за разыскиваніе всѣхъ нитей несуществовавшаго заговора и добросовѣстно заслуживали свое жалованіе и содержаніе: вставая рано утромъ, въ темнотѣ, дѣлали обыскъ за обыскомъ, переписывали бумаги, книги, читали дневники, частныя письма, дѣлали изъ нихъ на прекрасной бумагѣ прекраснымъ почеркомъ экстракты и много разъ допрашивали Турчанинову и дѣлали ей очныя ставки, желая вывѣдать у нея имена ея сообщниковъ.

Министръ былъ по душѣ добрый человѣкъ и очень жалѣлъ эту здоровую, красивую казачку, но онъ говорилъ себѣ, что на немъ лежатъ тяжелыя государственныя обязанности, которыя онъ исполняетъ, какъ онѣ ни трудны ему. И когда его бывшій товарищъ, камергеръ, знакомый Тюриныхъ, встрѣтился съ нимъ на придворномъ балѣ и сталъ просить его за Тюрина и Турчанинову, министръ пожалъ плечами, такъ что сморщилась красная лента на бѣломъ жилетѣ, и сказалъ:

— Je ne demanderais pas mieux que de lâcher cette pauvre fillette, mais vous savez — le devoir. [1])

А Турчанинова, между тѣмъ, сидѣла въ Домѣ Предварительнаго Заключенія и иногда спокойно перестукивалась съ товарищами и читала книги, которыя ей давали, иногда же вдругъ впадала въ отчаяніе и бѣшенство, билась о стѣны, визжала и хохотала.

---

[1]) Я очень радъ былъ бы отпустить эту бѣдную дѣвочку, но вы знаете—долгъ.

XXIII.

Получила разъ Марія Семеновна въ казначействѣ свою пенсію и, возвращаясь назадъ, встрѣтила знакомаго учителя.

— Что, Марія Семеновна, казну получили? — прокричалъ онъ ей съ другой стороны улицы.

— Получила, — отвѣтила Марія Семеновна, — только дыры заткнуть.

— Ну, денегъ много, и дыры заткнете, останется, — сказалъ учитель и, прощаясь, прошелъ.

— Прощайте,—сказала Марія Семеновна и, глядя на учителя, совсѣмъ столкнулась съ высокимъ человѣкомъ съ очень длинными руками и строгимъ лицомъ.

Но, подходя къ дому, она удивилась, увидавъ опять этого же длиннорукаго человѣка. Увидавъ, какъ она вошла въ домъ, онъ постоялъ, повернулся и ушелъ.

Маріи Семеновнѣ стало сначала жутко, потомъ грустно. Но, когда она вошла въ домъ и раздала гостинцы и старику и маленькому золотушному племяннику Федѣ и приласкала визжавшую отъ радости Трезорку, ей опять стало хорошо, и она, отдавъ деньги отцу, взялась за работу, которая никогда не переводилась у нея

Человѣкъ, съ которымъ она столкнулась, былъ Степанъ.

Изъ постоялаго двора, гдѣ Степанъ убилъ дворника, онъ не пошелъ въ городъ. И, удивительное дѣло, воспоминаніе объ убійствѣ дворника не только не было ему непріятно, но онъ по нѣскольку разъ въ день вспоминалъ его. Ему было пріятно думать, что онъ можетъ сдѣлать это такъ чисто и ловко, что никто не узнаетъ и не помѣшаетъ дѣлать это и дальше и надъ другими. Сидя въ трактирѣ за чаемъ и водкой, онъ приглядывался къ людямъ все съ той же стороны: какъ можно убить ихъ. Ночевать онъ зашелъ къ земляку, ломовому извозчику. Извозчика дома не было. Онъ сказалъ, что подождетъ, и сидѣлъ, разговаривая съ бабой. Потомъ, когда она повернулась къ печи, ему пришло въ голову убить ее. Онъ удивился, покачалъ на себя головой, потомъ досталъ изъ голенища ножъ и, поваливъ ее, перерѣзалъ ей горло. Дѣти стали кричать, онъ убилъ и ихъ и ушелъ, не ночуя, изъ города. За городомъ, въ деревнѣ, онъ вошелъ въ трактиръ и тамъ выспался.

На другой день онъ пришелъ опять въ уѣздный городъ и на улицѣ слышалъ разговоръ Маріи Семеновны съ учителемъ. Ея взглядъ испугалъ его, но все-таки онъ рѣшилъ забраться въ ея домъ и взять тѣ деньги, которыя она получила. Ночью онъ взломалъ замокъ и вошелъ въ горницу. Первая услыхала его меньшая, замужняя дочь. Она закричала. Степанъ тотчасъ же зарѣзалъ ее. Зять проснулся и сцѣпился съ нимъ. Онъ ухватилъ Степана за горло и долго боролся съ нимъ, но Степанъ былъ сильнѣе. И, покончивъ съ зятемъ, Степанъ взволнованный, возбужденный борьбой, пошелъ за перегородку. За перегородкой лежала въ постели Марія Семеновна и, поднявшись, смотрѣла на Степана испуганными, кроткими глазами и крестилась. Взглядъ ея опять испугалъ Степана. Онъ опустилъ глаза.

— Гдѣ деньги? — сказалъ онъ, не поднимая глазъ.

Она молчала.

— Гдѣ деньги? — сказалъ Степанъ, показывая ножъ.

— Что ты, развѣ можно? — сказала она.

— Стало-быть, можно.

Степанъ подошелъ къ ней, готовясь ухватить ее за руки, чтобы она не мѣшала ему, но она не подняла рукъ, не противилась и только прижала ихъ къ груди и тяжело вздохнула и повторила:

— Охъ, великій грѣхъ. Что ты, пожалѣй себя. Чужія души, а пуще свою губишь. О-охъ! — вскрикнула она.

Степанъ не могъ больше переносить ея голоса и взгляда и полоснулъ ее ножомъ по горлу. — «Разговаривать съ вами». — Она опустилась на подушку и захрипѣла, обливая подушку кровью. Онъ отвернулся и пошелъ по горницамъ, собирая вещи. Обобравъ, что нужно было, Степанъ закурилъ папироску, посидѣлъ, почистилъ свою одежу и вышелъ. Онъ думалъ, что и это убійство сойдетъ ему, какъ прежнія, но, не дойдя до ночлега, вдругъ почувствовалъ такую усталость, что не могъ двинуть ни однимъ членомъ. Онъ легъ въ канаву и пролежалъ въ ней остатокъ ночи, весь день и слѣдующую ночь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Лежа въ канавѣ, Степанъ не переставая видѣлъ передъ собою кроткое, худое, испуганное лицо Маріи Семеновны и слышалъ ея голосъ. «Развѣ можно», говорилъ ея особенный, шепелявящій голосъ. И Степанъ опять переживалъ все то, что онъ сдѣлалъ съ ней. И ему становилось страшно, и онъ закрывалъ глаза и моталъ своей волосатой головой, чтобы вытряхнуть изъ нея эти мысли и воспоминанія. И на минутку онъ освобождался отъ воспоминаній, но на мѣсто ихъ являлся ему сначала одинъ, другой черный, и за другимъ шли еще другіе черные съ красными глазами и дѣлали рожи, и всѣ говорили одно: съ ней покончилъ — и себя покончи, а то не дадимъ покоя. Онъ открывалъ глаза и опять видѣлъ ее и слышалъ ея голосъ, и ему становилось жалко ее и гадко и страшно на себя. И онъ опять закрывалъ глаза, и опять черные.

Къ вечеру другого дня онъ поднялся и пошелъ въ кабакъ. Насилу добрелъ до кабака и сталъ пить. Но сколько ни пилъ, хмель не бралъ его. Онъ молча сидѣлъ за столомъ и пилъ стаканъ за стаканомъ. Въ кабакъ пришелъ урядникъ.

— Ты чей будешь? — спросилъ его урядникъ.

— А тотъ самый, я вчерась у Добротворова всѣхъ перерѣзалъ.

Его связали и, продержавъ день при становой квартирѣ, отправили въ губернскій городъ. Смотритель тюрьмы, узнавъ въ немъ прежняго своего арестанта буяна и теперь великаго злодѣя, строго принялъ его.

— Смотри, у меня не шалить, — нахмуривъ брови и выставивъ нижнюю челюсть, прохрипѣлъ смотритель. — Если только замѣчу что — запорю. Отъ меня не убѣжишь.

— Что мнѣ бѣгать, — отвѣчалъ Степанъ, опустивъ глаза, — я самъ въ руки отдался.

— Ну, со мной не разговаривать. А когда начальство говоритъ, смотри въ глаза, — крикнулъ смотритель и ударилъ его кулакомъ подъ челюсть.

Степану въ это время опять представилась она и слышался ея голосъ. Онъ не слыхалъ того, что говорилъ ему смотритель.

— Чаво? — спросилъ онъ, опомнившись, когда почувствовалъ ударъ по лицу.

— Ну, ну, маршъ, нечего прикидываться.

Смотритель ждалъ буйства, переговоровъ съ другими арестантами, попытокъ къ бѣгству. Но ничего этого не было. Когда ни заглядывалъ въ дырку его двери вахтеръ или самъ смотритель, Степанъ сидѣлъ на набитомъ соломой мѣшкѣ, подперевъ голову руками, и все что-то шепталъ про себя. На допросахъ слѣдователя онъ тоже былъ не похожъ на другихъ арестантовъ: онъ былъ разсѣянъ, не слушалъ вопросовъ, когда же понималъ ихъ, то былъ такъ правдивъ, что слѣдователь, привыкшій къ тому, чтобы бороться ловкостью и хитростью съ подсудимыми, здѣсь испытывалъ чувство подобное тому, которое испытываешь, когда поднимаешь ногу на ступень, которой нѣтъ. Степанъ разсказывалъ про всѣ свои убійства, нахмуривъ брови и устремивъ глаза въ одну точку, самымъ простымъ, дѣловитымъ тономъ, стараясь вспомнить всѣ подробности: «вышелъ онъ, — разсказывалъ Степанъ про первое убійство, — босой, сталъ въ дверяхъ, я его, значитъ, долбанулъ разъ, онъ и захрипѣлъ, я тогда сейчасъ взялся за бабу» и т. п. При обходѣ прокуроромъ камеръ острога, у Степана спросили, не имѣетъ ли онъ жалобъ, и не нужно ли чего, и онъ отвѣчалъ, что ему ничего не нужно,и что его не обижаютъ. Прокуроръ, пройдя нѣсколько шаговъ по вонючему коридору, остановился и спросилъ у сопутствующаго ему смотрителя, какъ себя ведетъ этотъ арестантъ.

— Не надивлюсь на него, — отвѣчалъ смотритель, довольный тѣмъ, что Степанъ похвалилъ обращеніе съ нимъ. — Второй мѣсяцъ онъ у насъ, и примѣрнаго поведенія. Только боюсь, не задумываетъ ли чего. Человѣкъ отважный и силы непомѣрной.

II.

Первый мѣсяцъ тюрьмы Степанъ не переставая мучился все тѣмъ же: онъ видѣлъ сѣрую стѣну своей камеры, слышалъ звуки острога, гулъ подъ собой въ общей камерѣ, шаги часового по коридору, стукъ часовъ и вмѣстѣ съ [тѣмъ] видѣлъ ее съ ея кроткимъ взглядомъ, который побѣдилъ его еще при встрѣчѣ на улицѣ, и худой, морщинистой шеей, которую онъ перерѣзалъ, и слышалъ ея умильный, жалостный, шепелявый голосъ: «Чужія души и свою губишь. Развѣ это можно?» Потомъ голосъ затихалъ, и являлись черные. И являлись все равно, закрыты или открыты были глаза. При закрытыхъ глазахъ они являлись явственнѣе. Когда Степанъ открывалъ глаза, они смѣшивались съ дверями, стѣнами и понемногу пропадали, но потомъ опять выступали и шли съ трехъ сторонъ, дѣлая рожи и приговаривая: покончи, покончи. Петлю можно сдѣлать, зажечь можно. И тутъ Степана прохватывала дрожь, и онъ начиналъ читать молитвы, какія зналъ: Богородицу, Вотче, и сначала какъ будто помогало. Читая молитвы, онъ начиналъ вспоминать свою жизнь: вспоминалъ отца, мать, деревню, Волчка собаку, дѣда на печкѣ, скамейки, на которыхъ катался съ ребятами, потомъ вспоминалъ дѣвокъ съ ихъ пѣснями, потомъ лошадей, какъ ихъ увели и какъ поймали конокрада, какъ онъ камнемъ добилъ его. И вспоминался первый острогъ, и какъ онъ вышелъ, и вспоминалъ толстаго дворника, жену извозчика, дѣтей и потомъ опять вспоминалъ ее. И ему становилось жутко, и онъ, спустивъ съ плечъ халатъ, вскакивалъ съ наръ и начиналъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, скорыми шагами ходить взадъ и впередъ по короткой камерѣ, быстро поворачиваясь у запотѣлыхъ, сырыхъ стѣнъ. И онъ опять читалъ молитвы, но молитвы уже не помогали.

Въ одинъ изъ длинныхъ осеннихъ вечеровъ, когда въ трубахъ свистѣлъ и гудѣлъ вѣтеръ, онъ, набѣгавшись по камерѣ, сѣлъ на койку и почувствовалъ, что бороться больше нельзя, что черные одолѣли, и онъ покорился имъ. Онъ давно уже приглядывался къ отдушнику печи. Если обхватить его тонкими бечевками или тонкими лентами полотна, то не соскользнетъ. Но надо было это умно устроить. И онъ взялся за дѣло и два дня готовилъ полотняныя ленты

изъ мѣшка, на которомъ спалъ (когда входилъ вахтеръ, онъ накрывалъ койку халатомъ). Ленты онъ связывалъ узлами и дѣлалъ ихъ двойными, чтобы онѣ не оборвались, а сдержали тѣло. Пока онъ готовилъ все это, онъ не мучился. Когда все было готово, онъ сдѣлалъ мертвую петлю, надѣлъ ее на шею, влѣзъ на кровать и повѣсился. Но только что сталъ высовываться у него языкъ, какъ ленты оборвались, и онъ упалъ. На шумъ вошелъ вахтеръ. Позвали фельдшера, и свели его въ больницу. На другой день онъ совсѣмъ оправился, и его взяли изъ больницы и помѣстили уже не въ отдѣльную, а въ общую камеру.

Въ общей камерѣ онъ жилъ среди двадцати человѣкъ, какъ будто былъ одинъ, никого не видѣлъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и все такъ же мучился. Особенно тяжело ему было, когда всѣ спали, а онъ не спалъ и попрежнему видѣлъ ее, слышалъ ея голосъ, потомъ опять являлись черные съ своими страшными глазами и дразнили его.

Опять, какъ прежде, онъ читалъ молитвы и, какъ прежде, онѣ не помогали.

Одинъ разъ, когда, послѣ молитвы, она опять явилась ему, онъ сталъ молиться ей, ея душенькѣ, о томъ, чтобъ она отпустила, простила его. И когда онъ къ утру повалился на примятый мѣшокъ, онъ крѣпко заснулъ, и во снѣ она, съ своей худой, сморщенной, перерѣзанной шеей пришла къ нему.

— Что жъ, простишь?

Она посмотрѣла на него кроткими глазами и ничего не сказала.

— Простишь?

И такъ до трехъ разъ онъ спросилъ ее. Но она все-таки ничего не сказала, и онъ проснулся. Съ тѣхъ поръ ему легче стало, и онъ какъ бы очнулся, оглянулся вокругъ себя и въ первый разъ сталъ сближаться и говорить съ своими товарищами по камерѣ.

III.

Въ одной камерѣ съ Степаномъ сидѣлъ Василій, опять попавшійся въ воровствѣ и приговоренный къ ссылкѣ, и Чуевъ, тоже приговоренный на поселеніе. Василій все время или пѣлъ пѣсни своимъ прекраснымъ голосомъ, или разсказывалъ товари-

щамъ свои похожденія. Чуевъ же или работалъ, что-нибудь шилъ изъ платья или бѣлья, или читалъ Евангеліе и Псалтырь.

На вопросъ Степана о томъ, за что его ссылали, Чуевъ объяснилъ ему . . . . . .
Когда же Степанъ спросилъ Чуева, въ чемъ евангельскій законъ, Чуевъ разъяснилъ ему. . . . . .
И разсказалъ, какъ онъ эту настоящую вѣру отъ безногаго портного узналъ на дѣлежкѣ земли.

— Ну, а за дурныя дѣла что будетъ? — спросилъ Степанъ.

— Все сказано.

И Чуевъ прочелъ ему:

«Когда же пріидетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Своей и всѣ святые ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ Славы Своей, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ, и поставитъ овецъ по правую сторону Свою, а козловъ — по лѣвую. Тогда скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: «Пріидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра: ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня, былъ нагъ, и вы одѣли Меня, былъ боленъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ». Тогда праведники скажутъ Ему въ отвѣтъ: «Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ и накормили, или жаждущимъ и напоили? когда мы видѣли Тебя странникомъ и приняли, или нагимъ и одѣли? когда мы видѣли Тебя больнымъ или въ темницѣ и пришли къ Тебѣ?» И Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: «Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ». Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: «Идите отъ Меня, проклятые, въ огнь вѣчный, уготованный дьяволу и ангеламъ его: ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня». Тогда и они скажутъ Ему въ отвѣтъ: «Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ, или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ, и не послужили Тебѣ?» Тогда скажетъ имъ въ отвѣтъ: «Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ». И пойдутъ

сіи въ муку вѣчную, а праведники — въ жизнь вѣчную». (Матѳ. XXV, 31—46).

Василій, присѣвшій на полу противъ Чуева и слушавшій чтеніе, одобрительно кивнулъ своей красивой головой.

— Вѣрно, — рѣшительно проговорилъ онъ, — идите, молъ, проклятые, въ муку вѣчную, никого не кормили, а сами жрали. Такъ имъ и надо. Ну-ка дай, я почитаю,—прибавилъ онъ, желая похвастаться своимъ чтеніемъ.

— Ну, а прощенія развѣ не будетъ? — спросилъ Степанъ, молча, опустивъ свою мохнатую голову, слушавшій чтеніе.

— Погоди, помолчи,—сказалъ Чуевъ Василію, который все приговаривалъ о томъ, какъ богатые ни странника не накормили ни въ темницѣ не посѣтили. — Погоди, что ль, — повторилъ Чуевъ, перелистывая Евангеліе. Найдя то, что искалъ, Чуевъ расправилъ большой, побѣлѣвшей въ острогѣ, сильной рукой листы.

«И вели съ нимъ, съ Христомъ, значитъ, — началъ Чуевъ, — на смерть и двухъ злодѣевъ. И, когда пришли на мѣсто, называемое лобное, тамъ распяли Его и злодѣевъ, одного по правую, а другого по лѣвую сторону.

«Іисусъ же говорилъ: «Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ»... И стоялъ народъ и смотрѣлъ. Насмѣхались же вмѣстѣ съ ними и начальники, говоря: «Другихъ спасалъ, пусть спасетъ Себя Самого, если Онъ Христосъ, избранникъ Божій». Такъ же и воины ругались надъ нимъ, подходя и поднося Ему уксусъ и говоря: «Если Ты царь Іудейскій, спаси Себя Самого». И была надъ Нимъ надпись, надписанная словами греческими, римскими и еврейскими: «Сей есть царь іудейскій». Одинъ изъ повѣшенныхъ злодѣевъ злословилъ Его и говорилъ: «Если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ». Другой же, напротивъ, унималъ его и говорилъ: «Или ты не боишься Бога, когда и самъ осужденъ на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли; а Онъ ничего худого не сдѣлалъ». И сказалъ Іисусу: «Помяни меня, Господи, когда пріидешь во царствіе Твое». И сказалъ ему Іисусъ: «Истинно говорю тебѣ: нынѣ же будешь со мной въ раю». (Луки, XXIII, 32 — 43).

Степанъ ничего не сказалъ и сидѣлъ задумавшись, какъ будто слушая, но онъ ничего уже не слыхалъ изъ того, что дальше читалъ Чуевъ.

«Такъ вотъ она въ чемъ, истинная вѣра», думалъ онъ. «Спасутся только тѣ, кто кормилъ, поилъ бѣдныхъ, посѣщалъ заключенныхъ, а въ адъ пойдутъ, кто не дѣлалъ этого. А все-таки разбойникъ только на крестѣ покаялся, а и то пошелъ въ рай». Онъ не видѣлъ тутъ никакого противорѣчія, а напротивъ, одно подтверждало другое: что милостивые пойдутъ въ рай, а немилостивые— въ адъ, значило то, что всѣмъ надо быть милостивыми, а что разбойника Христосъ простилъ, значитъ, что и Христосъ былъ милостивъ. Все это было совершенно ново для Степана, онъ только удивлялся, зачѣмъ это до сихъ поръ было скрыто отъ него. И онъ все свободное время проводилъ съ Чуевымъ, спрашивая и слушая. И слушая, онъ понималъ. Ему открылся общій смыслъ всего ученія въ томъ, что люди — братья, и что имъ надо любить и жалѣть другъ друга, и тогда всѣмъ хорошо будетъ. И когда онъ слушалъ, то воспринималъ, какъ что-то забытое и знакомое, все, что подтверждало общій смыслъ этого ученія, и пропускалъ мимо ушей то, что не подтверждало его, приписывая это своему непониманію.

И съ этого времени Степанъ сталъ другимъ человѣкомъ.

IV.

Степанъ Пелагеюшкинъ и прежде былъ смиренъ, но въ послѣднее время онъ поражалъ и смотрителя, и вахтеровъ, и товарищей происшедшей въ немъ перемѣной. Онъ безъ приказанія, внѣ очереди, совершалъ всѣ самыя тяжелыя работы, въ томъ числѣ и очищеніе параши. Но, несмотря на эту свою покорность, сотоварищи уважали и боялись его, зная его твердость и большую физическую силу, особенно послѣ случая съ двумя бродягами, которые напали на него, но отъ которыхъ онъ отбился, сломавъ одному изъ нихъ руку. Бродяги эти взялись обыгрывать молодого, богатенькаго арестанта и отобрали у него все, что у него было. Степанъ вступился за него и отнялъ у нихъ выигранныя деньги. Бродяги стали его ругать, потомъ бить, но онъ осилилъ ихъ обоихъ. Когда же смотритель дознавался, въ чемъ ссора, бродяги объявили, что Пелагеюшкинъ сталъ бить ихъ. Степанъ не оправдывался и покорно принялъ наказаніе, состоящее въ трехдневномъ карцерѣ и въ перемѣщеніи въ одиночную камеру.

Одиночная камера была для него тяжела тѣмъ, что разлучала его съ Чуевымъ и Евангеліемъ, и, кромѣ того, онъ боялся, что возвратятся опять видѣнія ея и черныхъ. Но видѣній не было. Вся душа его была полна новымъ, радостнымъ содержаніемъ. Онъ былъ бы радъ своему уединенію, если бы онъ могъ читать и у него было бы Евангеліе. Евангеліе дали бы ему, но читать онъ не могъ.

Мальчикомъ онъ началъ учиться грамотѣ по-старинному: азъ, буки, вѣди, но не пошелъ по непонятливости дальше азбуки и никакъ не могъ тогда понять складовъ, и такъ и остался безграмотнымъ. Теперь же онъ рѣшилъ выучиться и попросилъ у вахтера Евангеліе. Вахтеръ принесъ ему, и онъ взялся за работу. Буквы онъ узнавалъ, но сложить ничего не могъ. Сколько онъ ни бился, чтобы понять, какъ изъ буквъ складываются слова, ничего не выходило. Онъ ночи не спалъ, все думалъ, ѣсть не хотѣлось, и отъ тоски на него такая вошь [напала], что онъ не могъ отгрестись отъ нея.

— Что же, все не дошелъ? — спросилъ его разъ вахтеръ.

— Нѣтъ.

— Да ты Отче знаешь?

— Знаю.

— Знаешь, ну вотъ читай ее, вотъ она, — и вахтеръ показалъ ему Отче нашъ въ Евангеліи.

Степанъ сталъ читать Отче, сличая знакомыя буквы съ знакомыми звуками. И вдругъ ему открылась тайна сложенія буквъ, и онъ сталъ читать. Это была большая радость. И съ тѣхъ поръ онъ сталъ читать, и выдѣлявшійся понемногу смыслъ изъ трудно составляемыхъ словъ получалъ еще большее значеніе.

Одиночество теперь уже не тяготило, но радовало Степана. Онъ былъ весь полонъ своимъ дѣломъ и не обрадовался, когда его для того, чтобы освободить камеры для вновь прибывшихъ политическихъ, перевели опять въ общую камеру.

V.

Теперь уже не Чуевъ, а Степанъ часто въ камерѣ читалъ Евангеліе, и одни арестанты пѣли похабныя пѣсни, другіе слушали его чтеніе и его разговоры о прочитанномъ. Такъ слушали его молча и внимательно всегда двое: каторжникъ, убійца, палачъ Махоркинъ

и Василій, который опять попался въ воровствѣ и, ожидая суда, сидѣлъ въ томъ же острогѣ. Махоркинъ два раза во время своего содержанія въ тюрьмѣ исполнялъ свои обязанности, оба раза въ отъѣздѣ, такъ какъ не находилось людей, которые бы исполняли то, что присуживали судьи. Крестьяне, убившіе Петра Николаевича, были судимы военнымъ судомъ, и два изъ нихъ были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Махоркина потребовали въ Симбирскъ [1]) для исполненія его обязанности. Въ прежнее время онъ въ этихъ случаяхъ тотчасъ же писалъ—онъ былъ хорошо грамотенъ—бумагу губернатору, въ которой объяснялъ, что онъ командированъ для исполненія своихъ обязанностей въ Симбирскъ и потому просилъ начальника губерніи о назначеніи ему причитающихся суточныхъ кормовыхъ денегъ; теперь же онъ, къ удивленію начальника тюрьмы, объявилъ, что онъ не поѣдетъ и не будетъ исполнять больше обязанности палача.

— А плети забылъ? — крикнулъ начальникъ тюрьмы.

— Что же, плети, такъ плети, а убивать закона нѣтъ.

— Что же это ты, отъ Пелагеюшкина набрался? Нашелся пророкъ острожный. Погоди же ты!

VI.

Между тѣмъ, Махинъ, тотъ гимназистъ, который научилъ поддѣлать купонъ, кончилъ гимназію и курсъ въ университетѣ по юридическому факультету. Благодаря его успѣху у женщинъ, у бывшей любовницы старика товарища министра, его совсѣмъ молодымъ назначили судебнымъ слѣдователемъ. Онъ былъ нечестный человѣкъ въ долгахъ, соблазнитель женщинъ, картежникъ, но онъ былъ ловкій, смѣтливый, памятливый человѣкъ и умѣлъ хорошо вести дѣла. Онъ былъ судебнымъ слѣдователемъ въ томъ округѣ, гдѣ судился Степанъ Пелагеюшкинъ. Еще на первомъ допросѣ Степанъ удивилъ его своими отвѣтами простыми, правдивыми и спокойными. Махинъ безсознательно чувствовалъ, что этотъ стоящій передъ нимъ человѣкъ въ кандалахъ и съ бритой головой, котораго привели и караулятъ и отведутъ подъ замокъ два солдата,—что это человѣкъ вполнѣ свободный, нравственно недосягаемо высоко стоящій надъ нимъ. И потому, допрашивая его, онъ безпрестанно подбадривалъ

[1]) См. примѣчаніе 4-е.

себя и подстегивалъ, чтобы не смущаться и не путаться. Поражало его то, что Степанъ говорилъ про свои дѣла, какъ про что-то давно прошедшее, совершенное не имъ, а какимъ-то другимъ человѣкомъ.

— И тебѣ не жалко было ихъ? — спрашивалъ Махинъ.

— Не жалко, я не понималъ тогда.

— Ну, а теперь?

Степанъ грустно улыбнулся.

— Теперь на огнѣ меня жги, того бы не сдѣлалъ.

— Отчего же?

— Оттого, что понялъ, что всѣ люди—братья.

— Что же, и я тебѣ братъ?

— А то какъ же.

— Какъ же, я — братъ, а сужу тебя въ каторгу?

— Отъ непонятія.

— Что же я не понимаю?

— Не понимаете, коли судите.

— Ну, продолжаемъ. Потомъ ты куда пошелъ?..

Больше же всего поразило Махина то, что онъ узналъ отъ смотрителя о вліяніи Пелагеюшкина на палача Махоркина, который, рискуя быть наказаннымъ, отказался отъ исполненія своей обязанности.

VII.

На вечерѣ у Ерошкиныхъ, гдѣ были двѣ барышни, богатыя невѣсты, за которыми обѣими ухаживалъ Махинъ, послѣ пѣнія романсовъ, въ которомъ особенно отличался очень музыкальный Махинъ,—онъ и вторилъ прекрасно и аккомпанировалъ на фортепьяно,—онъ разсказалъ очень вѣрно и подробно — у него была прекрасная память — и совершенно безучастно про страннаго преступника, который обратилъ палача. Махинъ потому такъ хорошо и помнилъ и могъ передать все, что онъ всегда былъ совершенно безучастенъ къ тѣмъ людямъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Онъ не входилъ, не умѣлъ входить въ душевное состояніе другихъ людей и потому-то и могъ такъ хорошо запоминать все, что происходило съ людьми, что они дѣлали, говорили. Но Пелагеюшкинъ заинтересовалъ его. Онъ не вошелъ въ душу Степана, но невольно задался вопросомъ: что у него въ душѣ? И, не

найдя отвѣта, но чувствуя, что это что-то интересное, разсказалъ на вечерѣ все дѣло о совращеніи палача и разсказы смотрителя о томъ, какъ странно ведетъ себя Пелагеюшкинъ, и какъ читаетъ Евангеліе, и какое сильное вліяніе имѣетъ на товарищей.

Всѣхъ заинтересовалъ разсказъ Махина, но больше всѣхъ меньшую Лизу Ерошкину, восемнадцати лѣтнюю дѣвушку, только что вышедшую изъ института и только что опомнившуюся отъ темноты и тѣсноты ложныхъ условій, въ которыхъ она выросла, и точно вынырнувшую изъ воды, страстно вдыхавшую въ себя свѣжій воздухъ жизни. Она стала разспрашивать Махина о подробностяхъ, о томъ, какъ, почему произошла такая перемѣна въ Пелагеюшкинѣ, и Махинъ разсказалъ то, что онъ слышалъ отъ Степана [1]) о томъ, какъ кротость, покорность и безстрашіе смерти этой очень доброй женщины, которую онъ послѣднюю убилъ, побѣдили его, открыли ему глаза, и какъ потомъ чтеніе Евангелія докончило дѣло.

Долго въ эту ночь не могла Лиза Ерошкина заснуть. Въ ней уже нѣсколько мѣсяцевъ шла борьба между свѣтской жизнью, въ которую увлекала ее сестра, и увлеченіе[мъ] Махинымъ, соединенн[ымъ] съ желаніемъ исправить его. И теперь послѣднее взяло верхъ. Она и прежде слышала про убитую. Теперь же, послѣ этой ужасной смерти и разсказа Махина со словъ Пелагеюшкина, она до подробностей узнала исторію Маріи Семеновны и была поражена всѣмъ тѣмъ, что узнала о ней.

Лизѣ страстно захотѣлось быть такой Маріей Семеновной. Она была богата и боялась, что Махинъ ухаживаетъ за ней изъ-за денегъ. И она рѣшила раздать свое имѣніе и сказала объ этомъ Махину.

Махинъ радъ былъ случаю выказать свое безкорыстіе и сказалъ Лизѣ, что онъ любитъ ее не изъ-за денегъ, и это, какъ ему казалось, великодушное рѣшеніе тронуло его самого. У Лизы, между тѣмъ, началась борьба съ ея отцомъ (имѣніе было материнское) [2]), не позволявшимъ раздавать имѣніе. И Махинъ помогалъ Лизѣ. И чѣмъ больше онъ поступалъ такъ, тѣмъ больше онъ понималъ совсѣмъ другой, чуждый ему до тѣхъ поръ міръ духовныхъ стремленій, который онъ видѣлъ въ Лизѣ.

---

[1]) См. примѣчаніе 5-е.
[2]) См. примѣчаніе 6-е.

VIII.

Все утихло въ камерѣ. Степанъ лежалъ на своемъ мѣстѣ на нарахъ и не спалъ еще. Василій подошелъ къ нему и, дернувъ его за ногу, мигнулъ ему, чтобы онъ всталъ и вышелъ къ нему. Степанъ сползъ съ наръ и подошелъ къ Василію.

— Ну, братъ, — сказалъ Василій, — ты ужъ потрудись, пособи мнѣ.

— Въ чемъ пособить-то?

— Да вотъ бѣжать хочу.

И Василій открылъ Степану то, что у него все готово, чтобы бѣжать.

— Завтра я ихъ взбаламучу, — онъ указалъ на лежащихъ.— На меня скажутъ. Переведутъ въ верхнюю, а ужъ тамъ я знаю, какъ быть. Только ты мнѣ пробой изъ мертвецкой выверни.

— Это можно. Куда пойдешь-то?

— А куда глаза глядятъ. Развѣ мало народа плохого.

— Это, братъ, такъ, только не намъ судить ихъ.

— Да что же, я развѣ душегубъ какой. Я ни одной души не погубилъ, а что воровать, что жъ тутъ плохого. Развѣ они не грабятъ нашего брата.

— Это ихъ дѣло, они отвѣчать будутъ.

— Да что жъ имъ въ зубы-то смотрѣть. Ну вотъ я церковь обобралъ, кому отъ этого худо? Я теперь хочу такъ сдѣлать, чтобы не лавченку, а хватить казну и раздавать. Добрымъ людямъ раздавать.

Въ это время поднялся съ наръ одинъ арестантъ и сталъ прислушиваться. Степанъ и Василій разошлись.

На другой день Василій сдѣлалъ, какъ хотѣлъ. Онъ сталъ жаловаться на хлѣбъ, что сыръ, подбилъ всѣхъ арестантовъ звать къ себѣ смотрителя, заявить претензію. Смотритель пришелъ, обругалъ всѣхъ, и узнавъ, что затѣйщикъ всего дѣла Василій, велѣлъ посадить его отдѣльно въ одиночную камеру верхняго этажа.

Этого только и нужно было Василію.

IX.

Василій зналъ ту верхнюю камеру, въ которую его посадили. Онъ зналъ полъ въ ней и, какъ только попалъ туда, такъ сталъ разбирать полъ. Когда можно было пролѣзть подъ полъ, онъ разобралъ потолочины и спрыгнулъ въ нижній этажъ, въ мертвецкую. Въ этотъ день въ мертвецкой лежалъ одинъ мертвый на столѣ. Въ этой же мертвецкой были сложены мѣшки для сѣнниковъ. Василій зналъ это и на эту камеру разсчитывалъ. Пробой въ этой камерѣ былъ вытащенъ и вложенъ. Василій вышелъ изъ двери и пошелъ въ строющійся нужникъ въ концѣ коридора. Въ этомъ нужникѣ была сквозная дыра съ третьяго этажа до нижняго, подвальнаго. Ощупавъ дверь, Василій вернулся въ мертвецкую, снялъ съ холоднаго, какъ ледъ, мертвеца полотно (онъ коснулся его руки, когда снималъ), потомъ взялъ мѣшки, связалъ ихъ узлами такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ веревку, и снесъ эту веревку изъ мѣшковъ въ нужникъ; тамъ привязалъ веревку къ перекладинѣ и полѣзъ по ней внизъ. Веревка не доставала до пола. Много ли, мало она не хватала—онъ не зналъ, но дѣлать нечего было, онъ повисъ и прыгнулъ. Ноги отбилъ, но ходить могъ. Въ подвальномъ этажѣ было два окна. Пролѣзть можно бы, но вдѣланы желѣзныя рѣшетки. Надо было выломать ихъ. Чѣмъ? Василій сталъ шарить. Въ подвальномъ этажѣ лежали отрѣзки досокъ. Онъ нашелъ одинъ отрѣзокъ съ острымъ концомъ и сталъ имъ выворачивать кирпичи, державшіе рѣшетки. Долго онъ работалъ. Пѣтухи второй разъ уже пѣли, а рѣшетка держалась. Наконецъ одна сторона вышла. Василій подсунулъ отрѣзокъ и понаперъ, рѣшетка выворотилась вся, но упалъ кирпичъ и загремѣлъ. Часовые могли услыхать. Василій замеръ. Все тихо. Онъ полѣзъ въ окно. Вылѣзъ. Бѣжать ему надо было черезъ стѣну. Въ углу двора была пристройка. Надо было влѣзть на эту пристройку, а съ нея черезъ стѣну. Надо взять съ собой отрѣзокъ доски. Безъ него не влѣзешь. Василій полѣзъ назадъ. Опять выползъ съ отрѣзкомъ и замеръ, слушая, гдѣ часовой. Часовой, какъ онъ и разсчиталъ, ходилъ по другой сторонѣ квадрата двора. Василій подошелъ къ пристройкѣ, приставилъ отрѣзокъ, полѣзъ. Отрѣзокъ соскользнулъ, упалъ. Василій былъ въ чулкахъ, онъ снялъ чулки, чтобы цѣпляться ногами, поставилъ опять отрѣзокъ, вскочилъ на

него и ухватился рукой за желобъ. — Батюшка, не оторвись, выдержи. — Онъ схватился за желобъ, и вотъ колѣнка его на крышѣ. Часовой идетъ. Василій легъ и замеръ. Часовой не видитъ и опять отходитъ. Василій вскакиваетъ. Желѣзо трещитъ подъ ногами. Еще шагъ, два, вотъ стѣна. До стѣны легко достать рукой. Одна рука, другая, вытянулся весь, и вотъ на стѣнѣ. Только бы не расшибиться, спрыгивая. Василій переворачивается, виснетъ на рукахъ, вытягивается, пускаетъ одну руку, другую,—Господи, благослови!—На землѣ. И земля мягкая. Ноги цѣлы, и онъ бѣжитъ.

Въ предмѣстьи Маланья отпираетъ, и онъ залѣзаетъ подъ стеганое изъ кусочковъ, теплое, пропитанное запахомъ пота одѣяло.

X.

Крупная, красивая, всегда спокойная, бездѣтная, полная, какъ яловая корова, жена Петра Николаевича видѣла изъ окна, какъ убили ея мужа и потащили куда-то въ поле. Чувство ужаса при видѣ этого побоища, которое испытала Наталья Ивановна (такъ звали вдову Петра Николаевича), какъ это всегда бываетъ, было такъ сильно, что заглушило въ ней всѣ другія чувства. Когда же вся толпа скрылась за оградой сада, и гулъ голосовъ затихъ, и босая Маланья, прислуживавшая имъ дѣвка, съ выпяченными глазами прибѣжала съ извѣстіемъ, точно это было что-то радостное, что Петра Николаевича убили и бросили въ оврагѣ, изъ-за перваго чувства ужаса стало выдѣляться другое: чувство радости освобожденія отъ деспота съ закрытыми черными очками глазами, которые девятнадцать лѣтъ держали ее въ рабствѣ. Она сама ужаснулась этому чувству, сама себѣ не призналась въ немъ, а тѣмъ болѣе не высказала его никому. Когда обмывали изуродованное желтое, волосатое тѣло и одѣвали и укладывали въ гробъ, она ужасалась и плакала и рыдала. Когда пріѣхалъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ и какъ свидѣтельницу допрашивалъ ее, она видѣла тутъ же, въ квартирѣ слѣдователя, двухъ закованныхъ крестьянъ, признанныхъ главными виновниками. Одинъ былъ уже старый съ длинной, бѣлокурой бородой въ завиткахъ, съ спокойнымъ и строгимъ, красивымъ лицомъ, другой былъ цыганскаго склада, не старый человѣкъ съ блестящими черными глазами и курчавыми,

взъерошенными волосами. Она показывала, что̀ знала, признала въ этихъ самыхъ людяхъ тѣхъ, которые первые схватили за руки Петра Николаевича, и, несмотря на то, что похожій на цыгана мужикъ, блестя и поводя глазами изъ-подъ движущихся бровей, укоризненно сказалъ: «Грѣхъ, барыня, охъ, умирать будемъ», несмотря на это, ей нисколько не жалко было ихъ. Напротивъ, во время слѣдствія въ ней поднялось враждебное чувство и желаніе отомстить убійцамъ мужа.

Но, когда черезъ мѣсяцъ дѣло, переданное въ военный судъ, было рѣшено тѣмъ, что восемь человѣкъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ, а двое, бѣлобородый старикъ и черномазый цыганокъ, какъ его звали, были приговорены къ повѣшенію, она почувствовала что-то непріятное. Но непріятное сомнѣніе это, подъ вліяніемъ торжественности суда, скоро прошло. Если высшее начальство признаетъ, что надо, то, стало быть, это хорошо.

Казнь должна была совершиться въ селѣ. И, вернувшись въ воскресенье отъ обѣдни, Маланья, въ новомъ платьѣ и новыхъ башмакахъ, доложила барынѣ, что строятъ висѣлицу и къ средѣ ждутъ палача изъ Москвы, и что воютъ семейные не переставая, по всей деревнѣ слышно.

Наталья Ивановна не выходила изъ дома, чтобы не видать ни висѣлицъ ни народа, и одного желала—чтобы поскорѣе кончилось то, что должно быть. Она думала только о себѣ, а не о приговоренныхъ и ихъ семьяхъ.

XI.

Во вторникъ къ Натальѣ Ивановнѣ заѣхалъ знакомый становой. Наталья Ивановна угостила его водкой и солеными грибками ея приготовленія. Становой, выпивъ водки и закусивъ, сообщилъ ей, что казни завтра еще не будетъ.

— Какъ, отчего?

— Удивительная исторія. Палача не могли найти. Одинъ былъ въ Москвѣ, и тотъ, разсказывалъ мнѣ сынъ, начитался Евангелія и говоритъ: не могу убивать. Самъ за убійство приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, а теперь вдругъ не можетъ по закону уби-

вать. Ему грозили, что плетьми сѣчь будутъ. Сѣките, говоритъ. а я не могу.

Наталья Ивановна вдругъ покраснѣла, вспотѣла даже отъ мыслей.

— А нельзя ихъ простить теперь?

— Какъ же простить, когда приговорены судомъ. Одинъ царь простить можетъ.

— Да какъ же царь узнаетъ?

— Имѣютъ право просить о помилованіи.

— Да вѣдь ихъ за меня казнятъ, — сказала глупая Наталья Ивановна. — А я прощаю.

Становой засмѣялся.

— Что же, просите.

— Можно?

— Извѣстно, можно.

— Да вѣдь теперь не успѣешь?

— Можно телеграммой.

— Къ царю?

— Что жъ, и къ царю можно.

Извѣстіе о томъ, что палачъ отказался и готовъ пострадать скорѣе, чѣмъ убивать, вдругъ перевернуло душу Натальи Ивановны, и то чувство состраданія и ужаса, которое просилось нѣсколько разъ наружу, прорвалось и захватило ее.

— Голубчикъ, Филиппъ Васильевичъ, напишите мнѣ телеграмму. Я хочу просить царя [о] помилованіи.

Становой покачалъ головой.

— Какъ бы намъ не влетѣло за это.

— Да вѣдь я въ отвѣтѣ. Я про васъ не скажу.

«Эка добрая баба», подумалъ становой, «хорошая баба. Кабы моя такая была, рай бы былъ, а не то, что теперь».

И становой написалъ телеграмму царю: «Его Императорскому Величеству Государю Императору. Вѣрноподданная Вашего Императорскаго Величества, вдова убитаго крестьянами коллежскаго асессора Петра Николаевича Свентицкаго, припадая къ священнымъ стопамъ (это мѣсто телеграммы особенно понравилось составлявшему ее становому) Вашего Императорскаго Величества, умоляетъ васъ помиловать приговоренныхъ къ смертной казни крестьянъ такихъ-то, такой-то губерніи, уѣзда, волости, деревни».

Телеграмма была послана самимъ становымъ, и на душѣ у Натальи Ивановны было радостно, хорошо. Ей казалось, что если она, вдова убитаго, прощаетъ и проситъ помиловать, то царь не можетъ не помиловать.

XII.

Лиза Ерошкина жила въ неперестающемъ восторженномъ состояніи. Чѣмъ дальше она шла по открывшемуся ей пути христіанской жизни, тѣмъ увѣреннѣе она была, что это путь истинный, и тѣмъ радостнѣе ей становилось на душѣ.

У ней были теперь двѣ ближайшія цѣли: первая — обратить Махина или, скорѣе, какъ она говорила это себѣ, вернуть къ себѣ, къ своей доброй, прекрасной натурѣ. Она любила его, и при свѣтѣ своей любви ей открывалось божественное его души, общее всѣмъ людямъ, но она видѣла въ этомъ общемъ всѣмъ людямъ началѣ жизни его, ему одному свойственную доброту, нѣжность, высоту. Другая цѣль ея была въ томъ, чтобы перестать быть богатой. Она захотѣла освободиться отъ имущества для того, чтобы испытать Махина, а потомъ для себя, для своей души, по слову Евангелія, захотѣла сдѣлать это. Сначала она начала раздавать, но ее остановилъ отецъ, и еще больше, чѣмъ отецъ, толпа нахлынувшихъ личныхъ и письменныхъ просителей. Тогда она рѣшила обратиться къ старцу, извѣстному своей святой жизнью, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ ея деньги и поступилъ съ ними, какъ найдетъ нужнымъ. Узнавъ это, отецъ разсердился и въ горячемъ разговорѣ съ ней назвалъ ее сумасшедшей, психопаткой и сказалъ, что онъ приметъ мѣры къ тому, чтобы оградить ее, какъ сумасшедшую, отъ самой себя.

Сердитый, раздраженный тонъ отца передался ей, и она не успѣла опомниться, какъ злобно расплакалась и наговорила отцу грубостей, называя его деспотомъ и даже корыстолюбцемъ.

Она просила прощенія у отца, онъ сказалъ, что не сердится, но она видѣла, что онъ былъ оскорбленъ и въ душѣ не простилъ ей. Махину она не хотѣла говорить про это. Сестра, ревновавшая ее къ Махину, совсѣмъ отдалилась отъ нея. Ей не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ чувствомъ, не передъ кѣмъ покаяться.

«Богу надо покаяться», сказала она себѣ и, такъ какъ былъ великій постъ, рѣшила говѣть и на исповѣди сказать все духовнику и попросить его совѣта о томъ, какъ ей поступать дальше.

Недалеко отъ города былъ монастырь, въ которомъ жилъ старецъ, прославившійся своей жизнью, поученіями, предсказаніями и исцѣленіями, которыя приписывали ему.

Старецъ получилъ письмо отъ стараго Еропкина, предупреждающее его о пріѣздѣ дочери и объ ея ненормальномъ, возбужденномъ состояніи и выражающее увѣренность въ томъ, что старецъ наставитъ ее на путь истинный — золотой середины, доброй христіанской жизни, безъ нарушенія существующихъ условій.

Усталый отъ пріема, старецъ принялъ Лизу и сталъ спокойно внушать ей умѣренность, покорность существующимъ условіямъ, родителямъ. Лиза молчала, краснѣла и потѣла, но, когда онъ кончилъ, она со слезами, стоящими въ глазахъ, начала говорить, сначала робко, о томъ, что Христосъ сказалъ: «оставь отца и мать и иди за мной», потомъ, все больше и больше одушевляясь, высказала все то свое представленіе о томъ, какъ она понимаетъ Христа. Старецъ сначала чуть улыбался и возражалъ обычными поученіями, но потомъ замолчалъ и сталъ вздыхать, только повторяя: «О Господи».

— Ну, хорошо, приходи завтра исповѣдываться, — сказалъ онъ и сморщенной рукой благословилъ ее.

На другой день онъ исповѣдывалъ ее и, не продолжая вчерашній разговоръ, отпустилъ ее, коротко отказавшись взять на себя распоряженіе ея имуществомъ.

Чистота, полная преданность волѣ Бога и горячность этой дѣвушки поразили старца. Онъ давно уже хотѣлъ отречься отъ міра, но монастырь требовалъ отъ него его дѣятельности. Эта дѣятельность давала средства монастырю. И онъ соглашался, хотя смутно чувствовалъ всю неправду своего положенія. Его дѣлали святымъ, чудотворцемъ, а онъ былъ слабый, увлеченный успѣхомъ человѣкъ. И открывшаяся ему душа этой дѣвушки открыла ему его душу. И онъ увидалъ, какъ онъ былъ далекъ отъ того, чѣмъ хотѣлъ быть, и къ чему влекло его его сердце.

Скоро послѣ посѣщенія Лизы онъ заперся въ затворъ и только черезъ три недѣли вышелъ въ церковь, служилъ и послѣ службы сказалъ проповѣдь, въ которой каялъ себя и уличалъ міръ въ грѣхѣ и призывалъ его къ покаянію.

Каждыя двѣ недѣли онъ говорилъ проповѣди. И на проповѣди эти съѣзжалось все больше и больше народа. И слава его, какъ проповѣдника, разглашалась все больше и больше. Было что-то особенное, смѣлое, искреннее въ его проповѣдяхъ, и отъ этого онъ такъ сильно дѣйствовалъ на людей.

XIII.

Между тѣмъ, Василій сдѣлалъ все, какъ хотѣлъ. Съ товарищами онъ ночью пролѣзъ къ Краснопузову, богачу. Онъ зналъ, какъ онъ скупъ и развратенъ, и залѣзъ въ бюро и вынулъ деньгами 30.000. И дѣлалъ все, какъ хотѣлъ. Онъ даже пить пересталъ, а давалъ деньги бѣднымъ невѣстамъ, замужъ отдавалъ, изъ долговъ выкупалъ и самъ скрывался. И только то и заботы было, чтобы хорошо раздать деньги. Давалъ онъ и полиціи, и его не искали.

Сердце у него радовалось. И когда все-таки взяли его, онъ на судѣ смѣялся и хвалился, что деньги у толстопузаго дурно лежали, онъ и счета имъ не зналъ, а я ихъ въ ходъ пустилъ, ими добрымъ людямъ помогалъ.

И защита его была такая веселая, добрая, что присяжные чуть не оправдали его. Приговорили его въ ссылку.

Онъ поблагодарилъ и впередъ сказалъ, что уйдетъ.

XIV.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Послѣ бесѣды съ митрополитомъ и оберъ-прокуроромъ старичка отправили тотчасъ же въ монастырь, но не въ свой, а въ Суздальскій, гдѣ настоятелемъ и комендантомъ былъ отецъ Мисаилъ.

XV.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

XVI.

Отбывъ второй срокъ въ острогѣ, Прокофій, этотъ бойкій, самолюбивый щеголь-малый, вышелъ оттуда совсѣмъ конченнымъ человѣкомъ. Трезвый онъ сидѣлъ, ничего не дѣлалъ и, сколько ни ругалъ его отецъ, ѣлъ хлѣбъ, не работалъ и, мало того, норовилъ стащить что-нибудь въ кабакъ, чтобы выпить. Сидѣлъ, кашлялъ, харкалъ и плевалъ. Докторъ, къ которому онъ ходилъ, послушалъ его грудь и покачалъ головой.

— Тебѣ, братъ, надо того, чего у тебя нѣтъ.

— Это, извѣстно, всегда надо.

— Пей молоко, не кури.

— Нынѣ и такъ постъ, да и коровы нѣту.

Разъ весной онъ всю ночь не спалъ, тосковалъ, хотѣлось ему выпить. Дома нечего захватить было. Надѣлъ шапку и вышелъ. Прошелъ по улицѣ, дошелъ до поповъ. У дьячка борона наружи стоитъ прислонена къ плетню. Прокофій подошелъ, вскинулъ борону на спину и понесъ къ Петровнѣ въ корчму. «Авось, дастъ бутылочку». Не успѣлъ онъ отойти, какъ дьячокъ вышелъ на крыльцо. Ужъ совсѣмъ свѣтло, — видитъ, Прокофій несетъ его борону.

— Эй, ты что?

Выслалъ народъ, схватили Прокофія, посадили въ холодную. Мировой судья присудилъ на 11 мѣсяцевъ въ тюрьму.

Была осень. Прокофія перевели въ больницу. Онъ кашлялъ, и вся грудь разрывалась. И не могъ согрѣться. Кто посильнѣе былъ, тѣ все-таки не дрожали. А Прокофій дрожалъ и день и ночь. Смотритель загонялъ экономію дровъ и не топилъ больницу до ноября. Больно страдалъ Прокофій тѣломъ, но хуже всего страдалъ духомъ. Все ему противно было, и ненавидѣлъ онъ всѣхъ: и дьячка, и смотрителя за то, что не топилъ, и вахтера, и сосѣда по койкѣ съ раздутой красной губой. Возненавидѣлъ и того новенькаго каторжнаго, котораго привели къ нимъ. Каторжный этотъ былъ Степанъ. Онъ заболѣлъ рожей на головѣ, и его перевели въ больницу и положили рядомъ съ Прокофіемъ. Сначала Прокофій возненавидѣлъ его, но потомъ полюбилъ его такъ, что ждалъ только того, когда поговорить съ нимъ. Только послѣ разговора съ нимъ утишалась тоска въ сердцѣ Прокофія.

Степанъ всегда всѣмъ разсказывалъ свое послѣднее убійство, и какъ оно подѣйствовало на него.

— Не то, что закричать или что, — говорилъ онъ, — а вотъ на, рѣжь. Не меня, себя пожалѣй.

— Ну, извѣстно, душу загубить страшно, я и барана разъ взялся рѣзать, самъ не радъ былъ. А вотъ никого не загубилъ, а за что они меня, злодѣи, погубили. Никому худого не дѣлалъ...

— Что же, это тебѣ все зачтется.

— Гдѣ тамъ.

— Какъ гдѣ. А Богъ?

— Что-то не видать Его, я, братъ, не вѣрю,—думаю, помрешь, трава вырастетъ. Вотъ и вся.

— Какъ же думаешь. Я сколько душъ загубилъ, а она, сердечная, только людямъ помогала. Что же, думаешь, мнѣ съ ней одно будетъ? Нѣтъ, погоди.

— Такъ думаешь, помрешь, душа останется?

— А то какъ же. Это вѣрно.

Тяжело было Прокофію умирать, задыхался онъ. Но въ послѣдній часъ вдругъ легко стало. Позвалъ онъ Степана.

— Ну, братъ, прощай. Видно, пришла смерть моя. И вотъ боялся, а теперь ничего. Только скорѣй хочется.

И Прокофій померъ въ больницѣ.

XVII.

Между тѣмъ, дѣла Евгенія Михайловича шли все хуже и хуже. Магазинъ былъ заложенъ. Торговля не шла, въ городѣ открылся другой магазинъ, а проценты требовали. Надо было занимать опять за проценты. И кончилось тѣмъ, что магазинъ и весь товаръ былъ назначенъ къ продажѣ. Евгеній Михайловичъ и его жена бросались повсюду и нигдѣ не могли достать тѣхъ четыреста рублей, которые нужны были, чтобы спасти дѣло.

Была маленькая надежда на купца Краснопузова, любовница котораго была знакома съ женой Евгенія Михайловича. Теперь же по всему городу было извѣстно, что у Краснопузова украли огромныя деньги. Разсказывали, что украли полмилліона.

— И кто же укралъ? — разсказывала жена Евгенія Михайловича. — Василій, нашъ бывшій дворникъ. Говорятъ, онъ швыряетъ теперь этими деньгами, и полиція подкуплена.

— Негодяй былъ, — сказалъ Евгеній Михайловичъ. — Какъ онъ тогда легко на клятвопреступленіе пошелъ. Я никакъ не думалъ.

— Говорятъ, онъ заходилъ къ намъ на дворъ. Кухарка говорила, что онъ. Она говорила, что онъ четырнадцать бѣдныхъ невѣстъ замужъ выдалъ.

— Ну, они выдумаютъ.

Въ это время какой-то странный пожилой человѣкъ въ казинетовой курткѣ вошелъ въ магазинъ.

— Что тебѣ?

— Вамъ письмо.

— Отъ кого?

— Тамъ написано.

— Что же, отвѣта не надо? Да подожди.

— Нельзя.

И странный человѣкъ, отдавъ конвертъ, торопливо ушелъ.

— Чудно!

Евгеній Михайловичъ разорвалъ толстый конвертъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ: сторублевыя бумажки. Четыре. Что это? И тутъ же безграмотное письмо Евгенію Михайловичу: «По Евангелію говорится, дѣлай добро за зло. Вы минѣ много зла исдѣлали съ купономъ и мужичка я дюже обидѣлъ, а я вотъ тебя жилѣю. На, возьми 4 Екатеринки и помни своего дворника Василія».

— Нѣтъ, это удивительно, — говорилъ Евгеній Михайловичъ, говорилъ и женѣ и самъ себѣ. И когда вспоминалъ объ этомъ или говорилъ объ этомъ женѣ, слезы выступали у него на глаза, и на душѣ было радостно.

XVIII.

Въ Суздальской тюрьмѣ содержалось четырнадцать духовныхъ лицъ, всѣ преимущественно за отступленіе отъ православія; туда же былъ присланъ и Исидоръ [1]). Отецъ Мисаилъ принялъ Иси-

---

[1]) Старецъ, къ которому обратилась Лиза Еропкина, и о которомъ упоминается въ выпущенной главѣ XIV.

Прим. ред.

дора по бумагѣ и, не разговаривая съ нимъ, велѣлъ помѣстить его въ отдѣльной камерѣ, какъ важнаго преступника. На третьей недѣлѣ пребыванія Исидора въ тюрьмѣ отецъ Мисаилъ обходилъ содержащихся. Войдя къ Исидору, онъ спросилъ: не нужно ли чего?

— Мнѣ многое нужно, не могу сказать при людяхъ. Дай мнѣ случай говорить съ тобою наединѣ.

Они взглянули другъ на друга, и Мисаилъ понялъ, что ему бояться нечего. Онъ велѣлъ привести Исидора въ свою келью и, когда они остались одни, сказалъ:

— Ну, говори.

Исидоръ упалъ на колѣни.

— Братъ, — сказалъ Исидоръ. — Что ты дѣлаешь. Пожалѣй себя. Вѣдь хуже тебя нѣтъ злодѣя, ты поругалъ все святое...

Черезъ мѣсяцъ Мисаилъ подалъ бумагу объ освобожденіи, какъ раскаявшихся, не только Исидора, но и семерыхъ другихъ и самъ попросился въ монастырь на покой.

XIX.

Прошло десять лѣтъ.

Митя Смоковниковъ кончилъ курсъ въ техническомъ училищѣ и былъ инженеромъ съ большимъ жалованіемъ на золотыхъ пріискахъ въ Сибири. Ему надо было ѣхать по участку. Директоръ предложилъ ему взять каторжника Степана Пелагеюшкина.

— Какъ каторжника? Развѣ не опасно?

— Съ нимъ не опасно. Это святой человѣкъ, спросите у кого хотите.

— Да за что онъ?

Директоръ улыбнулся.

— Шесть душъ убилъ, а святой человѣкъ. Ужъ я ручаюсь.

И вотъ Митя Смоковниковъ принялъ Степана, — плѣшиваго, худого, загорѣлаго человѣка, и поѣхалъ съ нимъ.

Дорогой Степанъ ходилъ, какъ онъ ухаживалъ за всѣми, гдѣ могъ, какъ за своимъ дѣтищемъ, за Смоковниковымъ, и дорогой разсказалъ ему всю свою исторію и то, какъ и зачѣмъ и чѣмъ онъ живетъ теперь.

И удивительное дѣло. Митя Смоковниковъ, жившій до тѣхъ поръ только питьемъ, ѣдой, картами, виномъ, женщинами, задумался въ первый разъ надъ жизнью. И думы эти не оставили его и разворачивали его душу все дальше и дальше. Ему предлагали мѣсто, гдѣ была большая польза, онъ отказался и рѣшилъ на то, что у него было, купить имѣніе, жениться и, какъ сумѣетъ, служить народу.

XX.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Но прежде пріѣхалъ къ отцу, съ которымъ у него были непріятныя отношенія за новую семью, которую завелъ отецъ. Теперь же онъ рѣшилъ сблизиться съ отцомъ. И такъ и сдѣлалъ. И отецъ удивлялся, смѣялся надъ нимъ, а потомъ самъ пересталъ нападать на него и вспомнилъ многіе и многіе случаи, гдѣ онъ былъ виноватъ передъ нимъ...

1903—04 г.

ФОТОГР. В. ЧЕРТКОВА.

Лев Толстой

Александра Толстая.

Ясная Поляна. 1908 г.

ПОСЛѢ БАЛА.

I [1]).

— Вотъ вы говорите, что человѣкъ не можетъ самъ по себѣ понять, что хорошо, что дурно, что все дѣло въ средѣ, что среда заѣдаетъ. А я думаю, что все дѣло въ случаѣ. Я вотъ про себя скажу...

Такъ заговорилъ всѣми уважаемый Иванъ Васильевичъ послѣ разговора, шедшаго между нами, о томъ, что для личнаго совершенствованія необходимо прежде измѣнить условія, среди которыхъ живутъ люди. Никто, собственно, не говорилъ, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвѣчать на свои собственныя, возникающія вслѣдствіе разговора мысли и по случаю этихъ мыслей разсказывать эпизоды изъ своей жизни. Часто онъ совершенно забывалъ поводъ, по которому онъ разсказывалъ, увлекаясь разсказомъ, тѣмъ болѣе, что разсказывалъ онъ очень искренно и правдиво.

Такъ онъ сдѣлалъ и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась такъ, а не иначе, не отъ среды, а совсѣмъ отъ другого.

— Отъ чего же? — спросили мы.

— Да это длинная исторія. Чтобы понять, надо много разсказывать.

— Вотъ вы и разскажите.

Иванъ Васильевичъ задумался, покачалъ головой.

— Да, — сказалъ онъ. — Вся жизнь перемѣнилась отъ одной ночи или, скорѣе, утра.

— Да что же было?

— А было то, что былъ я сильно влюбленъ. Влюблялся я много разъ, но это была самая моя сильная любовь. Дѣло прошлое; у нея уже дочери замужемъ. Это была Б..., да, Варенька Б...—Иванъ Васильевичъ назвалъ фамилію.—Она и въ пятьдесятъ лѣтъ была замѣчательная красавица, но въ молодости, восемнадцати лѣтъ, была

---

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

прелестна: высокая, стройная, граціозная и величественная, именно величественная, держалась она всегда необыкновенно прямо, какъ будто не могла иначе, откинувъ немного назадъ голову, и это давало ей, съ ея красотой и высокимъ ростомъ, несмотря на ея худобу и даже костлявость, какой-то царственный видъ, который отпугивалъ бы отъ нея, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка и рта, и прелестныхъ, блестящихъ глазъ, и всего ея милаго, молодого существа.

— Каково Иванъ Васильевичъ расписываетъ!

— Да какъ ни расписывай, расписать нельзя такъ, чтобы вы поняли, какая она была. Но не въ томъ дѣло. То, что я хочу разсказать, было въ сороковыхъ годахъ. Былъ я въ то время студентомъ въ провинціальномъ университетѣ. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у насъ въ то время въ нашемъ университетѣ никакихъ кружковъ, никакихъ теорій, а были мы просто молоды и жили, какъ свойственно молодости: учились и веселились. Былъ я очень веселый и бойкій малый, да еще и богатый. Былъ у меня иноходецъ лихой, катался я съ горъ съ барышнями (коньки еще не были въ модѣ), кутилъ съ товарищами (въ то время мы ничего, кромѣ шампанскаго, не пили; не было денегъ — ничего не пили, а не пили, какъ теперь, водку). Главное же мое удовольствіе составляли вечера и балы. Танцовалъ я хорошо и былъ не безобразенъ.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна изъ собесѣдницъ.—Мы, вѣдь, знаемъ вашъ еще дагеротипный портретъ. Не то, что не безобразенъ, а вы были красавецъ.

— Красавецъ, такъ красавецъ, да не въ этомъ дѣло. А дѣло въ томъ, что во время моей этой самой сильной любви къ ней былъ я въ послѣдній день масляницы на балѣ у губернскаго предводителя, добродушнаго старичка, богача, хлѣбосола и камергера. Принимала такая же добродушная, какъ и онъ, жена его въ бархатномъ пюсовомъ платьѣ, въ брильянтовой фероньеркѣ на головѣ и съ открытыми старыми, пухлыми, бѣлыми плечами и грудью, какъ портреты Елизаветы Петровны. Балъ былъ чудесный. Зала прекрасная, съ хорами, музыканты—знаменитые въ то время крѣпостные помѣщика любителя, буфетъ великолѣпный и разливанное море шампанскаго. Хоть я и охотникъ былъ до шампанскаго, но не пилъ потому, что безъ вина былъ пьянъ любовью, но зато танцовалъ до упаду и вальсы и польки, разумѣется, насколько возможно было, все съ Варенькой. Она была въ бѣломъ платьѣ съ розовымъ поясомъ и въ бѣлыхъ лай-

ковыхъ перчаткахъ, немного не доходившихъ до худыхъ, острыхъ локтей, и въ бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ. Мазурку отбилъ у меня противный инженеръ Анисимовъ—я до сихъ поръ не могу простить ему это — онъ пригласилъ ее, только что она вошла, а я заѣзжалъ къ парикмахеру, за перчатками и опоздалъ. Такъ что мазурку я танцовалъ не съ нею, а съ одной нѣмочкой, за которой я немножко ухаживалъ прежде, но, боюсь, въ этотъ вечеръ былъ очень неучтивъ съ нею, не говорилъ съ нею, не смотрѣлъ на нее, а видѣлъ только высокую, стройную фигуру въ бѣломъ платьѣ съ розовымъ поясомъ и ея сіяющее, зарумянившееся, съ ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я одинъ,—всѣ смотрѣли на нее и любовались ею, любовались и мужчины, и женщины, несмотря на то, что она затмила ихъ всѣхъ. Нельзя было не любоваться.

По закону, такъ сказать, мазурку я танцовалъ не съ нею, но въ дѣйствительности танцовалъ я почти все время съ ней. Она, не смущаясь, черезъ всю залу шла прямо ко мнѣ, и я вскакивалъ, не дожидаясь приглашенія, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда насъ подводили къ ней, и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мнѣ, пожимала худыми плечами и, въ знакъ сожалѣнія и утѣшенія, улыбалась мнѣ.

Когда дѣлали фигуры мазурки вальсомъ, я подолгу вальсировалъ съ нею, и она, часто дыша, улыбаясь, говорила мнѣ: «encore» [1]), и я вальсировалъ еще и еще и не чувствовалъ своего тѣла.

— Ну, какъ же не чувствовали, когда обнимали за талію; не только свое, но и ея тѣло чувствовали, я думаю, — сказалъ одинъ изъ гостей.

Иванъ Васильевичъ вдругъ покраснѣлъ и сердито закричалъ почти:

— Да, вотъ это вы, нынѣшняя молодежь. Вы, кромѣ тѣла, ничего не видите. Въ наше время было не такъ. Чѣмъ сильнѣе я былъ влюбленъ, тѣмъ безтѣлеснѣе становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и еще что-то, вы раздѣваете женщинъ, въ которыхъ влюблены, для меня же, какъ говорилъ Альфонсъ Карръ—хорошій былъ писатель — на предметѣ моей любви были всегда бронзовыя одежды. Мы не то, что раздѣвали, а старались прикрыть наготу, какъ добрый сынъ Ноя. Ну, да вы не поймете.

— Не слушайте его. Дальше что?—сказалъ одинъ изъ насъ.

[1]) Еще.

— Да, такъ вотъ танцовалъ я больше съ нею и не видалъ, какъ прошло время. Музыканты уже съ какимъ-то отчаяніемъ усталости — знаете, какъ бываетъ въ концѣ бала — подхватывали все тотъ же мотивъ мазурки, изъ гостиныхъ поднялись уже изъ-за карточныхъ столовъ папаши и мамаши, ожидая ужина, лакеи чаще забѣгали, пронося что-то. Былъ третій часъ. Надо было пользоваться послѣдними минутами. Я еще разъ выбралъ ее, и мы въ сотый разъ прошли вдоль залы.

— Такъ послѣ ужина кадриль моя, — сказалъ я ей, отводя ее къ ея мѣсту.

— Разумѣется, если меня не увезутъ, — сказала она улыбаясь.

— Я не дамъ, — сказалъ я.

— Дайте же вѣеръ, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказалъ я, подавая ей бѣлый дешевенькій вѣеръ.

— Такъ вотъ вамъ, чтобы вы не жалѣли,—сказала она, оторвала перышко отъ вѣера и подала мнѣ.

Я взялъ перышко и только взглядомъ могъ выразить весь свой восторгъ и благодарность. Я былъ не только веселъ и доволенъ,—я былъ счастливъ, блаженъ, я былъ добръ, я былъ не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спряталъ перышко въ перчатку и стоялъ, не въ силахъ отойти отъ нея.

— Смотрите, папà просятъ танцовать, — сказала она мнѣ, указывая на высокую, статную фигуру ея отца-полковника, съ серебряными эполетами, стоявшаго въ дверяхъ съ другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкій голосъ хозяйки въ брильянтовой фероньеркѣ и съ елизаветинскими плечами.

Варенька подошла къ двери, и я за ней.

— Уговорите же, ma chère, отца пройтись съ вами. Ну, пожалуйста, Петръ Владиславовичъ, — обратилась хозяйка къ полковнику.

Отецъ Вареньки былъ очень красивый, статный, высокій и свѣжій старикъ. Лицо у него было очень румяное, съ бѣлыми à la Nicolas I подвитыми усами, бѣлыми же, подведенными къ усамъ бакенбардами и съ зачесанными впередъ височками, и та же радостная улыбка, какъ и у дочери, была въ его блестящихъ глазахъ и

губахъ. Сложенъ онъ былъ прекрасно, съ широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, съ сильными плечами и длинными, стройными ногами. Онъ былъ воинскій начальникъ типа стараго служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли къ дверямъ, полковникъ отказывался, говоря, что онъ разучился танцовать, но все-таки, улыбаясь, закинувъ на лѣвую сторону руку, вынулъ шпагу изъ портупеи, отдалъ ее услужливому молодому человѣку и, натянувъ замшевую перчатку на правую руку,—«надо все по закону»,—улыбаясь сказалъ онъ, взялъ руку дочери и сталъ въ четверть оборота, выжидая тактъ.

Дождавшись начала мазурочнаго мотива, онъ бойко топнулъ одной ногой, выкинулъ другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, съ топотомъ подошвъ и ноги объ ногу, задвигалась вокругъ залы. Граціозная фигура Вареньки плыла около него, незамѣтно, во-время укорачивая или удлиняя шаги своихъ маленькихъ, бѣлыхъ, атласныхъ ножекъ. Вся зала слѣдила за каждымъ движеніемъ пары. Я же не только любовался, но съ восторженнымъ умиленіемъ смотрѣлъ на нихъ. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками — хорошіе опойковые сапоги, но не модные—съ острыми, а старинные— съ четвероугольными носками и безъ каблуковъ,—очевидно, сапоги были построены батальоннымъ сапожникомъ. «Чтобы вывозить и одѣвать любимую дочь, онъ не покупаетъ модныхъ сапогъ, а носитъ домодѣльные», думалъ я, и эти четвероугольные носки сапогъ особенно умиляли меня. Видно было, что онъ когда-то танцовалъ прекрасно, но теперь былъ грузенъ, и ноги уже не были достаточно упруги для всѣхъ тѣхъ красивыхъ и быстрыхъ па, которыя онъ старался выдѣлывать. Но онъ все-таки ловко прошелъ два круга. Когда же онъ, быстро разставивъ ноги, опять соединилъ ихъ и, хотя и нѣсколько тяжело, упалъ на одно колѣно, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую онъ зацѣпилъ, плавно прошла вокругъ него, всѣ громко зааплодировали. Съ нѣкоторымъ усиліемъ приподнявшись, онъ нѣжно, мило обхватилъ дочь руками за уши и, поцѣловавъ въ лобъ, подвелъ ее ко мнѣ, думая, что я танцую съ ней. Я сказалъ, что не я ея кавалеръ.

— Ну, все равно, пройдитесь теперь вы съ нею,—сказалъ онъ, ласково улыбаясь и вдѣвая шпагу въ портупею.

Какъ бываетъ, что вслѣдъ за одной вылившейся изъ бутылки каплей содержимое ея выливается большими струями, такъ и въ моей душѣ любовь къ Варенькѣ освободила всю скрытую въ моей душѣ способность любви. Я обнималъ въ то время весь міръ своей любовью. Я любилъ и хозяйку въ фероньеркѣ, съ ея елизаветинскимъ бюстомъ, и ея мужа, и ея гостей, и ея лакеевъ, и даже дувшагося на меня инженера Анисимова. Къ отцу же ея, съ его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее, улыбкой, я испытывалъ въ то время какое-то восторженное, нѣжное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей къ ужину, но полковникъ Б. отказался, сказавъ, что ему надо завтра рано вставать, и простился съ хозяевами. Я было испугался, что и ее увезутъ, но она осталась съ матерью.

Послѣ ужина я танцовалъ съ нею обѣщанную кадриль, и, несмотря на то, что я былъ, казалось, безконечно счастливъ, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви; я не спрашивалъ ни ея, ни себя даже о томъ, любитъ ли она меня? Мнѣ достаточно было того, что я любилъ ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я пріѣхалъ домой, раздѣлся и подумалъ о снѣ, я увидалъ, что это совершенно невозможно. У меня въ рукѣ было перышко отъ ея вѣера и цѣлая ея перчатка, которую она дала мнѣ, уѣзжая, когда садилась въ карету, и я подсаживалъ ея мать и потомъ ее. Я смотрѣлъ на эти вещи и, не закрывая глазъ, видѣлъ ее передъ собой, то въ ту минуту, когда она, выбирая изъ двухъ кавалеровъ, угадываетъ мое качество, и слышу ея милый голосъ, когда она говоритъ: «Гордость, да?» и радостно подаетъ мнѣ руку, или когда за ужиномъ пригубливаетъ бокалъ шампанскаго и исподлобья глядитъ на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее въ парѣ съ отцомъ, когда она плавно двигается около него и съ гордостью и радостью и за себя и за него взглядываетъ на любующихся зрителей, и я невольно соединяю его и ее въ одномъ нѣжномъ, умиленномъ чувствѣ.

Жили мы тогда одни съ покойнымъ братомъ. Братъ и вообще не любилъ свѣта и не ѣздилъ на балы, теперь же готовился къ кандидатскому экзамену и велъ самую правильную жизнь. Онъ спалъ. Я посмотрѣлъ на его уткнутую въ подушку и закрытую до половины фланелевымъ одѣяломъ голову, и мнѣ стало любовно жалко

его, жалко за то, что онъ не зналъ и не раздѣлялъ того счастья, которое я испытывалъ. Крѣпостной нашъ лакей Петруша встрѣтилъ меня со свѣчой и хотѣлъ помочь мнѣ раздѣваться, но я отпустилъ его. Видъ его заспаннаго лица съ спутанными волосами показался мнѣ умилительно трогательнымъ. Стараясь не шумѣть, я на цыпочкахъ прошелъ въ свою комнату и сѣлъ на постель. Нѣтъ, я былъ слишкомъ счастливъ, я не могъ спать. Притомъ мнѣ жарко было въ натопленныхъ комнатахъ, и я, не снимая мундира, потихоньку вышелъ въ переднюю, надѣлъ шинель, отворилъ наружную дверь и вышелъ на улицу.

Съ бала я уѣхалъ въ пятомъ часу; пока доѣхалъ домой, посидѣлъ дома, прошло еще часа два, такъ что, когда я вышелъ, уже было свѣтло. Была самая масленичная погода: былъ туманъ; насыщенный водою снѣгъ таялъ на дорогахъ, и со всѣхъ крышъ капало. Жили Б. тогда на концѣ города подлѣ большого поля, на одномъ концѣ котораго было гулянье, а на другомъ—дѣвическій институтъ. Я прошелъ нашъ пустынный переулокъ и вышелъ на большую улицу, гдѣ стали встрѣчаться и пѣшеходы и ломовые съ дровами на саняхъ, достававшихъ полозьями до мостовой. И лошади, равномѣрно покачивающія подъ глянцовитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепающіе въ огромныхъ сапогахъ подлѣ возовъ, и дома улицы, казавшіеся въ туманѣ очень высокими, все было мнѣ особенно мило и значительно.

Когда я вышелъ на поле, гдѣ былъ ихъ домъ, я увидалъ въ концѣ его, по направленію гулянья, что-то большое, черное и услыхалъ доносившіеся оттуда звуки флейты и барабана. Въ душѣ у меня все время пѣло и изрѣдка слышался мотивъ мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» подумалъ я и по проѣзженной по серединѣ поля, скользкой дорогѣ пошелъ по направленію звуковъ. Пройдя шаговъ сто, я изъ-за тумана сталъ различать много черныхъ людей. Очевидно,—солдаты. «Вѣрно, ученье», подумалъ я и вмѣстѣ съ кузнецомъ въ засаленномъ полушубкѣ и фартукѣ, несшимъ что-то и шедшимъ передо мною, подошелъ ближе. Солдаты въ черныхъ мундирахъ стояли двумя рядами другъ противъ друга, держа ружья къ ногѣ, и не двигались. Позади ихъ стояли барабанщики и флейтщикъ и не переставая повторяли все ту же непріятную, визгливую мелодію.

— Что это они дѣлаютъ? — спросилъ я у кузнеца, остановившагося рядомъ со мной.

— Татарина гоняютъ за побѣгъ, — сердито сказалъ кузнецъ, взглядывая въ дальній конецъ рядовъ.

Я сталъ смотрѣть туда же и увидалъ посреди рядовъ что-то страшное, приближающееся ко мнѣ. Приближающееся ко мнѣ былъ оголенный по поясъ человѣкъ, привязанный къ ружьямъ двухъ солдатъ, которые вели его. Рядомъ съ нимъ шелъ высокій военный въ шинели и фуражкѣ, фигура котораго показалась мнѣ знакомой. Дергаясь всѣмъ тѣломъ, шлепая ногами по талому снѣгу, наказываемый, подъ сыпавшимися съ обѣихъ сторонъ на него ударами, подвигался ко мнѣ, то опрокидываясь назадъ — и тогда унтеръ-офицеры, ведшіе его за ружья, толкали его впередъ, то падая напередъ — и тогда унтеръ-офицеры, удерживая его отъ паденія, тянули его назадъ. И, не отставая отъ него, шелъ твердой, подрагивающей походкой высокій военный. Это былъ ея отецъ, съ своимъ румянымъ лицомъ и бѣлыми усами и бакенбардами.

При каждомъ ударѣ наказываемый, какъ бы удивляясь, поворачивалъ сморщенное отъ страданія лицо въ ту сторону, съ которой падалъ ударъ, и, оскаливая бѣлые зубы, повторялъ какія-то одни и тѣ же слова. Только, когда онъ былъ совсѣмъ близко, я разслышалъ эти слова. Онъ не говорилъ, а всхлипывалъ: «Братцы, помилосердствуйте. Братцы, помилосердствуйте». Но братцы не милосердствовали, и, когда шествіе совсѣмъ поровнялось со мною, я видѣлъ, какъ стоявшій противъ меня солдатъ рѣшительно выступилъ шагъ впередъ и, со свистомъ взмахнувъ палкой, сильно шлепнулъ ею по спинѣ татарина. Татаринъ дернулся впередъ, но унтеръ-офицеры удержали его, и такой же ударъ упалъ на него съ другой стороны, и опять съ этой, и опять съ той... Полковникъ шелъ подлѣ и, поглядывая то себѣ подъ ноги, то на наказываемаго, втягивалъ въ себя воздухъ, раздувая щеки, и медленно выпускалъ его черезъ оттопыренную губу. Когда шествіе миновало то мѣсто, гдѣ я стоялъ, я мелькомъ увидалъ между рядовъ спину наказываемаго. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не повѣрилъ, чтобы это было тѣло человѣка.

— О Господи, — проговорилъ подлѣ меня кузнецъ.

Шествіе стало удаляться. Все такъ же падали съ двухъ сторонъ удары на спотыкающагося, корчившагося человѣка, и все такъ

же били барабаны и свистѣла флейта, и все такъ же твердымъ шагомъ двигалась высокая, статная фигура полковника рядомъ съ наказываемымъ. Вдругъ полковникъ остановился и быстро приблизился къ одному изъ солдатъ.

— Я тебѣ помажу, — услыхалъ я его гнѣвный голосъ. — Будешь мазать? Будешь?

И я видѣлъ, какъ онъ своей сильной рукой въ замшевой перчаткѣ билъ по лицу испуганнаго малорослаго, слабосильнаго солдата за то, что онъ недостаточно сильно опустилъ свою палку на красную спину татарина.

— Подать свѣжихъ шпицрутеновъ! — крикнулъ онъ, оглядываясь, и увидалъ меня. Дѣлая видъ, что онъ не знаетъ меня, онъ, грозно и злобно нахмурившись, поспѣшно отвернулся. Мнѣ было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотрѣть, какъ будто я былъ уличенъ въ самомъ постыдномъ поступкѣ, я опустилъ глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу въ ушахъ у меня то била барабанная дробь и свистѣла флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердствуйте», то я слышалъ самоувѣренный, гнѣвный голосъ полковника, кричащаго: «Будешь мазать? Будешь?» А между тѣмъ, на сердцѣ была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я нѣсколько разъ останавливался, и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ меня вырветъ всѣмъ тѣмъ ужасомъ, который вошелъ въ меня отъ этого зрѣлища. Не помню, какъ я добрался домой и легъ. Но только сталъ засыпать, услыхалъ и увидалъ опять все и вскочилъ.

«Очевидно, онъ что-то знаетъ такое, чего я не знаю», думалъ я про полковника. «Если бы я зналъ то, что онъ знаетъ, я бы понималъ и то, что я видѣлъ, и это не мучило бы меня». Но, сколько я ни думалъ, я не могъ понять того, что знаетъ полковникъ, и заснулъ только къ вечеру, и то послѣ того, какъ пошелъ къ пріятелю и напился съ нимъ совсѣмъ пьянъ.

Что же, вы думаете, что я тогда рѣшилъ, что то, что я видѣлъ, было дурное дѣло? Ничуть. «Если это дѣлалось съ такой увѣренностью и признавалось всѣми необходимымъ, то, стало-быть, они знали что-то такое, чего я не зналъ», думалъ я и старался узнать это. Но сколько ни старался—и потомъ не могъ узнать этого. А не узнавъ, не могъ поступить въ военную службу, какъ хотѣлъ прежде,

и не только не служилъ въ военной, но нигдѣ не служилъ и никуда, какъ видите, не годился.

— Ну, это мы знаемъ, какъ вы никуда не годились, — сказалъ одинъ изъ насъ. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы васъ не было.

— Ну, это ужъ совсѣмъ глупости, — съ искренней досадой сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь съ этого дня пошла на убыль. Когда она, какъ это часто бывало съ ней, съ улыбкой на лицѣ, задумывалась, я сейчасъ же вспоминалъ полковника на площади, и мнѣ становилось какъ-то неловко и непріятно, и я сталъ рѣже видаться съ ней. И любовь такъ и сошла на нѣтъ.—Такъ вотъ какія бываютъ дѣла и отъ чего перемѣняется и направляется вся жизнь человѣка. А вы говорите... — закончилъ онъ.

20 августа 1903 г.
Ясная Поляна.

АЛЕША ГОРШОКЪ.

Алешка былъ меньшой братъ. Прозвали его горшкомъ за то, что мать послала его снести горшокъ молока дьяконицѣ, а онъ споткнулся и разбилъ горшокъ. Мать побила его, а ребята стали дразнить его «горшкомъ». Алешка Горшокъ—такъ и пошло ему прозвище.

Алешка былъ малый худощавый, лопоухій; уши торчали, какъ крылья, и носъ былъ большой. Ребята дразнили: «У Алешки носъ, какъ кобель на бугрѣ». Въ деревнѣ была школа, но грамота не далась Алешѣ, да и некогда было учиться. Старшій братъ жилъ у купца въ городѣ, и Алешка сызмальства сталъ помогать отцу. Ему было шесть лѣтъ, ужъ онъ съ дѣвчонкой сестрой овецъ и корову стерегъ на выгонѣ, а еще подросъ, сталъ лошадей стеречь и въ денномъ и въ ночномъ. Съ двѣнадцати лѣтъ ужъ онъ пахалъ и возилъ. Силы не было, а ухватка была. Всегда онъ былъ веселъ. Ребята смѣялись надъ нимъ; онъ молчалъ, либо смѣялся. Если отецъ ругалъ, онъ молчалъ и слушалъ. И какъ только переставали его ругать, онъ улыбался и брался за то дѣло, которое было передъ нимъ.

Алешѣ было девятнадцать лѣтъ, когда брата его взяли въ солдаты. И отецъ поставилъ Алешу на мѣсто брата къ купцу въ дворники. Алешѣ дали сапоги братнины старые, шапку отцовскую и поддевку и повезли въ городъ. Алеша не могъ нарадоваться на свою одежду, но купецъ остался недоволенъ видомъ Алеши.

— Я думалъ, и точно человѣка замѣсто Семена поставишь, — сказалъ купецъ, оглянувъ Алешу, — а ты мнѣ какого сопляка привелъ. На что онъ годится?

— Онъ все можетъ. И запречь, и съѣздить куда, и работать лютой; онъ только на видъ какъ плетень, а то онъ жилистъ.

— Ну ужъ, видно, погляжу.

— А пуще всего—безотвѣтный. Работать завистливый.

— Что съ тобой дѣлать. Оставь.

И Алеша сталъ жить у купца.

Семья у купца была небольшая: хозяйка, старуха мать, старшій сынъ женатый, простого воспитанія, съ отцомъ въ дѣлѣ былъ, и другой сынъ ученый, кончилъ въ гимназіи и былъ въ университетѣ, да оттуда выгнали, и онъ жилъ дома; да еще дочь дѣвушка гимназистка.

Сначала Алешка не понравился — очень ужъ онъ былъ мужиковатъ: и одѣтъ плохо, и обхожденія не было, всѣмъ говорилъ «ты», но скоро привыкли къ нему. Служилъ онъ еще лучше брата, точно былъ безотвѣтный; на всѣ дѣла его посылали, и все онъ дѣлалъ охотно и скоро, безъ останова переходя отъ одного дѣла къ другому. И какъ дома, такъ и [у] купца на Алешу наваливались всѣ работы. Чѣмъ больше онъ дѣлалъ, тѣмъ больше всѣ на него наваливали дѣла. Хозяйка, и хозяйская мать, и хозяйская дочь, и хозяйскій сынъ, и приказчикъ, и кухарка, всѣ то туда, то сюда посылали его, то то, то это заставляли дѣлать. Только и слышно было: — «Сбѣгай, братъ,» или: — «Алеша, ты это устрой. — Ты что жъ это, Алешка, забылъ, что ль?—Смотри, не забудь, Алеша».— И Алеша бѣгалъ, устраивалъ, и смотрѣлъ, не забывалъ, и все успѣвалъ, и все улыбался.

Сапоги братнины онъ скоро разбилъ, и хозяинъ разбранилъ его за то, что онъ ходилъ съ махрами на сапогахъ и голыми пальцами, и велѣлъ купить ему новые сапоги на базарѣ. Сапоги были новые, и Алеша радовался на нихъ, но ноги у него были все старыя, и онѣ къ вечеру ныли у него отъ бѣготни, и онъ сердился на нихъ. Алеша боялся, какъ бы отецъ, когда пріѣдетъ за него получать деньги, не обидѣлся бы за то, что купецъ за сапоги вычтетъ изъ жалованья.

Вставалъ Алеша зимой до свѣта, кололъ дрова, потомъ выметалъ дворъ, задавалъ кормъ коровѣ, лошади, поилъ ихъ. Потомъ топилъ печи, чистилъ сапоги, одежу хозяевамъ, ставилъ самовары, чистилъ ихъ, потомъ либо приказчикъ звалъ его вытаскивать товаръ, либо кухарка приказывала ему мѣсить тѣсто, чистить кастрюли. Потомъ посылали его въ городъ, то съ запиской, то за хозяйской дочерью въ гимназію, то за деревяннымъ масломъ для старушки. — «Гдѣ ты пропадаешь, проклятый»,—говорилъ ему то тотъ, то другой. — «Что вамъ самимъ ходить. Алеша сбѣгаетъ. Алешка! А Алешка!» — И Алеша бѣгалъ.

Завтракалъ онъ на ходу, а обѣдать рѣдко поспѣвалъ со всѣми. Кухарка ругала его за то, что онъ не со всѣми ходитъ, но все-таки жалѣла его и оставляла ему горячаго и къ обѣду и къ ужину. Особенно много работы бывало къ праздникамъ и во время праздниковъ. И Алеша радовался праздникамъ особенно потому, что на праздники ему давали на чай, хоть и мало,—собиралось копеекъ 60,—но все-таки это были его деньги, онъ могъ истратить ихъ, какъ хотѣлъ. Жалованья же своего онъ и въ глаза не видалъ. Отецъ пріѣзжалъ, бралъ у купца и только выговаривалъ Алешкѣ, что онъ сапоги скоро растрепалъ.

Когда онъ собралъ два рубля этихъ денегъ «на чайныхъ», то купилъ, по совѣту кухарки, красную вязаную куртку, и когда надѣлъ, то не могъ ужъ свести губы отъ удовольствія.

Говорилъ Алеша мало и, когда говорилъ, то всегда отрывисто и коротко. И когда ему что приказывали сдѣлать или спрашивали, можетъ ли онъ сдѣлать то и то, то онъ всегда безъ малѣйшаго колебанія говорилъ: — «Это все можно» и сейчасъ же дѣлалъ.

Молитвъ онъ никакихъ не зналъ; какъ его мать учила, онъ забылъ, а все-таки молился и утромъ и вечеромъ — молился руками, крестясь.

Такъ прожилъ Алеша полтора года, и тутъ, во второй половинѣ второго года случилось съ нимъ самое необыкновенное въ его жизни событіе. Событіе это состояло въ томъ, что онъ, къ удивленію своему, узналъ, что, кромѣ тѣхъ отношеній между людьми, которыя происходятъ отъ нужды другъ въ другѣ, есть еще отношенія совсѣмъ особенныя: не то, чтобы нужно было человѣку вычистить сапоги, или снести покупку, или запречь лошадь, а то, что человѣкъ такъ, ни зачѣмъ нуженъ другому человѣку, нужно ему послужить, его приласкать, и что онъ, Алеша. тотъ самый человѣкъ. Узналъ онъ черезъ кухарку Устинью. Устюша была сирота, молодая, такая же работящая, какъ и Алеша, Она стала жалѣть Алешу, и Алеша въ первый разъ почувствовалъ, что онъ, самъ онъ, не его услуги, а онъ самъ нуженъ другому человѣку. Когда мать жалѣла его, онъ не замѣчалъ этого, ему казалось, что это такъ и должно быть, что это все равно, какъ онъ самъ себя жалѣетъ. Но тутъ вдругъ онъ увидалъ, что Устинья—совсѣмъ чужая, а жалѣетъ его, оставляетъ ему въ горшкѣ каши съ масломъ и, когда онъ ѣстъ, подпершись подбородкомъ на засученную руку,

смотритъ на него. И онъ взглянетъ на нее, и она засмѣется, и онъ засмѣется.

Это было такъ ново и странно, что сначала испугало Алешу. Онъ почувствовалъ, что это помѣшаетъ ему служить, какъ онъ служилъ. Но все-таки онъ былъ радъ и, когда смотрѣлъ свои штаны, заштопанные Устиньей, покачивалъ головой и улыбался. Часто за работой или на ходу онъ вспоминалъ Устинью и говорилъ: «Ай да Устинья!» Устинья помогала ему, гдѣ могла, и онъ помогалъ ей. Она разсказала ему свою судьбу, какъ она осиротѣла, какъ ее тетка взяла, какъ отдали въ городъ, какъ купеческій сынъ ее на глупость подговаривалъ, и какъ она его осадила. Она любила говорить, а ему пріятно было ее слушать. Онъ слыхалъ, что въ городахъ часто бываетъ: какіе мужики въ работникахъ — женятся на кухаркахъ. Одинъ разъ она спросила его, скоро ли его женятъ? Онъ сказалъ, что не знаетъ, и что ему не охота въ деревнѣ брать.

— Что же, кого приглядѣлъ? — сказала она.

— Да я бы тебя взялъ. Пойдешь, что ли?

— Вишь, горшокъ, горшокъ, а какъ изловчился сказать, — сказала она, ударивъ его ручникомъ по спинѣ. — Отчего же не пойти.

На масленицѣ старикъ пріѣхалъ въ городъ за деньгами. Купцова жена узнала, что Алексѣй задумалъ жениться на Устиньѣ, и ей не понравилось это. «Забеременѣетъ, съ ребенкомъ куда она годится». Она сказала мужу.

Хозяинъ отдалъ деньги Алексѣеву отцу.

— Что жъ, хорошо живетъ мой-то? — сказалъ мужикъ. — Я говорилъ — безотвѣтный.

— Безотвѣтный-то безотвѣтный, да глупость задумалъ. Жениться вздумалъ на кухаркѣ. А я женатыхъ держать не стану. Намъ это не подходяще.

— Дуракъ, дуракъ, а что вздумалъ, — сказалъ отецъ. — Ты не думай. Я прикажу ему, чтобы онъ это бросилъ.

Придя въ кухню, отецъ сѣлъ, дожидаясь сына, за столъ. Алеша бѣгалъ по дѣламъ и запыхавшись вернулся.

— Я думалъ, ты путный, а ты что задумалъ? — сказалъ отецъ.

— Да я ничего.

— Какъ ничего. Жениться захотѣлъ. Я женю, когда время подойдетъ, и женю на комъ надо, а не на шлюхѣ городской.

Отецъ много говорилъ. Алеша стоялъ и вздыхалъ. Когда отецъ кончилъ, Алеша улыбнулся.

— Что жъ, это и оставить можно.

— То-то.

Когда отецъ ушелъ, и онъ остался одинъ съ Устиньей, онъ сказалъ ей (она стояла за дверью и слушала, когда отецъ говорилъ съ сыномъ):

— Дѣло наше не того, не вышло. Слышала? Разсерчалъ, не велитъ.

Она заплакала молча въ фартукъ.

Алеша щелкнулъ языкомъ.

— Какъ не послушаешь-то. Видно, бросать надо.

Вечеромъ, когда купчиха позвала его закрыть ставни, она сказала ему:

— Что жъ, послушалъ отца, бросилъ глупости свои?

— Видно, что бросилъ, — сказалъ Алеша, засмѣялся и тутъ же заплакалъ.

Съ тѣхъ поръ Алеша не говорилъ больше съ Устиньей объ женитьбѣ и жилъ по-старому.

Постомъ приказчикъ послалъ его счищать снѣгъ съ крышъ. Онъ полѣзъ на крышу, счистилъ весь, сталъ отдирать примерзлый снѣгъ у желобовъ, ноги покатились, и онъ упалъ съ лопатой. На бѣду упалъ онъ не въ снѣгъ, а на крытый желѣзомъ выходъ. Устинья подбѣжала къ нему и хозяйская дочь.

— Ушибся, Алеша?

— Вотъ еще—ушибся. Ничего.

Онъ хотѣлъ встать, но не могъ и сталъ улыбаться. Его снесли въ дворницкую. Пришелъ фельдшеръ, осмотрѣлъ его и спросилъ, гдѣ больно.

— Больно вездѣ, да это ничего. Только что хозяинъ обидится. Надо батюшкѣ послать слухъ.

Пролежалъ Алеша двое сутокъ, на третьи послали за попомъ.

— Что же, али помирать будешь? — спросила Устинья.

— А то что же? Развѣ все и жить будемъ. Когда-нибудь надо, — быстро, какъ всегда, проговорилъ Алеша.

— Спасибо, Устюша, что жалѣла меня. Вотъ оно и лучше, что не велѣли жениться, а то бы ни къ чему было. Теперь все по-хорошему.

Молился онъ съ попомъ только руками и сердцемъ. А въ сердцѣ у него было то, что какъ здѣсь хорошо, коли слушаешь[ся] и не обижаешь, такъ и тамъ хорошо будетъ.

Говорилъ онъ мало. Только просилъ пить и все чему-то удивлялся.

Удивился чему-то, потянулся и померъ.

28 февр. 1905 г.

Фот. В. Черткова.

Троицынъ день въ Ясной Полянѣ. 1909 г.

ЧТО Я ВИДѢЛЪ ВО СНѢ...

I [1]).

— Она, какъ дочь, не существуетъ для меня; пойми, не существуетъ; но не могу же я оставить ее на шеѣ чужихъ людей. Сдѣлаю такъ, чтобы она могла жить, какъ она хочетъ, но знать ее я не могу. Да, да. Никогда въ голову не могло прійти что-нибудь подобное... Ужасно, ужасно!

Онъ пожалъ плечами, встряхнулъ головой и поднялъ глаза кверху. Говорилъ это шестидесятилѣтній князь Михаилъ Ивановичъ Ш. своему младшему брату, князю Петру Ивановичу Ш., пятидесятилѣтнему губернскому предводителю въ дальнемъ [2]) губернскомъ городѣ.

Разговоръ происходилъ въ губернскомъ городѣ, куда пріѣхалъ старшій петербургскій братъ, узнавъ, что бѣжавшая изъ его дома годъ тому назадъ [дочь] поселилась съ ребенкомъ въ этомъ самомъ городѣ.

Князь Михаилъ Ивановичъ былъ красивый, бѣло-сѣдой, свѣжій, высокій старикъ съ гордымъ и привлекательнымъ лицомъ и пріемами. Семья его состояла изъ раздражительной, часто ссорившейся съ нимъ изъ-за всякихъ пустяковъ, вульгарной жены, сына не совсѣмъ удачнаго, мота и кутилы, но вполнѣ «порядочнаго», какъ понималъ отецъ, человѣка, и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна, старшая, хорошо вышла замужъ и жила въ Петербургѣ [и] меньшая—любимая дочь Лиза, та самая, которая почти годъ тому назадъ исчезла изъ дома и только теперь нашлась съ ребенкомъ въ дальнемъ губернскомъ городѣ.

Князь Петръ Ивановичъ хотѣлъ спросить брата, какъ, при какихъ условіяхъ ушла Лиза, кто могъ быть отцомъ ребенка, но не могъ рѣшиться спросить. Еще сегодня утромъ, когда жена Пе-

---

[1]) См. примѣчаніе 1-е.
[2]) См. примѣчаніе 2-е.

тра Ивановича стала выражать сочувствіе деверю, князь Петръ Ивановичъ видѣлъ, какое страданіе выразилось на лицѣ брата, и какъ онъ старательно скрылъ это страданіе подъ выраженіемъ неприступной гордости и сталъ разспрашивать невѣстку о цѣнѣ ея квартиры. За завтракомъ, при всѣхъ семейныхъ и гостяхъ, онъ, какъ всегда, былъ ядовито и остроумно насмѣшливъ. Со всѣми, кромѣ дѣтей, съ которыми онъ былъ какъ-то почтительно ласковъ, онъ со всѣми былъ неприступно надменъ. И притомъ былъ такъ естественъ, что всѣ какъ будто признавали за нимъ право быть надменнымъ.

Вечеромъ братъ составилъ ему партію въ винтъ. Когда онъ ушелъ въ приготовленную ему комнату, онъ только что взялся вынимать фальшивые зубы, какъ въ дверь слегка постучались двумя ударами.

— Кто тамъ?

— C'est moi, Michel. [1]).

Князь Михаилъ Ивановичъ узналъ голосъ невѣстки, поморщился, вставилъ назадъ зубы и проговорилъ про себя: «Чего ей нужно?» и громко:

— Entrez. [2]).

Невѣстка была тихое, кроткое существо, безропотно покорявшаяся мужу, но чудачка, какъ ее называли (нѣкоторые считали ее даже дурочкой), хотя и хорошенькая, всегда растрепанная, неряшливо, небрежно одѣтая, всегда разсѣянная и съ самыми странными, неподходящими къ предводительшѣ, не аристократическими мыслями, которыя она вдругъ выражала, къ удивленію всѣхъ — и знакомыхъ и мужа.

— Vous pouvez me renvoyer, mais je ne m'en irai pas, je vous le dis d'avance, [3]) — начала она свою рѣчь съ свойственной ей нелогичностью.

— Dieu preserve, [4]) — отвѣчалъ деверь, съ своей обычной, нѣсколько преувеличенной учтивостью подвигая ей кресло.—Ça ne vous dérange pas? [5]) — сказалъ онъ, вынимая папироску.

---

[1]) Это я, Миша.
[2]) Войдите.
[3]) Вы можете меня прогнать, но я не уйду, говорю вамъ это напередъ.
[4]) Боже сохрани.
[5]) Вамъ это не помѣшаетъ?

— Вотъ что, Мишель, я не буду говорить ничего непріятнаго, я только хотѣла сказать объ Лизанькѣ.

Михаилъ Ивановичъ вздохнулъ, очевидно отъ боли, но тотчасъ же справился и, улыбаясь усталой улыбкой, сказалъ:

— Разговоръ съ тобой можетъ быть для меня объ одномъ предметѣ, именно, о томъ, о которомъ ты хочешь говорить,—сказалъ онъ, не глядя на нее и, очевидно, избѣгая даже названія предмета разговора.

Но толстенькая, кругленькая, миловидная невѣстка не смутилась и, тѣмъ же добрымъ, умоляющимъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ продолжая смотрѣть на Михаила Ивановича, сказала, такъ же и еще болѣе, чѣмъ онъ, тяжело вздыхая:

— Мишель, mon bon ami, [1]) пожалѣйте ее!—Она, какъ всегда, говорила съ деверемъ, сбиваясь на «вы».—Вѣдь она человѣкъ.

— Я никогда не сомнѣвался въ этомъ, — съ непріятной улыбкой отвѣчалъ Михаилъ Ивановичъ.

— Она дочь.

— Была, да. Но, милая Алинъ, къ чему эти разговоры?

— Мишель, милый, повидайте ее! Я хотѣла сказать вамъ только то, что тотъ, кто виноватъ во всемъ...

Князь Михаилъ Ивановичъ вспыхнулъ, лицо его стало страшно.

— Ради Бога, не будемъ говорить! Довольно я перестрадалъ. Теперь ничего нѣтъ для меня, кромѣ желанія поставить ее въ такое положеніе, чтобы она никому не была въ тягость, чтобы ей не нужно было входить ни въ какія сношенія со мной, чтобы она могла жить своей отдѣльной жизнью и мы съ семьей—своей жизнью, не зная ся. Я не могу иначе.

— Мишель, все «я», вѣдь она тоже «я».

— Это несомнѣнно, но, милая Алинъ, пожалуйста, оставимъ это. Мнѣ слишкомъ тяжело.

Александра Дмитріевна помолчала, покачала головой.

— И Маша (жена Михаила Ивановича) такъ же смотритъ?

— Совершенно такъ же.

Александра Дмитріевна пощелкала языкомъ.

— Brisons là-dessus. Et bonne nuit, [2]) — сказалъ онъ.

---

[1]) Мой добрый другъ.

[2]) Остановимся на этомъ. И покойной ночи.

Но Александра Дмитріевна не уходила. Она помолчала.

— Петя мнѣ говорилъ, что вы хотите оставить деньги той женщинѣ, у которой она живетъ. Вы знаете адресъ?

— Знаю.

— Такъ не дѣлайте это черезъ насъ, а съѣздите сами. Вы только посмотрите, какъ она живетъ. Если вы не захотите видѣть ее, то навѣрное не увидите. Его тамъ нѣтъ, никого нѣтъ.

Михаилъ Ивановичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ! за что, за что вы меня мучаете? Это негостепріимно.

Александра Дмитріевна встала и, съ слезами въ голосѣ, умиляясь сама надъ собой, проговорила:

— Она такая жалкая и такая хорошая.

Онъ всталъ и стоялъ, дожидаясь, пока она кончитъ. Она протянула ему руку.

— Мишель, это нехорошо, — сказала она и вышла.

Долго послѣ нея ходилъ Михаилъ Ивановичъ по ковру комнаты, превращенной для него въ спальню, и морщился, и вздрагивалъ, и вскрикивалъ: «Охъ, охъ!» и, услыхавъ себя, пугался и замолкалъ.

Мучила его оскорбленная гордость. Его дочь, его, выросшаго въ домѣ своей матери, знаменитой Авдотьи Борисовны, принимавшей посѣщенія императрицъ, его, знакомство съ которымъ считалось за великую честь, его, проведшаго свою жизнь рыцаремъ безъ страха и упрека... То, что у него былъ побочный сынъ отъ француженки, котораго онъ устроилъ за границей, не уменьшало въ немъ его высокаго мнѣнія о себѣ. И вотъ, его дочь, для которой онъ не только сдѣлалъ все, что можетъ и долженъ сдѣлать отецъ: далъ прекрасное воспитаніе, далъ ей возможность выбирать себѣ партію въ высшемъ и лучшемъ русскомъ обществѣ, но не только та дочь, которой онъ далъ все то, чего только можетъ желать дѣвушка, но которую онъ прямо любилъ, которой любовался, гордился,—эта дочь опозорила его, сдѣлала съ нимъ то, что онъ не можетъ смотрѣть въ глаза людямъ, что ему стыдно всѣхъ.

И онъ вспоминалъ тѣ времена, когда онъ не только относился къ ней, какъ къ своей дочери, къ члену его семьи, но когда онъ нѣжно любилъ ее, радовался на нее, гордился ею. Онъ вспоминалъ ее, какою она была, когда ей было восемь-девять лѣтъ: умненькая, все понимающая, живая, быстрая, граціозная дѣвочка, съ черными, блестящими глазами и распущенными русыми волосами на костля-

вой спинкѣ. Вспоминалъ онъ, какъ она вскакивала къ нему на колѣни и обнимала за шею и щекотала его, заливаясь хохотомъ, и, несмотря на его крикъ, не переставала, и потомъ цѣловала въ ротъ, въ глаза, въ щеки. Онъ былъ врагъ всякой экспансивности, но эта экспансивность умиляла его, и онъ иногда отдавался ей, и вспоминалъ теперь, какъ было пріятно ласкать ее.

И это-то, когда-то милое существо могло сдѣлаться тѣмъ, что оно стало теперь,—существомъ, про которое онъ не могъ думать безъ отвращенія.

Онъ вспоминалъ теперь тоже то время, когда она становилась женщиной, и то особенное чувство страха и оскорбленія, которое онъ испытывалъ къ ней, когда замѣчалъ, что мужчины смотрятъ на нее какъ на женщину. Онъ вспоминалъ объ этомъ своемъ ревнивомъ отношеніи къ дочери, когда она, съ кокетливымъ чувствомъ, зная, что она хороша, приходила къ нему въ бальномъ платьѣ, и когда онъ видѣлъ ее на балахъ. Онъ боялся нечистыхъ взглядовъ на нее, а она не только не понимала этого, но радовалась этому. «Да,—думалъ онъ,—какое суевѣріе чистота женщинъ. Напротивъ, онѣ не знаютъ стыда, у нихъ нѣтъ стыда».

Онъ вспомнилъ, какъ она, непонятно для него почему, отказала двумъ очень хорошимъ женихамъ и какъ, продолжая ѣздить въ свѣтъ, все болѣе и болѣе увлекалась не кѣмъ-нибудь, но увлекалась своимъ успѣхомъ. Но успѣхъ этотъ не могъ продолжаться долго. Прошли годъ, два, три. Всѣ приглядѣлись къ ней, она была красива, но уже не первой молодости, и стала какъ бы обычнымъ аксессуаромъ баловъ. Михаилъ Ивановичъ вспоминалъ, какъ онъ видѣлъ, что она засидится, и желалъ для нея одного: выдать поскорѣе замужъ, хоть не такъ хорошо, какъ можно было прежде, но хоть какъ-нибудь прилично. Но она какъ-то особенно вызывающе-гордо держала себя, ему казалось, и, вспоминая это, еще болѣе злое чувство поднялось въ немъ противъ нея. Отказала сколькимъ порядочнымъ людямъ, чтобы потомъ этотъ ужасъ...—О, охъ!—опять застоналъ онъ и, остановившись, закурилъ папиросу и хотѣлъ думать о другомъ: какъ онъ перешлетъ ей деньги, не допустивъ ея до себя; но опять встало воспоминаніе о томъ, какъ она уже недавно — ей было уже больше двадцати лѣтъ — затѣяла какой-то романъ съ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, пажемъ, гостившимъ у нихъ въ деревнѣ. Какъ

она довела мальчика до сумасшествія, какъ онъ разливался—плакалъ, и какъ она серьезно, холодно и даже грубо отвѣчала отцу, когда онъ, чтобъ прекратить этотъ глупый романъ, велѣлъ мальчику уѣхать; и какъ съ тѣхъ поръ у него и прежде довольно холодныя отношенія къ дочери стали совсѣмъ холодными и съ ея стороны. Она какъ будто считала себя чѣмъ-то оскорбленной.

«А какъ я былъ правъ», думалъ онъ теперь. «Это безстыдная и недобрая натура».

И вотъ опять послѣднее ужасное воспоминаніе письма изъ Москвы, въ которомъ она писала, что она не можетъ вернуться домой, что она несчастная, погибшая женщина, проситъ простить и забыть ее. И ужасныя воспоминанія о разговорахъ съ женой и догадкахъ, циническихъ догадкахъ, перешедшихъ наконецъ въ достовѣрность, что несчастіе случилось въ Финляндіи, куда ее отпустили гостить къ теткѣ, и что виновникъ его—ничтожный студентъ шведъ, пустой, дрянной человѣкъ и женатый.

Все это онъ вспоминалъ теперь и ходилъ, ходилъ взадъ и впередъ по ковру комнаты, вспоминая и прежнюю свою любовь къ ней, гордость за нее и ужасаясь на это непонятное для него паденіе и ненавидя ее за ту боль, которую она ему сдѣлала. Онъ вспоминалъ то, что говорила ему невѣстка, и старался представить себѣ, какъ бы онъ могъ простить ее, но стоило ему только вспомнить *«его»*, и ужасъ, отвращеніе, оскорбленная гордость наполняли его сердце. И онъ вскрикивалъ: — Охъ, охъ! — и старался думать о другомъ.

«Нѣтъ, это невозможно. Отдамъ Петѣ деньги, чтобы онъ давалъ ей ежемѣсячно. А у меня нѣтъ, нѣтъ дочери»...

И онъ попалъ опять на прежнюю колею того страннаго, смѣшаннаго чувства, которое непереставая мучило его: чувства умиленія передъ воспоминаніемъ о его любви къ ней и чувства мучительной злобы за то, что она могла сдѣлать ему такъ больно.

II.

Лиза въ этотъ одинъ послѣдній годъ пережила безъ всякаго сравненія больше, чѣмъ она пережила во всѣ прежніе двадцать пять лѣтъ. Въ этотъ годъ ей вдругъ открылась вся пустота ея прежней жизни: ясна стала вся низменность, вся гадость той жизни, которую она вела въ своемъ богатомъ петербургскомъ

обществѣ и домѣ, гдѣ она вмѣстѣ со всѣми играла животной жизнью, касаясь только верховъ ея, пользуясь всѣми прелестями ея, но не спускаясь до глубины ея. Хорошо было годъ, два, три, но когда это: вечера, балы, концерты, ужины, бальныя платья, прически, выставляющія красоту тѣла, молодые и немолодые ухаживатели, всѣ одинакіе, всѣ что-то какъ будто знающіе, имѣющіе какъ будто право всѣмъ пользоваться и надо всѣмъ смѣяться, когда лѣтніе мѣсяцы на дачахъ съ такой же природой, тоже только дающей верхи пріятности жизни, когда и музыка и чтеніе, тоже такія же—только задирающія вопросы жизни, но не разрѣшающія ихъ,—когда все это продолжалось семь, восемь лѣтъ, не только не обѣщая никакой перемѣны, но, напротивъ, все больше и больше теряя прелести, она пришла въ отчаяніе, и на нее стало находить состояніе отчаянія, желанія смерти. Подруги направили ее на дѣятельность благотворительности. Она увидала, съ одной стороны, нищету, настоящую, отталкивающую, и—притворную, еще болѣе жалкую и отталкивающую, и увидала страшную холодность дамъ патронессъ, пріѣзжающихъ на своихъ тысячныхъ экипажахъ и въ тысячныхъ нарядахъ, и ей становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Хотѣлось чего-нибудь настоящаго, хотѣлось жизни, а не игры съ ней, не сниманія пѣнокъ. И не было никакой. Лучшее изъ ея воспоминаній была любовь къ кадету Коко, какъ его звали. То было хорошее, честное, прямое; но ничего подобнаго теперь не было и не могло быть. Она все больше и больше тосковала и въ этомъ тоскливомъ положеніи поѣхала къ теткѣ въ Финляндію. Новая обстановка, новая природа, новые люди какіе-то особенные показались ей особенно привлекательными.

Какъ и когда это началось, она не могла дать себѣ отчета. У тетки гостилъ шведъ. Онъ говорилъ о своихъ работахъ, о своемъ народѣ, о новомъ шведскомъ романѣ, и она сама не знаетъ, какъ и когда началось это страшное зараженіе взглядами и улыбками, смыслъ которыхъ нельзя было выразить словами, но которые имѣли значеніе, какъ ей казалось, превосходящее всякія слова. Эти взгляды и улыбки открывали другъ другу ихъ души, не только ихъ души, но какія-то общія всему человѣчеству, великія и самыя важныя тайны. Всякое сказанное ими слово получало отъ этихъ улыбокъ величайшее и блаженнѣйшее значеніе. Такое же значеніе получала и музыка, когда они слушали ее вмѣстѣ или пѣли дуэты.

Такое же значеніе получали слова читаемыхъ вслухъ книгъ. Иногда они спорили, каждый отстаивалъ свое мнѣніе, но стоило имъ встрѣтиться глазами и блеснуть улыбкѣ, и споръ оставался гдѣ-то внизу, а они поднимались надъ нимъ въ какой-то возвышенной, доступной только имъ области.

Какъ это сдѣлалось, какъ, когда изъ-за этихъ взглядовъ и улыбокъ выступилъ дьяволъ, въ одно и то же время схватившій ихъ, она не могла бы сказать; но когда она почувствовала страхъ передъ дьяволомъ, невидимыя нити, связывающія ихъ, были ужъ такъ переплетены, что она чувствовала свое безсиліе вырваться изъ нихъ и всю надежду возлагала уже на него, на его благородство. Она надѣялась, что онъ не воспользуется своей силой, но и смутно не желала этого.

Безсиліе ея въ борьбѣ усиливалось еще тѣмъ, что ей не за что было держаться. Жизнь ея свѣтская съ своей поверхностностью и фальшью опротивѣла ей. Мать свою она не любила, отецъ, какъ ей казалось, оттолкнулъ ее отъ себя; и ей страстно хотѣлось не игры съ жизнью, а самой жизни; и въ любви, въ совершенной женской любви къ мужчинѣ, она предчувствовала эту жизнь. И страстная, здоровая натура влекла ее туда же. И эта жизнь представлялась ей въ немъ, въ его высокой, сильной фигурѣ, въ его бѣлокурой головѣ и бѣлыхъ поднятыхъ усахъ, изъ-подъ которыхъ [сіяла] притягивающая, всемогущая улыбка. [Въ этомъ] она видѣла обѣщаніе чего-то самаго лучшаго, что есть на свѣтѣ. И вотъ, улыбки и взгляды, надежды и обѣщанія чего-то невозможно-прекраснаго привели къ тому, къ чему они должны были привести, но чего она боялась и чего смутно безсознательно ожидала. И вдругъ все прекрасное, духовное, радостное, полное надеждъ на будущее, вдругъ все стало отвратительнымъ, животнымъ и не только печальнымъ, но отчаяннымъ.

Она смотрѣла въ глаза ему, старалась улыбаться, старалась притворяться, что она не боится ничего, что это такъ и должно быть, но она въ глубинѣ души знала, что теперь все пропало, что въ немъ нѣтъ того, чего она искала, что было въ ней, что было въ Коко. Она сказала ему, что онъ долженъ написать теперь ея отцу, прося ея руки. Онъ сказалъ, что сдѣлаетъ это. Потомъ, при второмъ свиданіи, сказалъ, что не можетъ сдѣлать этого сейчасъ. Въ глазахъ его было что-то робкое, неясное, и она еще больше усумнилась въ

немъ. На другой день онъ прислалъ ей письмо, въ которомъ объявилъ, что онъ женатъ, что жена давно оставила его, что онъ погибъ теперь въ ея глазахъ, что онъ виноватъ, умоляетъ ее о прощеніи... Она позвала его и на словахъ сказала ему, что она любитъ его и, все равно, женатъ онъ былъ или нѣтъ, чувствуетъ себя навѣки связанной съ нимъ и не оставитъ его.

Въ слѣдующее свиданіе онъ сказалъ, что у него ничего нѣтъ, что родители его бѣдные, и что онъ можетъ предложить ей только самую бѣдную жизнь. Она сказала, что ей ничего не нужно, и что она сейчасъ же готова ѣхать съ нимъ, куда онъ хочетъ. Онъ отговаривалъ ее, совѣтовалъ подождать. Она согласилась. Но жизнь съ скрываніемъ отъ домашнихъ, съ случайными свиданіями и тайной перепиской была ей мучительна, и она настаивала на отъѣздѣ и бѣгствѣ.

Когда она переѣхала въ Петербургъ, онъ писалъ ей, обѣщая пріѣхать, потомъ пересталъ писать и исчезъ. Она попыталась жить попрежнему, но не могла. Она стала болѣть, ее лѣчили, но положеніе ея становилось хуже и хуже. Когда же она убѣдилась, что ей надо будетъ скрыть то, что она хотѣла скрыть, она рѣшила убить себя. Но какъ сдѣлать это такъ, чтобы смерть казалась естественной? Она хотѣла убить себя, ей казалось, что она окончательно рѣшила это, и достала яду, всыпала его въ рюмку и готова была выпить... Она и выпила бы его, если бы въ это время не вбѣжалъ къ ней пятилѣтній племянникъ, сынъ сестры, показывая ей подаренную бабушкой игрушку. Она остановилась, приласкала мальчика и вдругъ расплакалась. Ей пришла мысль, что она могла бы быть матерью, если бы онъ не былъ женатъ; и мысль о материнствѣ въ первый разъ заставила ее вернуться въ себя, думать не о томъ, что подумаютъ и скажутъ о ней другіе, а о своей, настоящей своей жизни. Убить себя ради мнѣнія другихъ людей казалось легко, но убить себя для себя было невозможно. Она вылила ядъ и перестала думать о самоубійствѣ, а стала жить сама въ себѣ, и жизнь эта была мучительна, но была жизнь, она не хотѣла и не могла разстаться съ нею. Она стала молиться, чего она давно уже не дѣлала, но это не облегчало. Она страдала не за себя, а за страданія отца, которыя она понимала и жалѣла его; но знала, что страданія эти будутъ, и она виною ихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ такъ шла ея жизнь, и вдругъ съ ней случилось событіе никому незамѣтное, даже ей почти неза-

мѣтное, но такое, которое уже совсѣмъ перевернуло ея жизнь. Она вдругъ, сидя за работой, — она вязала одѣяло — почувствовала странное ощущеніе движенія въ себѣ.

— Да нѣтъ, не можетъ быть!—Она замерла съ крючкомъ и одѣяломъ въ рукахъ. И вдругъ опять то же удивительное колебаніе. Неужели это онъ или она? И она, забывъ про все, про его гадость и ложь, и про раздражительность матери, про горе отца, просіяла улыбкой, но не той гнусной улыбкой, которой она отвѣчала на такія же улыбки его, а свѣтлой, чистой, радостной улыбкой.

Она ужасалась теперь мысли, что она могла думать убить *его* вмѣстѣ съ собой, и теперь всѣ свои мысли направила на то, какъ уйти изъ дома, куда, и гдѣ сдѣлаться матерью, несчастной, жалкой матерью, но все-таки матерью. И она все это придумала и устроила, и ушла и поселилась въ далекомъ губернскомъ городѣ, гдѣ никто не могъ бы найти ее, и гдѣ она думала быть въ дали отъ своихъ, и гдѣ, на ея бѣду, былъ выбранъ предводителемъ [1]) братъ ея отца, чего она никакъ не ожидала.

Она жила у акушерки Маріи Ивановны уже четвертый мѣсяцъ и, узнавъ о томъ, что дядя въ томъ же городѣ, собиралась уѣхать куда-нибудь дальше.

III.

Михаилъ Ивановичъ проснулся рано и въ это же утро, войдя въ кабинетъ брата, отдалъ ему приготовленный чекъ на деньги, которыя онъ оставлялъ брату, прося его помѣсячно выдавать ихъ дочери, и спросилъ, когда отходитъ въ Петербургъ курьерскій. Поѣздъ отходилъ въ семь часовъ вечера, такъ что Михаилъ Ивановичъ могъ успѣть пообѣдать раннимъ обѣдомъ до отъѣзда. Напившись кофе съ невѣсткой, которая ничего не говорила больше о томъ, что такъ было тяжело ему, а только робко взглядывала на него, онъ, по своей обыкновенной гигіенической привычкѣ, пошелъ сдѣлать обычную прогулку.

Александра Дмитріевна проводила его до передней.

---

[1]) См. примѣчаніе 3-е.

— Вы пройдите, Мишель, въ городской садъ, тамъ прекрасно ходить и отъ *всего* близко, — сказала она, жалостно глядя ему въ сердитое лицо.

Михаилъ Ивановичъ послушался ея совѣта и пошелъ въ городской садъ, откуда было все близко, и съ досадой думалъ о глупости, упорствѣ и безсердечности женщинъ. «Ей не жалко меня», думалъ онъ о невѣсткѣ. «Она и понять не можетъ моихъ страданій. А она?»—онъ подумалъ о дочери.—«Она знаетъ, что это для меня, какая это мука! Какой ужасный ударъ въ концѣ жизни, которую укоротитъ навѣрное она же. Ну, да и лучше конецъ, чѣмъ эти мученія. И все это pour les beaux yeux d'un chenapan[1]). О-о-о,—громко простоналъ онъ, и такое чувство ненависти и злобы поднялось въ немъ при мысли о всемъ томъ, что теперь будутъ говорить въ городѣ, когда всѣ узнаютъ (навѣрное всѣ уже знаютъ), такое чувство злобы поднялось въ немъ противъ нея, что захотѣлось все сказать ей, дать ей понять все значеніе того, что она сдѣлала. «Онѣ не понимаютъ».

«Оттуда все близко», подумалъ онъ и, доставъ записную книжку, прочелъ ея адресъ: Кухонная улица, д. Абрамова, Вѣра Ивановна Селиверстова. Она жила подъ этимъ именемъ. Онъ подошелъ къ выходу и кликнулъ извозчика.

— Вамъ кого, господинъ? — спросила его Марія Ивановна, акушерка, когда онъ вошелъ на узкую площадку крутой, вонючей лѣстницы.

— Госпожа Селиверстова здѣсь?

— Вѣра Ивановна? Здѣсь, пожалуйте. Она вышедши, въ лавочку пошла, должно, сейчасъ придетъ.

Михаилъ Ивановичъ вошелъ за толстой Марьей Ивановной въ маленькую гостиную, и его какъ ножомъ рѣзнулъ, какъ ему показалось, отвратительный, злой крикъ ребенка изъ сосѣдней комнатки.

Марія Ивановна извинилась, ушла въ комнатку, и слышно было, какъ [она] успокаивала ребенка. Ребенокъ затихъ, и она вышла.

— Это ея ребеночекъ. Она сейчасъ придетъ. Вы кто же будете?

— Я — знакомый. Да я лучше послѣ приду, – сказалъ Михаилъ Ивановичъ, готовясь уйти. Такъ мучительно ему было гс-

---

[1]) Ради прекрасныхъ глазъ шалопая.

товиться къ встрѣчѣ съ ней и такъ невозможно казалось какое бы то ни было объясненіе.

Онъ только повернулся и хотѣлъ уйти, какъ по лѣстницѣ послышались легкіе, быстрые шаги, и онъ узналъ голосъ Лизы.

— Марья Ивановна, что, не кричалъ безъ меня? А я...

И она вдругъ увидала отца. Кулекъ, который она держала въ рукѣ, выпалъ у нея изъ рукъ.

— Папа?! — вскрикнула она и, вся блѣдная и трясущаяся всѣмъ тѣломъ, остановилась въ дверяхъ.

Онъ смотрѣлъ на нее и не двигался съ мѣста. Она похудѣла, глаза стали больше, носъ завострился, руки тонкія, костлявыя. И не зналъ, что сказать и что сдѣлать. Онъ забылъ теперь все то, что думалъ о своемъ срамѣ, и ему только жалко, жалко было ее, жалко и за ея худобу, и за ея плохую, простую одежду, и, главное, за жалкое лицо ея съ умоляющими о чемъ-то, устремленными на него глазами.

— Папа, прости, — сказала она, подвигаясь къ нему.

— Меня, — проговорилъ онъ, — меня прости, — и онъ захлюпалъ, какъ ребенокъ, цѣлуя ея лицо, руки и обливая ихъ слезами.

Жалость къ ней открыла ему самого себя. И, увидавъ себя, какой онъ былъ дѣйствительно, онъ понялъ, какъ онъ виноватъ передъ ней, виноватъ за свою гордость, холодность, даже злобу къ ней. И онъ радъ былъ тому, что виноватъ, что ему нечего прощать, а самому нужно прощеніе.

Она повела его въ свою комнату, разсказала ему, какъ она живетъ, но не показывала ему ребенка и ничего не говорила о прошедшемъ, зная, что это было бы мучительно для него. Онъ сказалъ ей, что ей надо устроиться иначе.

— Да, если бы въ деревнѣ, — сказала она.

— Мы все обдумаемъ это, — сказалъ онъ.

Вдругъ за дверью сначала запищалъ, а потомъ закричалъ ребенокъ. Она открыла широко глаза и, не спуская ихъ съ отца, замерла въ нерѣшительности.

— Что жъ, тебѣ кормить надо, — сказалъ Михаилъ Ивановичъ, шевеля бровями отъ явнаго внутренняго усилія.

Она поднялась, и ей вдругъ пришла безумная мысль показать тому, кого она такъ давно любила, того, кого она теперь любила

больше всего на свѣтѣ. Но, прежде чѣмъ сказать то, что хотѣла, она взглянула въ лицо отца: разсердится онъ или нѣтъ? Лицо отца выражало не сердитость, но одно страданіе.

— Да иди, иди, — сказалъ онъ. — Слава Богу. Да, я завтра приду опять, и мы рѣшимъ. Прощай, голубушка. Да, прощай.—И опять ему трудно было удержать поднявшійся комокъ въ горлѣ.

Когда Михаилъ Ивановичъ вернулся къ брату, Александра Дмитріевна тотчасъ спросила его:

— Ну, что?

— Да ничего.

— Видѣли? — спросила она, по лицу его догадываясь, что что-то случилось.

— Да, — скороговоркой проговорилъ онъ и вдругъ заплакалъ.

— Да, и глупъ и старъ сталъ, — сказалъ онъ, успокаиваясь.

— Нѣтъ, уменъ, очень уменъ.

Михаилъ Ивановичъ простилъ дочь, совсѣмъ простилъ и ради прощенія побѣдилъ въ себѣ весь страхъ передъ славой людской. Онъ устроилъ дочь у сестры Александры Дмитріевны, жившей въ деревнѣ, и видался съ дочерью и любилъ ее не только попрежнему, но еще больше, чѣмъ прежде, и часто пріѣзжалъ къ ней и гостилъ у нея. Но ребенка онъ избѣгалъ видѣть и не могъ побѣдить въ себѣ чувства отвращенія, омерзенія къ нему. И это было источникомъ страданій дочери.

13 ноября 1906 г.
Ясная Поляна.

ОТЪ НЕЙ ВСѢ КАЧЕСТВА.

(КОМЕДІЯ).[1])

[1]) См. примѣчаніе 1-е.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Старуха Акулина, 70 лѣтъ, еще бодрая, степенная, стараго завѣта.

Михайла, ея сынъ, 35 лѣтъ, страстный, самолюбивый, тщеславный, сильный.

Марфа, ея сноха, 32 лѣтъ, ворчливая, говоритъ много и быстро.

Парашка, 10 лѣтъ, дочь Марфы и Михайлы.

Десятскій Тарасъ, 50 лѣтъ, степенный, говоритъ медленно, важничаетъ.

Прохожій, 40 лѣтъ, вертлявый, худой, говоритъ значительно, въ пьяномъ видѣ особенно развязенъ.

Игнатъ, 40 лѣтъ, балагуръ, веселый, глупый.

Сосѣдъ, 40 лѣтъ, суетливый.

ДѢИСТВІЕ I.

Осень. Изба съ чуланомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Старуха **Акулина** *прядетъ; хозяйка* **Марфа** *мѣситъ хлѣбы; дѣвочка* **Парашка** *качаетъ люльку.*

Марфа. Охъ, недоброе чуетъ мое сердце. Чего стоять-то. Не хуже, какъ намедни съ дровами ѣздилъ. Безъ малаго половину пропилъ. А все я виновата.

Акулина. Что плохое загадывать. Рано еще. Тоже не ближній свѣтъ. Пока что...

Марфа. Гдѣ рано. Акимычъ вернулся же. А еще позже нашего поѣхалъ, а нашего все нѣтъ. Мыкаешься, мыкаешься, а только и радости.

Акулина. Акимычъ на мѣсто ставилъ, а нашъ на базарѣ.

Марфа. Не думалось бы, кабы одинъ, а то съ Игнатомъ поѣхалъ. А какъ съ толстомордымъ кобелемъ этимъ. прости Господи,

сойдется, добра не бывать, не миновать—напьется. День деньской бьешься, бьешься. Все на тебѣ. Добро бы приждать чего было. А то только и радости, что трепись съ утра до ночи.

(Отворяется дверь, входитъ десятскій Тарасъ и оборванный прохожій.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Тарасъ *и* прохожій.

Тарасъ. Здорово живете! Вотъ вамъ постояльца привелъ.

Прохожій *(кланяется)*. Хозяевамъ мое почтеніе.

Марфа. Что больно часто къ намъ ставишь? У насъ въ середу ночевалъ. Все къ намъ да къ намъ. Къ Степанидѣ бы ставилъ. У нихъ и ребятъ нѣтъ. А я съ своими не разберусь. А ты все къ намъ да къ намъ.

Тарасъ. По череду ставимъ.

Марфа. Ты говоришь: по череду. А у меня ребята, да и хозяина нѣтъ.

Тарасъ. Переночуетъ, мѣста не пролежитъ.

Акулина *(къ прохожему)*. Проходи, садись, гостемъ будешь.

Прохожій. Приношу благодарность. Покушать бы, если бы можно.

Марфа. Ничего не видамши, сейчасъ и покушать. Что же, развѣ по деревнѣ не прошелъ?

Прохожій *(вздыхаетъ)*. По званію своему не привыченъ я. А такъ какъ продухтовъ своихъ не имѣемъ...

Акулина *(встаетъ, достаетъ хлѣбъ, отрѣзаетъ и подаетъ прохожему)*.

Прохожій *(беретъ хлѣбъ)*. Мерси *(садится на конникъ и жадно ѣстъ)*.

Тарасъ. Михайла-то гдѣ же?

Марфа. Да въ городу, сѣно повезъ. Пора бы вернуться, а все нѣтъ. Вотъ и думается, какъ бы чего не случилось.

Тарасъ. Чего же случится?

Марфа. Какъ чего? Хорошаго не увидишь, а худого только и жди. А то какъ изъ дома уѣхалъ, ему и горюшки мало. Вотъ и теперь того и жду, что пьяный вернется.

Акулина *(садится за прялку, къ Тарасу, указывая на Марфу)*. Нѣтъ того, чтобы помолчать. Я и то говорю: у нашей сестры обо всемъ докука.

Марфа. Кабы онъ одинъ, не думалось бы. А то съ Игнатомъ поѣхали.

Тарасъ *(усмѣхается)*. Ну, Игнатъ Иванычъ точно, что насчетъ выпивки дюже охотливъ.

Акулина. Что жъ, не видалъ онъ Игната? Игнатъ самъ по себѣ, а онъ самъ по себѣ.

Марфа. Тебѣ, матушка, хорошо говорить. А вѣдь его гульба-то вотъ гдѣ *(показываетъ на шею)*. Пока тверезъ, грѣшить не стану, а пьяный, сама знаешь, каковъ. Слово не скажи, все не такъ.

Тарасъ. Да и ваша сестра тоже. Человѣкъ выпилъ. Ну что же, дай покуражится, выспится, опять все чередомъ пойдетъ. А ваша сестра тутъ-то и перечитъ.

Марфа. Что хошь дѣлай. Если пьяный, все не по немъ.

Тарасъ. Да вѣдь все надо понимать. Нашему брату тоже нельзя другой разъ не выпить. Ваше дѣло бабье — домашнее, а нашему брату нельзя, если по дѣлу или въ компаніи. Ну и выпьешь, авось бѣды нѣтъ.

Марфа. Да, тебѣ хорошо говорить, а нашей сестрѣ трудно. Охъ, трудно. Кабы вашего брата хоть на недѣльку бы въ нашу должность впрячь, вы бы не то заговорили. И мѣси, и вари, и пеки, и пряди, и тки, и скотина, и всѣ дѣла, а этихъ голопузыхъ обмыть, одѣть, накормить,—все на нашей сестрѣ; а чуть что не по немъ, сейчасъ, особенно выпивши. Охъ, житье наше бабье...

Прохожій *(прожевывая)*. Это правильно, отъ ней всѣ качества, значитъ, всѣ катàстрофы жизни отъ алкогольныхъ напитковъ.

Тарасъ. Видно, она-то и тебя съ пофей сбила.

Прохожій. Она-то не она, а тоже и отъ ней пострадалъ,—карьера жизни моей могла бы совсѣмъ иная быть, кабы не она.

Тарасъ. А на мой разумъ, если пить ее съ умомъ, вреда отъ ней нѣтъ никакого.

Прохожій. А я такъ скажу, что въ ней такая сила енерціи имѣется, что она можетъ вполнѣ испортить человѣка.

Марфа. Я и говорю: ты хлопочи, старайся, и одна тебѣ утѣха, что изругаетъ да изобьетъ, какъ собаку.

Прохожій. Мало того, есть такіе люди, субъекты, значитъ, что вовсе отъ ней разсудка лишаются и поступки совсѣмъ несоотвѣтствующіе производятъ. Пока не пьетъ, что хошь давай ему, ничего чужого не возьметъ, а какъ выпилъ, что ни попади подъ руку — тащитъ. И били сколько, и въ тюрьмѣ сидѣлъ. Пока не пью, все честно, благородно, а какъ выпью, какъ выпьетъ, значитъ, субъектъ этотъ, сейчасъ и тащитъ, что попало.

Акулина. А я думаю, все отъ себе.

Прохожій. Въ себѣ-то въ себѣ, пока здоровъ, а это болѣзнь такая.

Тарасъ. Ну ужъ и болѣсть. Пробрать бы его какъ должно, и болѣсть эта живо прошла бы. Прощевайте пока. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же *безъ* Тараса.

(Марфа обтираетъ руки и хочетъ уходить.)

Акулина *(смотритъ на прохожаго, видитъ, что онъ съѣлъ хлѣбъ)*. Марфа, а Марфа, отрѣжь ему еще.

Марфа. Ну его. Пойти самоваръ поглядѣть. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *безъ* Марфы.

(Акулина встаетъ, идетъ къ столу, вынимаетъ хлѣбъ, отрѣзаетъ ломоть и даетъ прохожему.)

Прохожій. Мерси. Очень ужъ аппетитъ могъ возымѣть.

Акулина. Изъ мастеровыхъ будешь?

Прохожій. Я-то? Машинистомъ былъ.

Акулина. Что же, много получалъ?

Прохожій. И 50, и 70 получалъ.

Акулина. Легкое ли дѣло. Такъ какъ же такъ сбился.

Прохожій. Сбился. Не я одинъ. Сбился, потому что времена нынче такія, что честному человѣку прожить нельзя.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же *и* Марфа.

Марѳа *(вноситъ самоваръ)*. О Господи. Не миновать, пьяный пріѣдетъ. Чуетъ мое сердце.

Акулина. И впрямь не закутилъ бы.

Марѳа. То-то и оно. Одна бьешся, бьешся: и мѣси, и пеки, и вари, и пряди, и тки, и скотина, все на мнѣ. *(Въ люлькѣ кричитъ.)* Парашка, качай малаго-то. Охъ, житье наше бабье. А напьется, все нехорошо... Скажи не по немъ слово...

Акулина *(завариваетъ чай)*. И чай послѣдній. Наказывала привезти?

Марѳа. Какъ же. Хотѣлъ привезть. Привезетъ онъ. Развѣ станетъ объ домѣ думать. *(Ставитъ на столъ самоваръ.)*

(Прохожій отходитъ отъ стола.)

Акулина. А ты что жъ отъ стола ушелъ? Чай пить будемъ.

Прохожій. Приношу благодарность за гостепріимное радушіе. *(Бросаетъ цыгарку и подходитъ къ столу.)*

Марѳа. Самъ-то изъ какихъ будешь? Изъ крестьянъ али еще изъ какихъ?

Прохожій. Я, мать, ни изъ крестьянъ ни изъ дворянъ. Обоюдоостраго сословія.

Марѳа. Это къ чему же? *(Подаетъ ему чашку.)*

Прохожій. Мерси. А къ тому, что мнѣ отцомъ польскій графъ былъ, а кромѣ его, еще многіе были, и матерей тоже двѣ было [1]). Вообще, біографія моя затруднительная.

Марѳа. Пейте еще. Что-жъ, въ ученіи былъ?

Прохожій. Ученіе мое тоже необстоятельное было. Въ кузню отдала меня не мать, а воспріемница. Кузнецъ, значитъ, первымъ моимъ пердагогомъ былъ. И пердагогія его въ томъ заключалась, что билъ меня этотъ самый кузнецъ такъ, что не столько по наковальнѣ билъ, сколько по несчастной головѣ моей. Однако, сколько ни билъ, не могъ лишить меня таланта. Попалъ потомъ къ слесарю. И тутъ оцѣненъ я былъ и дошелъ до дѣла, первымъ мастеромъ сталъ. Знакомства съ образованными людьми имѣлъ, во

[1]) См. примѣчаніе 2-е.

фракціи находился. Умственную словесность могъ усвоить. И жизнь могла быть возвышенная, такъ какъ владѣлъ талантами аграмадными.

Акулина. Извѣстное дѣло.

Прохожій. А тутъ завируха вышла, деспотическій гнетъ народной жизни, и въ тюрьму попалъ, въ заключеніе свободы, значитъ.

Марфа. За что же?

Прохожій. За права.

Марфа. За какія же это права?

Прохожій. За какія права? А такія права, чтобы буржуй не могъ вѣчно праздновать, а трудящійся пролетарій могъ получать вознагражденіе труда.

Акулина. И насчетъ земли, значитъ?

Прохожій. А то какъ же. Тоже и въ аграмарномъ вопросѣ.

Акулина. Далъ бы Господь, Царица Небесная. Ужъ больно тѣснота одолѣла. Ну, а теперь какъ же?

Прохожій. Теперь какъ? Теперь я до Москвы. Приду къ эксплотатору. Что же дѣлать, покорюсь, скажу: въ какую хошь работу, только возьми.

Акулина. Что жъ, пейте еще.

Прохожій. Благодарю, мерси, значитъ.

(Слышенъ въ сѣняхъ шумъ и говоръ.)

Акулина. Вотъ и Михайла, какъ разъ къ чаю.

Марфа *(встаетъ)*. Охъ, горе мое. Съ Игнатомъ. Пьянъ, значитъ.

(Вваливаются Михайла и Игнатъ, оба пьяные.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Михайла и Игнатъ.

Игнатъ. Здорово живете. *(Молится на образъ.)* А вотъ мы, ядрена палка, какъ разъ къ самовару поспѣли. Мы къ обѣдни, анъ отпѣли, мы къ обѣду, анъ отъѣли, мы въ кабакъ, анъ только такъ. Ха, ха, ха. Вы намъ чайку, а мы вамъ винца. Такъ, что ль? *(Хохочетъ.)*

Михайла. Этотъ щеголь-то отколѣ? *(Вынимаетъ изъ-за пазухи бутылку, ставитъ на столъ.)* Давай чашки.

Акулина. Что жъ, хорошо съѣздилъ?

Игнатъ. Ужъ чего, ядрена палка, лучше, и попили, и погуляли, и домой привезли.

Михайла *(наливаетъ чашки и подноситъ матери, а потомъ и прохожему)*. Пей и ты.

Прохожій *(беретъ чашку)*. Приношу чувствительную благодарность. Будьте здоровы. *(Выпиваетъ.)*

Игнатъ. Молодчина, какъ хлобыщетъ, ядрена палка. Съ голодухи-то, я чай, по жилкамъ пошла. *(Наливаетъ еще.)*

Прохожій *(пьетъ)*. Желаю успѣха во всѣхъ предпріятіяхъ.

Акулина. Что жъ, за дорого продалъ?

Игнатъ. Дорого, не дорого, всѣ пропили, ядрена палка. Правда, Михайла?

Михайла. А то какъ же? Что жъ на нихъ смотрѣть. Въ кой-то вѣки и погулять можно.

Марфа. Что куражишься-то? Хорошаго мало. Дома ѣсть нечего. А ты вонъ что.

Михайла *(угрожающе)*. Марфа!

Марфа. Что Марфа? Знаю, что Марфа. Ахъ, не смотрѣли бы мои глаза, безсовѣстный.

Михайла. Марфа, смотри!

Марфа. Нечего смотрѣть, и смотрѣть не хочу.

Михайла. Разливай вино, подноси гостямъ.

Марфа. Тьфу, песъ лупоглазый. И говорить съ тобой не хочу.

Михайла. Не хочешь? Ахъ ты, шкура собачья! Ты что сказала?

Марфа *(качаетъ люльку, дѣти испуганныя подходятъ къ ней.)* Что сказала? Сказала—не хочу и говорить съ тобой, вотъ и все.

Михайла. Аль забыла? *(Вскакиваетъ изъ-за стола, бьетъ ее по головѣ, сбиваетъ платокъ.)* Разъ!

Марфа. О-о-о-о. *(Бѣжитъ въ слезахъ къ двери.)*

Михайла. Не уйдешь, стерва ты эдакая... *(Бросается къ ней.)*

Прохожій *(вскакиваетъ изъ-за стола и хватаетъ Михайлу за руку)*. Не имѣешь никакого полнаго права.

Михайла *(останавливается и съ удивленіемъ смотритъ на прохожаго)*. Али давно не бить?

Прохожій. Не имѣешь полнаго права женскій полъ подвергать оскорбленіямъ.

Михайла. Ахъ ты, сукинъ сынъ. А это видалъ? *(Показываетъ кулакъ.)*

Прохожій. Не дозволю надъ женскимъ поломъ эксплоатацію производить.

Михайла. Я тебѣ такую осталбацію задамъ, что кверху тормашками...

Прохожій. На, бей, что жъ не бьешь? Бей! *(Выставляетъ лицо.)*

Михайла *(пожимаетъ плечами и разводитъ руками)*. Ну, а какъ я двину?

Прохожій. Я говорю. Бей!

Михайла. Ну, и чудакъ же, посмотрю на тебя. *(Опускаетъ руки и качаетъ головой.)*

Игнатъ *(къ прохожему)*. Заразъ видно, что дюже до бабъ охочъ, ядрена палка.

Прохожій. Я за права стою.

Михайла *(къ Марфѣ, идетъ къ столу, тяжело дыша)*. Ну, Марфа, здоровую свѣчу за него поставь. Кабы не онъ, избилъ бы тебя въ дребезги.

Марфа. Чего же и приждать отъ тебя: бейся всю жисть, и пеки, и вари, а какъ что...

Михайла. Ну, буде, буде. *(Подноситъ прохожему вино.)* Пей! *(Къ женѣ.)* А ты что слюни распустила. Ужъ и пошутить нельзя. На деньги, прибери: двѣ трешницы да вотъ два двугривенныхъ.

Акулина. А чай, сахаръ, я приказывала?

Михайла *(достаетъ свертокъ изъ кармана и подаетъ женѣ. Марфа беретъ деньги и уходитъ въ чуланъ, молча оправляя платокъ.)* Безтолковое это бабье сословіе. *(Опять подаетъ прохожему.)* На, пей.

Прохожій *(не пьетъ)*. Пейте сами.

Михайла. Ну, будетъ ломаться.

Прохожій *(пьетъ)*. Будьте благополучны.

Игнатъ *(къ прохожему)*. А видалъ ты, я чай, виды. Охъ, хороша на тебѣ бонжурка. Хворменная бонжурка, и гдѣ ты такую досталъ? *(Показываетъ на его ободранную куртку.)*. Ты ее не справляй, она и такъ хороша. Въ годочкахъ она, значитъ. Ну, да что же дѣлать. Кабы у меня такая же была, и меня бы бабы любили. *(Къ Марфѣ.)* Вѣрно говорю?

Акулина. Напрасно это, Иванычъ, что ничего не видамши человѣка на смѣхъ подымать.

Прохожій. Потому необразованность.

Игнатъ. Я вѣдь любя. Пей! *(Подноситъ.)*

(Прохожій пьетъ.)

Акулина. Самъ говорилъ, что отъ ней качества всѣ, и въ тюрьмѣ изъ-за ней сидѣлъ.

Михайла. По какимъ же дѣламъ сидѣлъ?

Прохожій *(очень захмелѣвшій)*. За экспропріацію страдалъ.

Михайла. Это какъ же?

Прохожій. А такъ, что пришли къ нему, къ толстопузому. Давай, говоримъ, деньги, а то вотъ: ливольверъ. Онъ туды, сюды. Вынулъ двѣ тысячи триста рублей.

Акулина. О Господи!

Прохожій. Мы только хотѣли, какъ должно, распорядиться суммой. Зембриковъ руководствовалъ. Налетѣли... эти воронья. Сейчасъ подъ стражу, въ тюрьму заключили.

Игнатъ. И денежки отобрали?

Прохожій. Извѣстно. Да только не могли они меня обвинить. Прокуроръ на судѣ мнѣ такое слово сказалъ: вы, говоритъ, украли деньги. А я сейчасъ ему отвѣтъ: крадутъ воры, я говорю, а мы для партіи экспропріацію совершили. Такъ онъ и не могъ мнѣ отвѣта дать. Туды, сюды, ничего не могъ отвѣтить. Ведите, говоритъ, его въ тюрьму, значитъ, въ заточеніе свободной жизни.

Игнатъ *(къ Михайлѣ)*. И ловокъ же, сукинъ сынъ. Молодчина. *(Подаетъ прохожему.)* Пей, ядрена палка!

Акулина. Тьфу, нехорошо говоришь ты.

Игнатъ. Я, бабушка, это не по-матершинно, а только такъ, поговорка у меня: ядрена палка, ядрена палка... Будь здорова, бабушка.

(Марфа приходитъ; стоя у стола, разливаетъ чай.)

Михайла. Вотъ и хорошо. А то что обижаться. Я говорю: спасибо ему. Я тебя, Марфа, во какъ уважаю. *(Къ прохожему.)* Ты что думаешь? *(Обнимаетъ Марфу.)* Я мою старуху такъ уважаю, во какъ уважаю. Старуха моя, одно слово, первый сортъ. Я ее ни на кого не промѣняю.

Игнатъ. Вотъ и хорошо. Бабушка Акулина, пей. Я угощаю.

Прохожій. Что значитъ сила енерціи. То все въ меланхоліи находишься, а теперь одна пріятность, дружеское расположеніе. Бабушка, я любовь имѣю къ тебѣ и ко всѣмъ людямъ. Братцы, миленькіе. *(Поетъ революціонную пѣсню.)*

Михайла. Ужъ дюже разобрало его съ голодухи.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

(Та же хата. Утро.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Марфа *и* **Акулина.** *(***Хозяинъ** *спитъ.)*

Марфа *(беретъ топоръ)*. Пойти дровъ нарубить.

Акулина *(съ ведромъ)*. Избилъ бы онъ тебя вечоръ, кабы не энтотъ. А не видать его. Аль ушелъ? Должно, ушелъ *(уходятъ одна за другой)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Михайла *одинъ.*

Михайла *(слѣзаетъ съ печи.)* Вишь ты, солнышко-то ужъ высоко. *(Встаетъ, обувается.)* Видно, за водой со старухой ушли. Болитъ, голова болитъ. Да не стану. Ну ее къ чертямъ! *(Молится Богу, умывается.)* Пойти запрягать. *(Входитъ съ дровами Марфа.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Михайла *и* **Марфа.**

Марфа. А вчерашній побирушка ай ушелъ?

Михайла. Должно, ушелъ, не видать.

Марфа. Ну и Богъ съ нимъ. А человѣкъ, видно, умный.

Михайла. За тебя заступился?

Марфа. Чего мнѣ.

(Михайла одѣвается.)

Марфа. А чай, сахаръ вчерашніе ты прибралъ?

Михайла. Я чаялъ, ты взяла.

(Входитъ Акулина съ ведромъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *и* Акулина.

Марфа *(къ старухѣ)*. Матушка, не ты взяла покупку?

Акулина. Знать не знаю.

Михайла. Вечоръ я на окно положилъ.

Акулина. И я видѣла.

Марфа. Гдѣ же ему быть? *(Ищутъ.)*

Акулина. Вишь ты, грѣхъ какой. *(Входитъ сосѣдъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же *и* сосѣдъ.

Сосѣдъ. Что же, Тихонычъ, по дрова ѣдемъ, что ли?

Михайла. А то какъ же? Заразъ запрягу. Да вишь, пропажа у насъ.

Сосѣдъ. Вотъ какъ. Что же такое?

Марфа. Да вотъ хозяинъ вечоръ покупку привезъ изъ города: чай, сахаръ; положилъ тутъ на окно, мнѣ невдомекъ прибрать, глядь—нынче нѣтъ

Михайла. Грѣшимъ на прохожаго, ночевалъ.

Сосѣдъ. Какой прохожій?

Марфа. Такой изъ себя худощавый, безбородый.

Михайла. Пинжачишка въ лохмотьяхъ.

Сосѣдъ. Кучерявый, носъ съ горбинкой?

Михайла. Ну да.

Сосѣдъ. Сейчасъ повстрѣчалъ, подивился, что дюже шибко шагаетъ.

Михайла. Скорѣе всего, онъ. Далече встрѣлъ?

Сосѣдъ. За мостъ еще, я чай, не вышелъ.

Михайла *(хватаетъ шапку и быстро уходитъ съ сосѣдомъ)*. Догнать надо. Вотъ шельма. Онъ это.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *безъ* Михайлы.

Марфа. Охъ, грѣхи, грѣхи. Не миновать, что онъ.

Акулина. А какъ не онъ. Такъ-то разъ годовъ двадцать тому назадъ было, такъ же сказали на человѣка, что онъ лошадь увелъ,

Собрался народъ. Тотъ говоритъ: самъ видѣлъ, какъ онъ обратывалъ, тотъ говоритъ, что видѣлъ, какъ онъ повелъ ее. А лошадь пѣгая, дядина, замѣтная. Собрался народъ, стали искать. Попался имъ въ лѣсу тотъ самый парень. Ты, говорятъ. Клянется, божится, что не онъ. Что, говорятъ, смотрѣть на него. Бабы вѣрно сказывали, что онъ. Что-то сказалъ онъ грубое. Егоръ Лапушкинъ, померъ онъ, горячій былъ мужикъ, развернулся, ни кстя ни моля, бацъ его въ морду. Ты, говоритъ. Вдарилъ разъ, набросились всѣ, стали бить успятками, кулаками, добили до смерти. Что же думаешь? На другой день нашли настоящаго вора. А этотъ вовсе не воръ, только въ лѣсу хотѣлъ дерево облюбовать.

Марфа. Извѣстное дѣло, какъ бы не согрѣшить. Хоть онъ и въ низкой степени, а человѣкъ, видно, хорошій.

Акулина. Да ужъ больно опустился, и взыскать съ такого нечего.

Марфа. Вонъ галдятъ, ведутъ, видно.

(Въ горницу входятъ Михайла, сосѣдъ и еще старикъ и парень, впереди себя вталкиваетъ вчерашняго прохожаго.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Михайла, сосѣдъ, старикъ, парень *и* прохожій.

Михайла *(держитъ въ рукахъ чай и сахаръ. Къ женѣ, въ волненіи)*. У него въ штанахъ и нашли. Воришка, сукинъ сынъ.

Акулина *(къ Марфѣ)*. Онъ и есть, сердешный, и голову повѣсилъ.

Марфа. Это онъ вечоръ, видно, о себѣ говорилъ, что какъ выпьетъ, такъ и тащитъ, что попало.

Прохожій. Не воръ я, экспропріаторъ. Я дѣятель, и долженъ жить. Вы понять не можете. Что хотите—дѣлайте.

Сосѣдъ. Къ старостѣ, али прямо къ уряднику?

Прохожій. Говорю, что хотите — дѣлайте; я ничего не боюсь и могу пострадать за убѣжденія. Кабы вы были люди образованные, вы бы могли понимать...

Марфа *(мужу)*. А Богъ бы съ нимъ. Покупку вернули. Пустить бы его безъ грѣха.

Михайла *(повторяетъ слова жены:)* «Безъ грѣха»... Научила,—безъ тебя не знаютъ, что дѣлать.

Марѳа. Я только къ тому, что пущай бы шелъ...

Михайла. «Пущай бы шелъ»... Безъ тебя не знаютъ, что дѣлать. То-то дура. «Пущай бы шелъ»... Шелъ-то шелъ, да ему слово сказать надо, чтобы онъ почувствовалъ. *(Къ прохожему.)* Такъ слушай, ты, мусье, что я тебѣ сказать хочу. Хоть и въ низкомъ ты положеніи, а сдѣлалъ ты дюже плохо, дюже плохо. Другой бы тебѣ за это бока намялъ да еще и къ уряднику свелъ, а я тебѣ вотъ что скажу. Сдѣлалъ ты плохо, хуже не надо. Только ужъ больно въ низкомъ ты положеніи, и не хочу тебя я обидѣть. *(Останавливается; всѣ молчатъ; торжественно.)* Иди съ Богомъ да впередъ такъ не дѣлай. *(Оглядывается на жену.)* А ты меня учить хочешь.

Сосѣдъ. Напрасно, Михайла, охъ, напрасно, повадишь ихъ.

Михайла *(все держитъ въ рукѣ покупку)*. Напрасно, такъ напрасно, мое дѣло. *(Къ женѣ.)* А ты меня учить хочешь. *(Останавливается, глядя на покупку, и рѣшительно подаетъ ее прохожему, оглядываясь на жену.)* Бери и это, дорогой чаю попьешь. *(Къ женѣ.)* А ты меня учить хочешь. Иди, сказано—иди, растабарывать нечего.

Прохожій *(беретъ покупку. Молчаніе.)* Ты думаешь, я не понимаю. *(Голосъ дрожитъ.)* Я въ полномъ смыслѣ понимаю. Избилъ бы ты меня, какъ собаку, мнѣ бы легче было. Развѣ я не понимаю, кто я. Я подлецъ и дегенератъ, значитъ. Прости, Христа ради. *(Всхлипываетъ, бросаетъ на столъ чай и сахаръ и быстро уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, *безъ* **прохожаго.**

Марѳа. Спасибо, чай не унесъ, а то бы и на заварку не было.

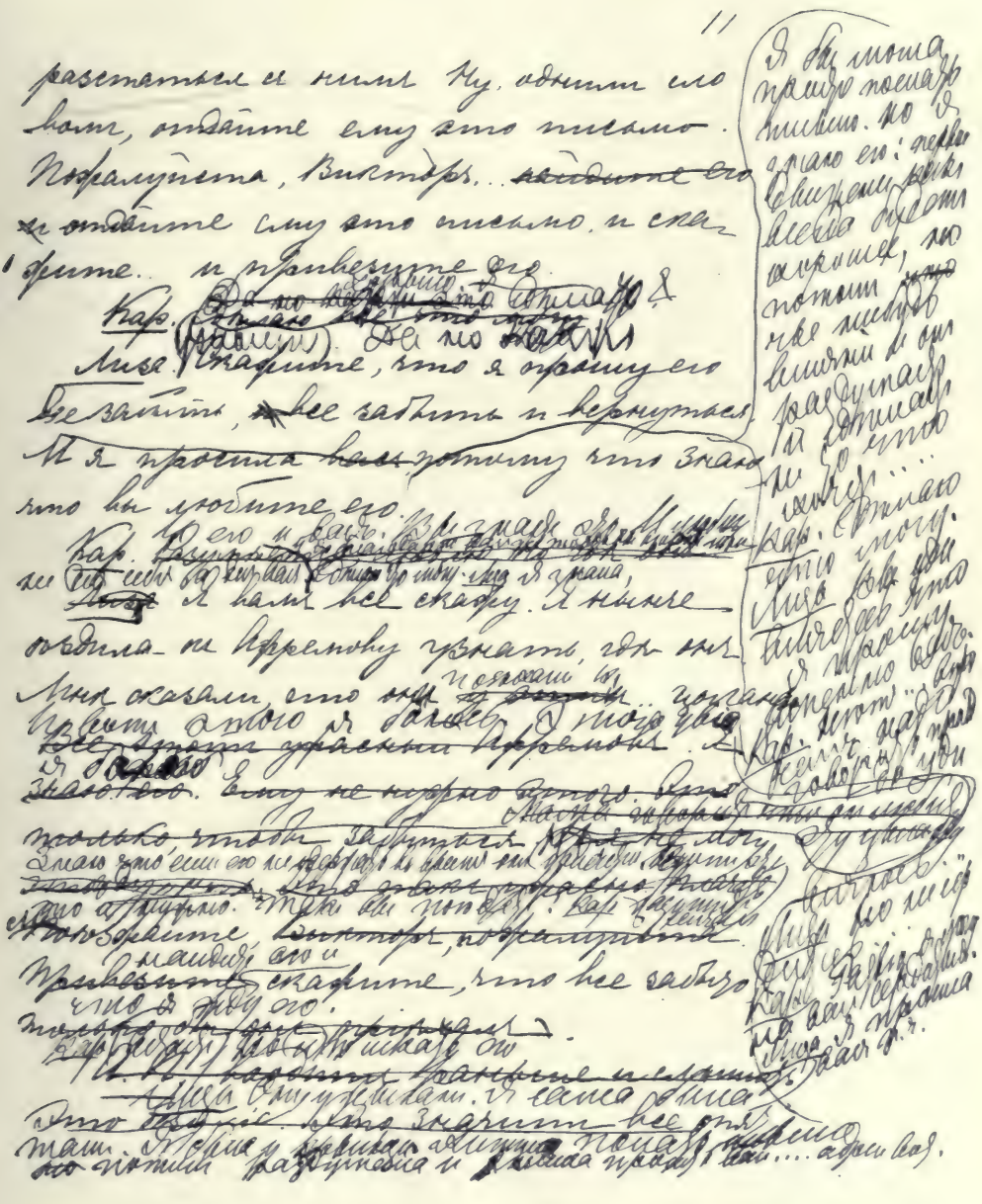
Михайла *(женѣ)*. А ты меня учить хочешь.

Сосѣдъ. Ахъ, заплакалъ, сердешный.

Акулина. Тоже человѣкъ былъ.

Занавѣсъ.

29 марта 1910 г., Ясная Поляна.
Середина іюня 1910 г., Мещерское, Моск. губ.



Страница изъ драмы „Живой Трупъ“ съ поправками Л. Н. Толстого.

ЖИВОЙ ТРУПЪ.

ДРАМА ВЪ 6 ДѢЙСТВІЯХЪ
(12 КАРТИНАХЪ).[1]

[1] См. примѣчаніе 1-е.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА [1]):

Федоръ Васильевичъ Протасовъ (Федя).
Елизавета Андреевна Протасова (Лиза), жена его.
Миша, ихъ сынъ.
Анна Павловна, мать Лизы.
Саша, молодая дѣвушка, сестра Лизы.
Викторъ Михайловичъ Каренинъ.
Анна Дмитріевна Каренина, его мать.
Князь Сергѣй Дмитріевичъ Абрезковъ.
Маша, молодая цыганка.
Иванъ Макаровичъ, старый цыганъ. } Родители Маши.
Настасья Ивановна, старая цыганка. }
Офицеръ.
Музыкантъ.
1-й цыганъ.
2-й цыганъ.
Цыганка.
Цыгане и цыганки (хоръ).
Докторъ.
Михаилъ Андреевичъ Афремовъ. } Пріятели Феди.
Стах[овъ]. }
Буткевичъ. }
Коротковъ. }
Иванъ Петровичъ Александровъ.
Вознесенскій, секретарь Каренина.
Пѣтушковъ, художникъ.
Артемьевъ.
Половой въ отдѣльномъ кабинетѣ.

---

[1]) См. примѣчаніе 2-е.

Половой въ трактирѣ.
Хозяинъ трактира.
Городовой.
Судебный слѣдователь.
Мельниковъ.
Письмоводитель судебнаго слѣдователя.
Курьеръ.
Молодой адвокатъ.
Петрушинъ, адвокатъ.
Дама.
Офицеръ.
Судейскій.
Няня Протасовыхъ.
Горничная Протасовыхъ.
Лакей Афремова.
Лакей Карениныхъ.
Лакей Протасовыхъ.
Судьи, свидѣтели, зрители на судѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Картина 1-я.

Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ, въ квартирѣ Протасова. Сцена представляетъ маленькую столовую.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Павловна, *полная, сѣдая дама, въ корсетѣ, сидитъ одна за чайнымъ столомъ.*

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Павловна *и* **няня** *(съ чайникомъ).*

Няня. Можно у васъ водицы?

Анна Павл. Можно. Что Мишечка?

Няня. Да безпокоенъ. Нѣтъ хуже, какъ сама барыня кормитъ. У нихъ свои тамъ горести, а ребеночекъ страдаетъ. Какое же молоко можетъ быть, когда ночи не спятъ, плачутъ?

Анна Павл. Да кажется, теперь успокоилась.

Няня. Хорошо спокойствіе. Смотрѣть тошно! Что-то писали и плакали.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Павловна, няня *и* **Саша** *(входитъ).*

Саша *(къ нянѣ).* Лиза васъ ищетъ.

Няня. Иду, иду.

(Няня уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анна Павловна *и* Саша.

Анна Павл. Няня говоритъ, что она все плачетъ. Какъ это она не можетъ успокоиться!

Саша. Нѣтъ, вы, мама̀, удивительны. Оставить мужа, отца своего ребенка, и вы хотите, чтобы она была спокойна.

Анна Павл. Не спокойна, — а что сдѣлано, то сдѣлано. Если я, мать, не только допустила, но радуюсь тому, что моя дочь бросаетъ мужа, значитъ, стоитъ онъ того. Надо радоваться, а не печалиться, что можешь освободиться отъ такого дурного человѣка, освободиться отъ такого золота.

Саша. Мама̀, зачѣмъ вы говорите такъ? Вѣдь вы знаете, что это неправда. Онъ не дурной, а напротивъ, удивительный, удивительный человѣкъ, несмотря на его слабости.

Анна Павл. Ну, именно, удивительный человѣкъ. Какъ только деньги въ рукахъ, — свои ли, чужія ли...

Саша. Мама̀, онъ никогда чужихъ не бралъ.

Анна Павл. Все равно, женины.

Саша. Да вѣдь онъ же отдалъ все свое состояніе женѣ.

Анна Павл. Еще бы не отдать, когда онъ знаетъ, что онъ все промотаетъ.

Саша. Промотаетъ ли, не промотаетъ, я только знаю, что нельзя разлучаться съ мужемъ, и особенно съ такимъ, какъ Федя.

Анна Павл. По-твоему, надо ждать, пока онъ все промотаетъ и приведетъ въ домъ своихъ цыганокъ-любовницъ?

Саша. Нѣтъ у него любовницъ.

Анна Павл. Вотъ то и бѣда, что онъ всѣхъ васъ чѣмъ-то обворожилъ. Только не меня, нѣтъ, шалишь! я его вижу, и онъ знаетъ это. На мѣстѣ Лизы я бы не теперь, а ужъ годъ тому назадъ бросила его.

Саша. Какъ вы это говорите легко.

Анна Павл. Нѣтъ, не легко. Мнѣ, матери, видѣть дочь разведенной не легко. Повѣрь, что очень не легко. Но все лучше, чѣмъ загубить молодую жизнь. Нѣтъ, я Бога благодарю, что она теперь рѣшилась, и что все кончено.

Саша. Можетъ быть, и не кончено.

Анна Павл. Только бы онъ далъ разводъ.

Саша. Что же будетъ хорошаго?

Анна Павл. Будетъ то, что она молода и еще можетъ быть счастлива.

Саша. Ахъ, мама̀, это ужасно, что̀ вы говорите; не можетъ Лиза полюбить другого.

Анна Павл. Отчего не можетъ? Если она будетъ свободна. Найдутся люди въ тысячу разъ лучше вашего Феди, и будутъ счастливы жениться на Лизѣ.

Саша. Мама̀, это нехорошо. Вы вѣдь, я знаю, думаете про Викто̀ра Каренина.

Анна Павл. Отчего же не думать про него? Онъ любитъ ее десять лѣтъ, и она любитъ его.

Саша. Любитъ, но не такъ, какъ мужа. Это дружба съ дѣтства.

Анна Павл. Знаемъ мы эту дружбу! Только бы не было препятствій.

ЯВЛЕНІЕ V.

Анна Павловна *и* **Саша.** *Входитъ* **горничная.**

Анна Павл. Что вы?

Горничная. Барыня посылали дворника съ запиской къ Виктору Михайловичу.

Анна Павл. Какая барыня?

Горничная. Елизавета Андреевна, барыня.

Анна Павл. Ну такъ что же?

Горничная. Викторъ Михайловичъ приказали сказать, что сейчасъ сами будутъ.

Анна Павл. *(удивленно)*. Только что о немъ говорили. Не понимаю только, зачѣмъ. *(Сашѣ.)* Ты не знаешь?

Саша. Можетъ быть, знаю, а можетъ быть, не знаю.

Анна Павл. Все секретъ!

Саша. Лиза придетъ, она вамъ скажетъ.

Анна Павл. *(качая головой, къ горничной)*. А самоваръ подогрѣть надо. Возьми, Дуняша.

(Горничная беретъ самоваръ и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Павловна *и* **Саша.**

Анна Павл. *(къ Сашѣ, которая встала и хочетъ итти).* Вышло, какъ я говорила: сейчасъ же и послала за нимъ.

Саша. Послала, можетъ быть, совсѣмъ не затѣмъ.

Анна Павл. Такъ зачѣмъ же?

Саша. Теперь, въ эту минуту, Каренинъ для нея все равно, что Трифоновна.

Анна Павл. А вотъ увидишь. Вѣдь я ее знаю. Она зоветъ его, ищетъ утѣшенія.

Саша. Ахъ, мама, какъ вы мало ее знаете, что можете думать...

Анна Павл. Да вотъ увидишь. И я очень, очень рада.

Саша. Увидимъ. *(Напѣваетъ и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анна Павловна *одна.*

Анна Павл. *(покачиваетъ головой и бормочетъ).* И прекрасно, и пускай. И прекрасно, и пускай. Да...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Павловна *и* **горничная** *(входитъ).*

Горничная. Викторъ Михайловичъ пріѣхали.

Анна Павл. Ну что же? Проси, да скажи барынѣ.

(Горничная проходитъ во внутреннюю дверь.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Анна Павловна *и* **Каренинъ.**

Карен. *(входитъ и здоровается съ Анной Павл.).* Елизавета Андреевна прислала мнѣ записку, чтобы я пріѣхалъ. А я и такъ собирался къ вамъ нынче вечеромъ, такъ что очень радъ... Елизавета Андреевна здорова?

Анна Павл. Она здорова. Ребенокъ немножко безпокоится. Она сейчасъ придетъ. *(Грустно.)* Да, да, тяжелое время... Вы вѣдь все знаете?

Карен. Знаю. Вѣдь я тутъ былъ третьяго дня, когда было получено отъ него письмо. Но неужели это такъ и рѣшено безповоротно?

Анна Павл. Еще бы! разумѣется. Переживать все, что было, еще разъ, было бы ужасно.

Карен. Да, вотъ гдѣ десять разъ примѣрь, а разъ отрѣжь. Рѣзать по живому очень трудно.

Анна Павл. Разумѣется, трудно. Но вѣдь ихъ бракъ уже давно былъ надрѣзанъ. Такъ что разорвать было менѣе трудно, чѣмъ кажется. Онъ самъ понимаетъ, что послѣ всего, что было, ему уже самому нельзя вернуться.

Карен. Отчего же?

Анна Павл. Ну какъ же вы хотите послѣ всѣхъ его гадостей, послѣ того, какъ онъ клялся, что этого не будетъ, и что если это будетъ, то онъ самъ лишаетъ себя всѣхъ правъ мужа и даетъ ей полную свободу...

Карен. Да, но какая же можетъ быть свобода женщины, связанной бракомъ?

Анна Павл. Разводъ. Онъ обѣщалъ разводъ, и мы настоимъ.

Карен. Да, но Елизавета Андреевна такъ любила его...

Анна Павл. Ахъ, ея любовь подверглась такимъ испытаніямъ, что едва ли отъ нея остается что-нибудь. Тутъ и пьянство, и обманы, и невѣрности. Развѣ можно любить такого мужа?!

Карен. Для любви все можно.

Анна Павл. Вы говорите — любить, но какъ же любить такого человѣка — тряпку, на котораго ни въ чемъ нельзя положиться? Вѣдь теперь что было... *(Оглядывается на дверь и торопится разсказать.)* Дѣла разстроены, все заложено, платить нечѣмъ. Наконецъ, дядя присылаетъ двѣ тысячи, внести проценты. Онъ ѣдетъ съ этими деньгами и пропадаетъ. Жена сидитъ съ больнымъ ребенкомъ, ждетъ и, наконецъ, получается записка — прислать ему бѣлье и вещи.

Карен. Да, да, я знаю.

ЯВЛЕНІЕ X.

Анна Павловна, Каренинъ. *Входятъ* **Лиза** *и* **Саша.**

Анна Павл. Ну вотъ, Викторъ Михайловичъ явился на твой зовъ.

Карен. Да, меня немного задержали. *(Здоровается съ сестрами.)*

Лиза. Благодарствуйте. У меня до васъ большая просьба И мнѣ не къ кому обратиться, какъ къ вамъ.

Карен. Все, что могу.

Лиза. Вы вѣдь все знаете...

Карен. Да, я знаю.

Анна Павл. Такъ я васъ оставлю. *(Сашѣ.)* Пойдемъ, оставь ихъ однихъ. *(Уходитъ съ Сашей.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Лиза *и* **Каренинъ.**

Лиза. Да, онъ написалъ мнѣ письмо, что считаетъ все конченнымъ. Я *(удерживаетъ слезы)* такъ была оскорблена, такъ... ну, однимъ словомъ, я согласилась разорвать... и отвѣтила ему, что принимаю его отказъ.

Карен. А теперь раскаиваетесь?

Лиза. Да, я почувствовала, что это дурно съ моей стороны, что я не могу. Все лучше, чѣмъ разстаться с нимъ. Ну, однимъ словомъ, отдайте ему это письмо. Пожалуйста, Викторъ... отдайте ему это письмо и скажите... и привезите его.

Карен. Хорошо. *(Удивленно.)* Да, но какъ же?

Лиза. Скажите, что я прошу его все забыть, все забыть и вернуться. Я бы могла просто послать письмо. Но я знаю его: первое движеніе, какъ всегда, будетъ хорошее, но потомъ чье-нибудь вліяніе, и онъ раздумаетъ и сдѣлаетъ не то, что хочетъ...

Карен. Сдѣлаю, что могу.

Лиза. Вы удивляетесь, что я прошу именно васъ?

Карен. Нѣтъ... Впрочемъ, надо говорить правду — да, удивляюсь...

Лиза. Но не сердитесь?..

Карен. Развѣ я могу на васъ сердиться?

Лиза. Я просила васъ потому, что знаю, что вы любите его.

Карен. И его, и васъ. Вы знаете это. И люблю не для себя, а для васъ. И я благодарю васъ за то, что вы вѣрите мнѣ. Сдѣлаю, что могу.

Лиза. Я знала. Я вамъ все скажу: я нынче ѣздила къ Афремову, узнать, гдѣ онъ. Мнѣ сказали, что онъ поѣхалъ къ цыганамъ. И вотъ этого я боюсь. Этого увлеченія я боюсь. Знаю, что если его не удержать во время, онъ увлечется. Вотъ это-то и нужно. Такъ вы поѣдете?

Карен. Разумѣется, сейчасъ.

Лиза. Поѣзжайте, найдите его и скажите, что все забыто, что я жду его.

Карен. *(встаетъ)*. Но гдѣ искать его?

Лиза. Онъ у цыганъ. Я сама была тамъ. Я была у крыльца, хотѣла послать письмо, потомъ раздумала и рѣшила просить васъ... Адресъ вотъ. Ну такъ скажите ему, чтобы онъ вернулся, что ничего не было, что все забыто. Сдѣлайте это изъ любви къ нему и дружбы къ намъ.

Карен. Сдѣлаю все, что могу. *(Выжидаетъ, потомъ кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Лиза *одна.*

Лиза. Не могу, не могу. Все лучше, чѣмъ... не могу.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Лиза, *входитъ* **Саша.**

Саша. Ну что, послала?

Лиза *(дѣлаетъ утвердительный знакъ головой)*.

Саша. И онъ согласился?

Лиза. Разумѣется.

Саша. Зачѣмъ его? Не понимаю.

Лиза. Кого же?

Саша. Да вѣдь ты знаешь, что онъ влюбленъ въ тебя?

Лиза. Это все было и прошло. Но кого же ты хочешь, чтобы я просила? Какъ ты думаешь, вернется онъ?

Саша. Я увѣрена, потому что...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Лиза, Саша, *входитъ* **Анна Павловна.** *(Саша замолкаетъ.)*

Анна Павл. А Викторъ Михайловичъ гдѣ?

Лиза. Уѣхалъ.

Анна Павл. Какъ уѣхалъ?

Лиза. Я просила его исполнить мою просьбу.

Анна Павл. Какую просьбу? Опять секреты?

Лиза. Не секреты, а просто просила его — самому передать письмо Федѣ.

Анна Павл. Федѣ? Федору Васильевичу?

Лиза. Да... Федѣ.

Анна Павл. Я думала, что между вами всѣ отношенія кончены.

Лиза. Я не могу разстаться съ нимъ.

Анна Павл. Какъ, опять все сначала?

Лиза. Я хотѣла, я старалась, но я не могу. Все, что хотите, но только бы не разлучаться съ нимъ.

Анна Павл. Такъ что же, ты хочешь вернуть его?

Лиза. Да.

Анна Павл. Опять пустить къ себѣ въ домъ эту гадину?

Лиза. Мама, я прошу васъ не говорить такъ про моего мужа.

Анна Павл. Онъ былъ мужъ.

Лиза. Нѣтъ, онъ теперь мой мужъ.

Анна Павл. Мотъ, пьяница, развратникъ, и ты не можешь съ нимъ разстаться?!

Лиза. За что вы меня мучаете? Мнѣ и такъ тяжело, а вы точно нарочно хотите.

Анна Павл. Я мучаю?! Такъ я уѣду. Не могу я видѣть этого.

Лиза *(молчитъ)*

Анна Павл. Я вижу, что вы этого хотите, что я вамъ мѣшаю. Не могу я жить. Ничего въ васъ не понимаю. Все это по-новому. То разстаться рѣшила, потомъ вдругъ выписываешь человѣка, который въ тебя влюбленъ...

Лиза. Ничего этого нѣтъ.

Анна Павл. Каренинъ дѣлалъ тебѣ предложеніе... и посылаешь его за мужемъ. Что это? чтобы возбудить ревность?

Лиза. Мама̀, это ужасно, что̀ вы говорите. Оставьте меня!

Анна Павл. Такъ мать выгони изъ дому, а развратнаго мужа пусти. Да я не стану ждать. И прощайте, и Богъ съ вами, какъ хотите, такъ и дѣлайте!

(Уходитъ, хлопая дверью.)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Лиза *и* **Саша.**

Лиза *(падаетъ на стулъ)*. Этого не доставало!

Саша. Ничего. Все будетъ хорошо. Мама̀ мы успокоимъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Лиза, Саша *и* **Анна Павловна** *(проходитъ)*.

Анна Павл. Дуняша, мой чемоданъ!

Саша. Мама̀! Вы послушайте. *(Уходитъ за ней; подмигиваетъ сестрѣ.)*

Занавѣсъ.

Картина 2-я.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната у цыганъ. Хоръ поетъ «Канавелу». **Федя** лежитъ на диванѣ ничкомъ безъ сюртука. **Афремовъ** на стулѣ верхомъ противъ запѣвалы. **Офицеръ** у стола, на которомъ стоитъ шампанское и стаканы. Тутъ же **музыкантъ** записываетъ.

Афремовъ. Федя, спишь?

Федя *(поднимается)*. Не разговаривайте! Это степь, это десятый вѣкъ, это не свобода, а воля[1])... Теперь—«Не вечерняя».

Цыганъ. Нельзя, Федоръ Васильевичъ. Теперь пусть Маша одна споетъ.

Федя. Ну, ладно! А потомъ — «Не вечерняя». *(Опять ложится.)*

Офицеръ. «Часъ роковой». Согласны?

---

[1]) См. примѣчаніе 3-е.

Афремовъ. Пускай.

Офицеръ *(къ музыканту)*. Что же, записали?

Музыкантъ. Невозможно. Всякій разъ по-новому. И какая-то скàла иная. Вотъ тутъ. *(Подзываетъ. Къ цыганкѣ, которая смотритъ.)* Это какъ? *(Напѣваетъ.)*

Цыганка. Да такъ и есть. Такъ чудесно.

Федя *(поднимаясь.)* Не запишетъ. А запишетъ, да въ оперу всунетъ, — все изгадитъ. Ну, Маша, валяй, хоть «Часъ»! Бери гитару. *(Встаетъ, садится передъ ней и смотритъ ей въ глаза.)*

Маша *(поетъ)*.

Федя. И это хорошо. Ай да Маша! Ну, теперь—«Не вечерняя».

Афремовъ. Нѣтъ, постой. Прежде мою, похоронную.

Офицеръ. Отчего похоронную?

Афремовъ. А это оттого, что когда я умру... Понимаешь, умру, въ гробу буду лежать, придутъ цыгане... понимаешь? Такъ женѣ завѣщаю... И запоютъ: «Шэлъ мэ вѐрста»,—такъ я изъ гроба вскочу,—понимаешь?! *(Музыканту.)* Вотъ что̀ запиши! Ну, катай!

(Цыгане поютъ.)

Афремовъ. А, каково! Ну, — «Размолодчики мои».

(Цыгане поютъ.)

Афремовъ *(дѣлаетъ выходку)*.

(Цыгане улыбаются и, продолжая пѣть, хлопаютъ.)

Афремовъ *(садится. Пѣсня кончается)*.

Цыгане. Ай да Михаилъ Андреевичъ, настоящій цыганъ!

Федя. Ну теперь — «Не вечерняя».

(Цыгане поютъ.)

Федя. Вотъ это она. Вотъ это она! Удивительно! И гдѣ же дѣлается то все, что тутъ высказано? Ахъ, хорошо!.. И зачѣмъ можетъ человѣкъ доходить до этого восторга, а нельзя продолжать его?..

Музыкантъ *(записываетъ)*. Да, очень оригинально.

Федя. Не оригинально, а это настоящее.

Афремовъ. Ну, чавалы! Вы отдохните. *(Беретъ гитару и подсаживается къ Катѣ.)*

Музыкантъ. Въ сущности, оно просто, но только ритмъ.

Федя *(махаетъ рукой, подходитъ къ Машѣ и садится на диванъ рядомъ съ ней)*. Ахъ, Маша, Маша, какъ ты мнѣ разворачиваешь нутро все.

Маша. Ну, а что я васъ просила?

Федя. Что? Денегъ? *(Вынимаетъ изъ кармана штановъ.)* Ну что жъ, возьми.

Маша *(смѣется, беретъ деньги и прячетъ въ пазуху).*

Федя *(цыганамъ).* Вотъ и разберись тутъ! Мнѣ открываетъ небо, а сама на душки проситъ. Вѣдь ты ни черта не понимаешь того, что ты сама дѣлаешь!

Маша. Какъ не понимать? Я понимаю, что кого люблю, для того и стараюсь и пою лучше.

Федя. А меня любишь?

Маша. Видно, что люблю.

Федя. Удивительно! *(Цѣлуетъ ее.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Цыгане, цыганки уходятъ. Остаются парочки:

Федя *съ* **Машей, Афремовъ** *съ* **Катей, офицеръ** *съ* **Гашей. Музыкантъ** *пишетъ.* **Цыганъ** *перебираетъ на гитарѣ вальсъ.*

Федя. Вѣдь я женатъ. А тебѣ хоръ не велитъ.

Маша. Хоръ хоромъ[1]), а сердце сердцемъ. Люблю кого, и люблю; а противный, такъ противный.

Федя. Ахъ, хорошо! Хорошо тебѣ?

Маша. Разумѣется хорошо. Когда хорошіе гости, и намъ весело.

ЯВЛЕНІЕ III.

Входитъ **цыганъ.**

Цыганъ *(къ Федѣ).* Васъ баринъ спрашиваетъ.

Федя. Какой баринъ?

Цыганъ. Не знаю. Одѣтъ хорошо. Соболья шуба.

Федя. Барорай? Ну что же, зови.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *безъ цыгана.*

Афремовъ. Кто же это къ тебѣ сюда?

Федя. А чертъ его знаетъ! Кому до меня дѣло?

---

[1]) См. примѣчаніе 4-е.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. *Входитъ* **Каренинъ**, *оглядывается.*

Ф е д я. А, Викторъ! Вотъ кого не ждалъ! Раздѣвайся. Какимъ вѣтромъ тебя сюда занесло? Ну, садись. Слушай, вотъ «Не вечерняя».

К а р е н. Je voudrais vous parler sans temoins, [1])

Ф е д я. О чемъ?

К а р е н. Je viens de chez vous. Votre femme m'a chargé de cette lettre, et puis [2])...

Ф е д я *(беретъ письмо, читаетъ, хмурится, потомъ ласково улыбается)*. Послушай, Каренинъ, ты вѣдь знаешь, что въ этомъ письмѣ?..

К а р е н. Знаю. И хочу сказать...

Ф е д я. Постой, постой. Ты, пожалуйста, не думай, что я пьянъ, и мои слова невмѣняемы, т.-е. я невмѣняемъ. Я пьянъ, но въ этомъ дѣлѣ вижу все ясно, ясно. Ну, что же тебѣ поручено сказать?

К а р е н. Мнѣ поручено найти тебя и сказать тебѣ, что.. она... ждетъ тебя. Проситъ тебя все забыть и вернуться.

Ф е д я *(слушаетъ, молча глядя ему въ лицо)*. Я все-таки не понимаю, почему ты?..

К а р е н. Елизавета Андреевна прислала за мной и просила меня...

Ф е д я. Такъ...

К а р е н. Но я не столько отъ имени твоей жены, сколько самъ отъ себя прошу тебя: поѣдемъ домой.

Ф е д я. Ты лучше меня. Какой вздоръ! Лучше меня нетрудно быть. Я негодяй, а ты хорошій, хорошій человѣкъ. И отъ этого самаго я не измѣню своего рѣшенія. И не отъ этого. А просто, не могу и не хочу... Ну какъ я поѣду?

К а р е н. Поѣдемъ теперь ко мнѣ. Я скажу, что ты вернешься, и завтра...

Ф е д я. А завтра что? Все буду я — я, а она—она. Нѣтъ. *(Подходитъ къ столу и пьетъ.)* Зубъ лучше сразу выдернуть. Я вѣдь говорилъ, что если я опять не сдержу слова, то чтобы она бросила меня. Я не сдержалъ, и кончено.

---

[1]) Я хотѣлъ бы говорить съ вами безъ свидѣтелей.

[2]) Я сейчасъ отъ васъ. Ваша жена поручила мнѣ это письмо и потомъ...

Карен. Для тебя, но не для нея.

Федя. Удивительно, что ты заботишься о томъ, чтобы нашъ бракъ былъ не нарушенъ.

Карен. *(хочетъ что-то сказать. Подходитъ Маша).*

Федя *(перебиваетъ его).* Ты послушай, ты послушай. Маша, спой!

(Цыгане сходятся).

Маша *(шопотомъ).* Повеличать бы.

Федя *(смѣется).* Величать: Викторъ сударь Михайловичъ.

(Цыгане поютъ.)

Карен. *(сконфуженно слушаетъ, потомъ спрашиваетъ.)* Сколько дать?

Федя. Ну дай двадцать пять

Карен. *(даетъ).*

Федя. Чудесно! Теперь — «Ленъ».

(Цыгане поютъ).

Федя *(оглядывается).* Удралъ Каренинъ. Ну, чертъ съ нимъ!

(Цыгане разбредаются.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *безъ* **Каренина.**

Федя *(садится съ Машей).* Ты знаешь, кто это?

Маша. Слышала фамилію.

Федя. Это превосходный человѣкъ. Онъ пріѣзжалъ звать меня домой, къ женѣ. Она меня, дурака, любитъ, а я вотъ что дѣлаю.

Маша. Что же, это нехорошо. Надо къ ней ѣхать. Надо ее пожалѣть.

Федя. Ты думаешь, надо? А я думаю, не надо.

Маша. Извѣстно, коли не любишь, такъ и не надо. Только любовь дорога.

Федя. А ты почемъ знаешь?

Маша. Должно, знаю...

Федя. Ну, поцѣлуй меня. Чавалы! Еще «Ленъ», и тогда шабашъ.

(Цыгане начинаютъ пѣть).

Федя. Ахъ, хорошо. Кабы только не просыпаться... Такъ и помереть...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Картина 1-я

Послѣ перваго дѣйствія прошло двѣ недѣли. У Лизы. **Каренинъ** и **Анна Павловна** сидятъ въ столовой. **Саша** входитъ изъ двери.

ЯВЛЕНІЕ I.

Карен. Ну, что?

Саша. Докторъ сказалъ, что теперь опасности уже нѣтъ. Только бы не простудить.

Анна Павл. Ну, а Лиза совсѣмъ извелась.

Саша. Онъ говоритъ, что это ложный крупъ въ слабой формѣ. *(Указывая на корзину.)* Это что?

Анна Павл. Да это Викторъ привезъ виноградъ.

Карен. Не хотите ли?

Саша. Да, она любитъ. Она очень нервна стала.

Карен. Двѣ ночи не спать, не ѣсть.

Саша *(улыбаясь)*. Да вы тоже.

Карен. Я — другое дѣло.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. *Выходятъ* **докторъ** *и* **Лиза**.

Докторъ *(внушительно)*. Такъ такъ-съ. Черезъ каждые полчаса мѣняйте, если онъ не спитъ. Если спитъ, не тревожьте. Мазать гортань не нужно. Температуру въ комнатѣ держите такъ же.

Лиза. А если опять будетъ задыхаться?

Докторъ. Не должно быть. Если будетъ — пульверизація. И кромѣ того, порошокъ, утромъ одинъ и вечеромъ другой. Я сейчасъ пропишу.

Анна Павл. Не хотите ли, докторъ, чаю?

Докторъ. Нѣтъ, благодарю, больные ждутъ. *(Садится къ столу.)*

(Саша приноситъ бумагу, чернила.)

Лиза. Такъ навѣрно это не крупъ?

Докторъ *(улыбаясь)*. Совершенно вѣрно. *(Пишетъ.)*

Карен. *(Лизѣ)*. Ну, теперь выкушайте чаю, а то, еще лучше, пойдите, отдохните; а то посмотрите, на что вы похожи.

Лиза. Теперь я ожила. Спасибо вамъ. Вотъ истинный другъ! *(Жметъ ему руку.)*

(Саша сердито отходитъ къ двери.)

Лиза. Благодарствуйте, мой другъ. Вотъ гдѣ дор...

Карен. Что же я сдѣлалъ? Вотъ уже не за что благодарить меня.

Лиза. А кто ночи не спалъ? Кто привезъ эту знаменитость?

Карен. Ужъ я такъ награжденъ и тѣмъ, что Мика внѣ опасности, и, главное, — вашей добротой.

Лиза *(опять жметъ руку и смѣется, показывая монету, оставшуюся у нея въ рукахъ)*. Это доктору. Только я никогда не умѣю, какъ отдать.

Карен. Ну, и я тоже не могу.

Анна Павл. Что не могу?

Лиза. Давать деньги доктору. Онъ спасъ мнѣ больше, чѣмъ жизнь, а я даю деньги. Что-то тутъ такое непріятное.

Анна Павл. Давай, я дамъ. Я умѣю, какъ. Очень просто.

Докторъ *(встаетъ и даетъ рецептъ)*. Такъ эти порошки въ столовой ложкѣ отварной воды, хорошенько размѣшать и *(продолжаетъ)*...

(Каренинъ у стола пьетъ чай. Отходятъ впередъ Анна Павл. и Саша.)

Саша. Не могу видѣть ихъ отношеній. Она точно влюблена въ него.

Анна Павл. Что же тутъ удивительнаго?

Саша. Противно!

Докторъ *(уходитъ, прощается со всѣми. Анна Павл. идетъ провожать его)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Лиза, Каренинъ *и* **Саша.**

Лиза *(Каренину)*. Онъ такъ милъ теперь. Какъ только ему стало лучше, онъ сейчасъ же сталъ улыбаться и болтать. Я къ нему пойду. И отъ васъ уходить не хочется.

Карен. Да вы выпейте чаю, съѣшьте что-нибудь.

Лиза. Мнѣ теперь ничего не нужно. Мнѣ такъ хорошо, послѣ этихъ страховъ. *(Всхлипываетъ.)*

Карен. А, вотъ вы видите, какъ вы слабы.

Лиза. Я счастлива. Хотите взглянуть на него?

Карен. Разумѣется.

Лиза. Пойдемте со мной. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *и* **Анна Павловна** *(возвращается)*.

Анна Павл. *(къ Сашѣ.)* Ты что насупилась? Такъ прекрасно отдала, и онъ взялъ.

Саша. Отвратительно! Она его съ собой повела въ дѣтскую. Точно онъ женихъ или мужъ.

Анна Павл. Да тебѣ-то что? Изъ чего ты кипятишься? Или ты за него замужъ собиралась?

Саша. Я?! За эту версту?! Да я скорѣе не знаю за кого выйду, но не за него. Да и никогда мнѣ въ голову не приходило. Мнѣ только противно, что Лиза послѣ Феди можетъ такъ сближаться съ чужимъ человѣкомъ.

Анна Павл. Какой же онъ чужой — другъ дѣтства.

Саша. Но вѣдь я вижу по улыбкамъ, по глазамъ, что они влюблены.

Анна Павл. Что же тутъ удивительнаго? Человѣкъ принялъ участіе въ болѣзни ребенка, сочувствовалъ, помогалъ, и она благодарна. И кромѣ того, отчего же ей не полюбить и не выйти замужъ за Викторa?

Саша. Это было бы ужасно, отвратительно! Отвратительно!

ЯВЛЕНІЕ V.

Каренинъ *и* **Лиза** *выходятъ.*

Карен. *(прощается молча)*
Саша *(сердито уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Павловна *и* **Лиза.**

Лиза *(къ матери).* Что съ ней?
Анна Павл. Право, не знаю.
Лиза *(вздыхаетъ молча).*

Занавѣсъ.

Картина 2-я

У Афремова въ кабинетѣ. Вино въ налитыхъ стаканахъ. Гости.

ЯВЛЕНІЕ I.

Афремовъ, Федя, Стах[овъ] *(мохнатый),* **Буткевичъ** *(бритый),* **Коротковъ** *(прихвостень).*

Коротковъ. А я вамъ говорю, что за флагомъ останется. Ла-бель-буа—первая въ Европѣ. Пари!

Стах. Полно, братъ. Вѣдь ты знаешь, что никто тебѣ не вѣритъ и пари держать не станетъ.

Коротковъ. Я тебѣ говорю: твой Картушъ за флагомъ.

Афрем. Да полно ссориться. Я васъ примирю. Спросите Федю. Онъ вѣрно скажетъ.

Федя. Обѣ лошади хороши. Дѣло въ ѣздокѣ.

Стах. Гусевъ подлецъ. Надо только его въ рукахъ держать.

Коротковъ *(кричитъ).* Нѣтъ!

Федя. Ну, постойте, я васъ помирю. Дерби кто взялъ?

Коротковъ. Взялъ, да ничего не стоитъ. Это случай. Кабы Кр[акусъ] не заболѣлъ. Посмотри... *(Входитъ лакей.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* лакей.

Афремъ. Что ты?

Лакей. Госпожа пріѣхала, спрашиваетъ Федора Васильевича.

Афремъ. Какая? дама?

Лакей. Не могу знать. Только настоящая дама.

Афремъ. Федя, къ тебѣ дама.

Федя *(испуганно)*. Кто это?

Афремъ. Не знаетъ, кто.

Лакей. Просить бы въ залъ.

Федя. Да постой, я пойду посмотрю. *(Федя и лакей уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, *безъ Феди и лакея.*

Коротковъ. Кто это къ нему? Навѣрно Машка

Стахъ. Какая Машка?

Коротковъ. Цыганка Маша. Влюбилась въ него. Какъ кошка влюблена!

Стахъ. Какая милая! И поетъ!..

Афремъ. Прелесть! Танюша, да она. Вчера они съ Петромъ пѣли...

Стахъ. Вѣдь экій счастливецъ этотъ!..

Афремъ. Что его бабы любятъ? Богъ съ ними!

Коротковъ. Терпѣть не могу цыганокъ, — никакого изящества нѣтъ.

Бутк. Ну, не говори.

Коротковъ. Я ихъ всѣхъ за одну француженку отдамъ.

Афремъ. Ну, да ты извѣстный эстетъ. Пойти посмотрѣть, кто это. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, *безъ Афремова.*

Стах. Если Маша, приведи ее сюда, пусть споетъ. Нѣтъ, теперь не то цыгане! Танюша была, — ахъ, чертъ возьми!

Бутк. А я думаю, что все то же.

Стах. Какъ то же, когда романсы пошлые вмѣсто пѣсни.

Бутк. И романсы есть хорошіе.

Коротковъ. А хочешь пари, что я заставлю спѣть, и ты не узнаешь, пѣсня это или романсъ.

Стах. Коротковъ — вѣчно пари.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же *и* **Афремовъ.**

Афрем. *(входитъ).* Господа, это не Маша. А принять ее негдѣ, кромѣ здѣсь. Пойдемте въ билліардную. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Входятъ **Федя** *и* **Саша.**

Саша *(смущенно).* Федя, прости меня, если тебѣ непріятно, но, ради Бога, выслушай меня. *(Голосъ ея дрожитъ.)*

Федя *(ходитъ по комнатѣ. Саша сѣла, смотритъ на него.)*

Саша. Федя, вернись домой.

Федя. Слушай, Саша, я тебя очень хорошо понимаю. Саша, милая, и на твоемъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ то же: постарался бы какъ-нибудь вернуть все къ старому; но на моемъ мѣстѣ, если ты, милая, чуткая дѣвочка, была бы, какъ ни странно это сказать, на моемъ мѣстѣ, — ты бы навѣрное сдѣлала то, что я, то-есть, ушла бы, перестала бы мѣшать чужой жизни...

Саша. Какъ мѣшать? Развѣ Лиза можетъ жить безъ тебя?

Федя. Ахъ, милая Саша, голубушка, можетъ, можетъ, и еще будетъ счастлива, гораздо счастливѣе, чѣмъ со мной.

Саша. Никогда!

Федя. Это *тебѣ* кажется. *(Держитъ въ рукѣ ея руку.)* Да не въ томъ дѣло, то-есть не то, что не въ томъ дѣло[1]), а главное дѣло въ томъ, что я-то не могу. Знаешь, толстую бумагу перегибай

[1]) См. примѣчаніе 5-е.

такъ и этакъ, и сто разъ перегнешь,—она все держится, а перегнешь въ сто первый разъ,—и она разойдется. Такъ между мной и Лизой. Мнѣ слишкомъ больно смотрѣть ей въ глаза. И ей также, повѣрь.

Саша. Нѣтъ, нѣтъ.

Федя. Говоришь — нѣтъ, а сама знаешь, что да.

Саша. Я могу только по себѣ судить. Если бы я была на ея мѣстѣ, и ты бы отвѣтилъ то, что ты отвѣчаешь — это было бы ужасно для меня.

Федя. Да, для тебя... *(Молчаніе; оба смущены.)*

Саша *(встаетъ)*. Неужели такъ и останется?

Федя. Должно быть...

Саша. Федя, вернись.

Федя. Спасибо тебѣ, милая Саша. Всегда ты мнѣ останешься дорогимъ воспоминаніемъ... но, прощай, голубушка. Дай мнѣ поцѣловать тебя. *(Цѣлуетъ ее въ лобъ.)*

Саша *(взволнованная)*. Нѣтъ, я не прощаюсь, и не вѣрю и не хочу вѣрить... Федя...

Федя. Ну такъ слушай же. Только слово, что то, что я скажу тебѣ, никому не скажешь. Даешь слово?

Саша. Разумѣется.

Федя. Ну такъ слушай, Саша. Правда, что я — мужъ, отецъ ея ребенка, но я — лишній... Постой, постой, не возражай. Ты думаешь, я ревную? Нисколько. Во-первыхъ, не имѣю права; во-вторыхъ, не имѣю повода. Викторъ Карениннъ — старый ея другъ и мой тоже. И онъ любитъ ее, и она любитъ его.

Саша. Нѣтъ.

Федя. Любитъ, какъ можетъ любить честная, нравственная женщина, которая не позволяетъ себѣ любить никого, кромѣ мужа. Но она любитъ и будетъ любить, когда препятствіе это *(показываетъ на себя)* будетъ устранено. И я устраню его, и они будутъ счастливы. *(Голосъ дрожитъ.)*

Саша. Федя, не говори такъ.

Федя. Вѣдь ты знаешь, что это правда, и я буду радъ ихъ счастью, и лучше я ничего не могу сдѣлать... И не вернусь, и дамъ имъ свободу... И такъ и скажи. И не говори, и не говори, и прощай! *(Цѣлуетъ ее въ голову и отворяетъ ей дверь.)*

Саша. Федя, я восхищаюсь передъ тобой.

Федя. Прощай, прощай... *(Саша уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Федя *одинъ.*

Ф е д я. Да, да... чудесно, прекрасно... *(Звонитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Федя *и* **лакей.**

Ф е д я. Позовите барина.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Федя *одинъ.*

Ф е д я. И правда, и правда...

ЯВЛЕНІЕ X.

Входитъ **Афремовъ.**

Ф е д я. Пойдемъ.

А ф р е м. Какъ же устроилъ?

Ф е д я. Чудесно... «И божилась и клялась»... Чудесно!.. Гдѣ всѣ?

А ф р е м. Да тамъ играютъ.

Ф е д я. Отлично!.. Пойдемъ, побываемъ-ка и мы на часъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Картина 1-я.

Князь **Абрезковъ**, 60-лѣтній элегантный холостякъ, бритый, съ усами, старый военный, съ большимъ достоинствомъ и грустью, **Анна Дмитріевна Каренина** *(мать Виктора)*, молодящаяся 50-лѣтняя grande dame. Перебиваетъ рѣчь французскими словами. **Лакей, Викторъ, Лиза.**

Кабинетъ Анны Дмитріевны, роскошно-скромный, полонъ сувенировъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Дмит. *(пишетъ письмо).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Дмитріевна *и* **лакей.**

Лакей. Князь Сергѣй Дмитріевичъ.

Анна Дмит. Ну, разумѣется. *(Оборачивается и поправляется передъ зеркаломъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Дмитріевна *и* **князь Обрезковъ.**

Кн. Абр. *(входя).* J'espere que je ne force pas la consigne [1]). *(Цѣлуетъ руку.)*

Анна Дмит. Вы знаете, что vous êtes toujours le bienvenu [2]). А теперь, нынче особенно. Вы получили мою записку?

---

[1]) Надѣюсь, что я не нарушаю приказа.

[2]) Вы всегда желанный гость.

Кн. Абр. Получилъ, и вотъ мой отвѣтъ.

Анна Дмит. Ахъ, мой другъ, я начинаю совсѣмъ отчаяваться. Il est ensorcelé, positivement ensorcelé [1]). Я никогда не встрѣчала въ немъ такой настойчивости, такого упрямства, такой безжалостности, равнодушія ко мнѣ. Онъ совсѣмъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ эта женщина бросила мужа.

Кн. Абр. Но что же именно? какъ стоитъ дѣло?

Анна Дмит. Такъ, что во что бы то ни стало хочетъ жениться.

Кн. Абр. Но какъ же мужъ?

Анна Дмит. Даетъ разводъ.

Кн. Абр. Вотъ какъ!

Анна Дмит. И онъ, Викторъ, идетъ на это, и вся эта грязь: адвокаты, доказательства вины... Tout ça est dégoutant [2]). И это не отталкиваетъ его. Я его не понимаю. Онъ, съ своей чуткостью, робостью...

Кн. Абр. Любитъ. Ахъ, если человѣкъ точно любитъ, тогда...

Анна Дмитр. Да, но отчего же въ наше время любовь могла быть любовью чистой, любовью-дружбой, которая идетъ черезъ всю жизнь? Такую любовь я понимаю, цѣню.

Кн. Абр. Теперь новое поколѣніе ужъ не можетъ довольствоваться идеальными отношеніями. La possession de l'ame ne leur suffit plus [3]). Что дѣлать... Но какъ же быть съ нимъ?

Анна Дмит. Нѣтъ, про него не говорите. Но это какое-то колдовство. Его точно подмѣнили. Вѣдь вы знаете — я была у нея. Онъ такъ просилъ меня. Я поѣхала, не застала ея, оставила карточку. Elle m'a fait demander si je ne pourrais la recevoir [4]). И нынче *(смотритъ на часы)*, во второмъ часу, стало-быть, сейчасъ, должна пріѣхать. Я обѣщала Виктору принять, но понимаете мое положеніе? Я вся не своя. И по старой привычкѣ, послала за вами. Мнѣ нужна ваша помощь.

Кн. Абр. Благодарствуйте.

Анна Дмит. Вы поймите, что это посѣщеніе ея рѣшаетъ все дѣло,—судьбу Виктора. Мнѣ надо или не согласиться... а какъ я могу?

---

[1]) Онъ околдованъ, положительно околдованъ.
[2]) Все это отвратительно.
[3]) Душевная близость ихъ уже не удовлетворяетъ.
[4]) Она меня просила, не могу ли я принять ее.

Кн. Абр. Вы совсѣмъ не знаете ея?

Анна Дмит. Никогда не видала. Но боюсь ея. Не можетъ хорошая женщина согласиться оставить мужа, и хорошаго человѣка. Вѣдь онъ товарищъ Викторa и бывалъ у насъ. Онъ былъ очень милый. Да какой бы онъ ни былъ! Quels que soient les torts qu'il a eus vis-a-vis d'elle [1]), нельзя бросить мужа. Надо нести свой крестъ. Я одно не понимаю, какъ можетъ Викторъ съ своими убѣжденіями согласиться на женитьбу на разведенной. Сколько разъ— недавно онъ при мнѣ горячо спорилъ съ Спицынымъ, доказывая, что разводъ несогласенъ съ истиннымъ христіанствомъ, и теперь самъ идетъ на это. Si elle a pu le charmer à un tel point [2])... я боюсь ея. Но, впрочемъ, я васъ позвала, чтобы слышать васъ, а все только сама говорю. Что вы думаете? Скажите. Что по-вашему? Какъ надо? Вы говорили съ Викторомъ?

Кн. Абр. Я говорилъ съ нимъ. И я думаю, что онъ любитъ ее, привыкъ любить такъ; любовь эта взяла такую власть надъ нимъ, а онъ—человѣкъ, медленно, но твердо принимающій. Что вошло ему въ сердце, то уже не выйдетъ. И онъ никого, кромѣ ея, любить не будетъ и безъ нея съ и другой счастливъ быть не можетъ.

Анна Дмит. А какъ Варя Казанцева пошла бы за него. И какая дѣвушка, и какъ любитъ!..

Кн. Абр. *(улыбаясь)*. C'est compter sans son hôte [3]). Это теперь совсѣмъ несбыточно. И я думаю, лучше покориться и помочь ему жениться.

Анна Дмит. На разведенной, чтобы онъ встрѣчалъ мужа своей жены? Я не понимаю, какъ вы можете спокойно говорить про это. Развѣ это та женщина, которую мать можетъ желать женой своего единственнаго сына, и такого сына?

Кн. Абр. Да что же дѣлать, милый другъ... Разумѣется, лучше бы жениться на дѣвушкѣ, которую вы знаете, любите... Но коли этого нельзя... Да потомъ, если бы онъ женился на цыганкѣ или Богъ знаетъ на комъ... А Лиза Протасова [4]) — очень хорошая, милая женщина. Я по племянницѣ Нелли знаю ее: кроткая, добрая, любящая и нравственная женщина.

---

[1]) Какъ бы онъ ни былъ виноватъ передъ нею.
[2]) Если она могла очаровать до такой степени.
[3]) Это—считать безъ хозяина.
[4]) См. примѣчаніе 6-е.

Анна Дмит. Нравственная женщина, которая рѣшается бросить мужа!?

Кн. Абр. Я не узнаю васъ. Вы недобры, вы жестоки. Мужъ ея одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ говорятъ, что онъ только самъ себѣ врагъ. Но онъ еще больше женѣ врагъ. Это слабый, совершенно падшій, пьяный человѣкъ. Онъ промоталъ все свое состояніе, все ея состояніе, — у нея ребенокъ... Какъ же вы осуждаете женщину, которая оставила такого человѣка? И то не она, а онъ оставилъ ее.

Анна Дмит. Ахъ, какая грязь, какая грязь! И я должна пачкаться въ ней.

Кн. Абр. А ваша религія?

Анна Дмит. Да, да, прощеніе. «Какъ и мы оставляемъ должникамъ нашимъ». Mais c'est plus fort que moi [1]).

Кн. Абр. Ну какъ же ей жить съ такимъ человѣкомъ? Если бы она и не любила другого, она должна бы была это сдѣлать. Для ребенка должна. Онъ самъ, мужъ, умный и добрый человѣкъ, когда онъ въ своемъ умѣ, совѣтуетъ ей это сдѣлать...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анна Дмитріевна, кн. Абрезковъ, *входитъ* **Каренинъ**
(цѣлуетъ руку матери, здоровается съ кн. Абрезковымъ).

Карен. Мама, я зашелъ сказать вамъ одно: Елизавета Андреевна сейчасъ пріѣдетъ, и я прошу, умоляю васъ только объ одномъ: если вы продолжаете быть несогласны на мой бракъ...

Анна Дмит. *(перебивая его).* Разумѣется, продолжаю быть несогласна.

Карен. *(продолжая рѣчь и хмурясь)*... то прошу, умоляю васъ объ одномъ: не говорите о своемъ несогласіи, не рѣшайте въ отрицательномъ смыслѣ.

Анна Дмит. Я думаю, что мы и не будемъ ни о чемъ такомъ говорить. Я, по крайней мѣрѣ, никакъ уже не начну.

Карен. Она тѣмъ менѣе. Мнѣ только хотѣлось, чтобы вы узнали ее.

---

[1]) Но это выше моихъ силъ.

Анна Дмит. Не понимаю одно: какъ ты миришь свое желаніе жениться на госпожѣ Протасовой, съ живымъ мужемъ, съ твоими религіозными убѣжденіями, что разводъ противенъ христіанству?

Карен. Мамà, это жестоко съ вашей стороны! Неужели мы всѣ такъ непогрѣшимы, что не можемъ расходиться въ нашихъ убѣжденіяхъ, когда жизнь такъ сложна? Мамà, за что вы такъ жестоки ко мнѣ?

Анна Дмит. Я люблю тебя, хочу тебѣ счастья.

Карен. *(къ Абрезкову)*. Сергѣй Дмитріевичъ!

Кн. Абр. Разумѣется, вы хотите ему счастья, но намъ, съ нашими сѣдинами, уже трудно понимать молодежь. А особенно трудно матери, пріучившей себя къ мысли о своемъ счастьѣ для сына. Всѣ женщины такъ.

Анна Дмит. Вотъ, вотъ именно. Всѣ противъ меня. Разумѣется, ты можешь сдѣлать это, vous êtes majeur [1])... Но ты погубишь меня.

Карен. Не узнаю васъ. Это хуже, чѣмъ жестокость.

Кн. Абр. *(Виктору)*. Перестань, Викторъ. Мамà говоритъ всегда хуже, чѣмъ дѣлаетъ.

Анна Дмит. Я скажу, что думаю и чувствую, и скажу не оскорбляя ее.

Кн. Абр. Это навѣрное.

ЯВЛЕНІЕ V.

Анна Дмитріевна, кн. Абрезковъ, Каренинъ *и* **лакей** *(входитъ)*.

Кн. Абр. Вотъ и она.

Карен. Я уйду.

Лакей. Елизавета Андреевна Протасова.

Карен. Я ухожу. Мамá, пожалуйста. *(Уходитъ)*.

Кн. Абр. *(тоже встаетъ)*.

Анна Дмит. Просите. *(Къ кн. Абрезкову.)* Нѣтъ, вы останьтесь.

---

[1]) Вы совершеннолѣтній.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Дмитріевна *и* **кн. Абрезковъ.**

Кн. Авр. Я думалъ, вамъ легче en tête-à-tâte [1]).

Анна Дмит. Нѣтъ, я боюсь. *(Суетится.)* Если я захочу остаться съ ней tête-à-tetê [1]), я кивну вамъ. Ça dépendra [2])... А то мнѣ остаться одной съ ней — это свяжетъ меня. Я тогда такъ сдѣлаю вамъ. *(Показываетъ знакъ.)*

Кн. Авр. Я пойму. Я увѣренъ, что она понравится вамъ. Только будьте справедливы.

Анна Дмит. Какъ вы всѣ противъ меня!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Анна Дмитріевна, кн. Абрезковъ. *Входитъ* **Лиза** *въ шляпѣ, въ визитномъ платьѣ.*

Анна Дмит. *(приподнимаясь).* Я жалѣла, что не застала васъ, но вотъ вы такъ добры, что сами пріѣхали.

Лиза. Я никакъ не ожидала. Я такъ благодарна вамъ, что вы пожелали меня видѣть.

Анна Дмит. *(Указывая на князя Абрезкова.)* Вы знакомы?

Кн. Авр. Какъ же, я имѣлъ честь быть представленнымъ. (Shake hands) [3]). *(Садятся.)* Моя племянница Нелли мнѣ часто говоритъ про васъ.

Лиза. Да, мы дружны были очень. *(Оглядываясь робко на Анну Дмитріевну.)* И теперь дружны. *(Къ Аннѣ Дмитр.)* Я никакъ не ожидала, что вы пожелаете меня видѣть.

Анна Дмит. Я знала хорошо вашего мужа. Онъ былъ друженъ съ Викторомъ и бывалъ у насъ до своего переѣзда въ Тамбовъ. Кажется, тамъ онъ женился на васъ?

Лиза. Да, мы тамъ женились.

Анна Дмит. А потомъ, когда онъ опять переѣхалъ въ Москву, онъ ужъ не бывалъ у меня.

---

[1]) Наединѣ.

[2]) Это будетъ зависѣть...

[3]) Здороваются за руку.

Лиза. Да, онъ нигдѣ почти не бывалъ.

Анна Дмит. И не познакомилъ меня съ вами. *(Неловкое молчаніе.)*

Кн. Авр. Послѣдній разъ я встрѣтилъ васъ у Денисовыхъ на спектаклѣ. Очень было мило. И вы играли.

Лиза. Нѣтъ... да... какъ же... помню. Я играла. *(Опять молчаніе.)* Анна Дмитріевна, простите меня, если вамъ непріятно то, что я скажу, но я не могу, не умѣю притворяться. Я пріѣхала потому, что Викторъ Михайловичъ сказалъ... потому, что онъ... то-есть потому, что вы хотѣли меня видѣть... но лучше все сказать... *(Всхлипываетъ.)* Мнѣ очень тяжело... а вы добры.

Кн. Авр. Да я лучше уйду.

Анна Дмит. Да, уйдите.

Кн. Авр. До свиданья. *(Прощается съ обѣими женщинами и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Дмитріевна и Лиза.

Анна Дмит. Послушайте, Лиза... не знаю да и не хочу знать, какъ васъ по отчеству.

Лиза. Андреевна.

Анна Дмит. Ну, все равно,—Лиза. Мнѣ васъ жаль, вы мнѣ симпатичны. Но я люблю Викторà. Я одно существо на свѣтѣ люблю. Я знаю его душу, какъ свою. Это гордая душа. Онъ былъ гордъ еще семилѣтнимъ мальчикомъ. Гордъ не именемъ, не богатствомъ, но гордъ своей чистотой, своей нравственной высотой; и онъ соблюдалъ ее. Онъ чистъ, какъ дѣвушка.

Лиза. Я знаю.

Анна Дмит. Онъ никого женщинъ не любилъ. Вы первая. Не скажу, что я не ревную къ вамъ. Я ревную. Но мы, матери, — у васъ еще маленькій, вамъ рано, — мы готовимся къ этому. Я готовилась къ тому, чтобы отдать его женѣ и не ревновать. Но отдать такой же чистой, какъ онъ.

Лиза. Я... развѣ я...

Анна Дмит. Простите, я знаю, вы не виноваты, но вы несчастны. И я его знаю. Теперь онъ готовъ все перенести, и

перенесетъ, и никогда не скажетъ, но будетъ страдать. Его оскорбленная гордость будетъ страдать, и онъ не будетъ счастливъ.

Лиза. Я думала объ этомъ.

Анна Дмит. Лиза, милая. Вы умная, хорошая женщина. Если вы любите его, то вы хотите его счастья больше, чѣмъ своего. А если такъ, то вы не захотите связать его и заставить раскаиваться. Хоть онъ не скажетъ, никогда не скажетъ.

Лиза. Я знаю, что не скажетъ. Я думала объ этомъ и задавала себѣ этотъ вопросъ. Я думала и говорила ему. Но что же я могу сдѣлать, когда онъ говоритъ, что не хочетъ жить безъ меня? Я говорила: будемъ друзьями, но устройте себѣ свою жизнь, не связывайте свою чистую жизнь съ моей несчастной. Онъ не хочетъ.

Анна Дмит. Да, теперь не хочетъ.

Лиза. Уговорите его оставить меня. А я согласна. Я люблю его для его, а не для своего счастья. Только помогите мнѣ, не ненавидьте меня. Будемъ вмѣстѣ, любя, искать его блага.

Анна Дмит. Да, да, я полюбила васъ. *(Цѣлуетъ ее. Лиза плачетъ.)* Но все-таки, все-таки, это ужасно. Если бы онъ тогда, когда вы еще не выходили замужъ, полюбилъ васъ...

Лиза. Онъ говоритъ, что полюбилъ тогда, но не хотѣлъ мѣшать счастью друга.

Анна Дмит. Ахъ, какъ это все тяжело! Но все-таки будемъ любить другъ друга, и Богъ поможетъ намъ найти то, что мы хотимъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Анна Дмитріевна, Лиза *и* Каренинъ.

Карен. *(выходя)*. Мама̀, милая. Я все слышалъ. Я ожидалъ этого: вы полюбили ее. И все будетъ хорошо.

Лиза. Какъ мнѣ жалко, что вы все слышали, — я бы не говорила.

Анна Дмит. Все-таки ничего не рѣшено. Я могу сказать одно, что если бы не всѣ эти тяжелыя обстоятельства, я бы рада была. *(Цѣлуетъ ее.)*

Карен. Пожалуйста, только не мѣняйтесь.

Занавѣсъ.

Картина 2-я.

Квартира скромная: постель, письменный столъ, диванъ.

ЯВЛЕНІЕ I

Федя *одинъ. Въ дверь стучатъ. Изъ-за двери женскій голосъ:* «Что ты заперся, Федоръ Васильевичъ? Федя, отопри...»

ЯВЛЕНІЕ II.

Федя *и* **Маша.**

Ф е д я *(встаетъ, отпираетъ дверь)*. Вотъ спасибо, что пришла. Скучно, ужасно скучно.

М а ш а. Что же къ намъ не пришелъ? Опять пьешь. Эхъ, ты! А обѣщалъ.

Ф е д я. Ты знаешь что: денегъ нѣтъ.

М а ш а. И зачѣмъ я тебя полюбила!

Ф е д я. Маша!

М а ш а. Что Маша, Маша. Если бы любилъ, давно бы развелся. И тамъ тебя просили. И говоришь, что не любишь. А держишься за нее. Не хочешь, видно...

Ф е д я. Вѣдь ты знаешь, отчего не хочу.

М а ш а. Пустяки все. Правду говорятъ, что пустой ты человѣкъ.

Ф е д я. Что же мнѣ тебѣ говорить? Сказать, что мнѣ больно то, что ты говоришь, такъ ты это сама знаешь.

М а ш а. Ничего тебѣ не больно...

Ф е д я. Сама знаешь, что мнѣ одна радость въ жизни — твоя любовь.

М а ш а. Моя-то моя. А твоей-то нѣтъ.

Ф е д я. Ну, я увѣрять не стану. Да и не зачѣмъ: ты сама знаешь.

М а ш а. Федя, за что ты меня мучишь?

Ф е д я. Кто кого...

М а ш а *(плачетъ)*. Недобрый ты.

Ф е д я *(подходитъ и обнимаетъ ее)*. Маша! О чемъ ты? Перестань. Жить надо. а не хныкать. Тебѣ-то уже не пристало. Красавица ты моя!

Маша. Любишь?

Федя. Кого же мнѣ любить?

Маша. Только меня? Ну читай, что ты написалъ.

Федя. Да тебѣ скучно будетъ.

Маша. Коли ужъ ты написалъ, такъ хорошо будетъ.

Федя. Ну, слушай. *(Читаетъ.)* «Поздней осенью мы сговорились съ товарищемъ съѣхаться у Мурыгиной площадки. Площадка эта былъ крѣпкій островъ съ сильными выводками. Былъ темный, теплый, тихій день. Туманъ...»

ЯВЛЕНІЕ III.

Федя *и* **Маша.** *Въ дверь входитъ старый цыганъ,* **Иванъ Макаровичъ,** *и старая цыганка,* **Настасья Ивановна,** *родители Маши.*

Наст. Иван. *(подступая къ дочери).* Тутъ, проклятая овца бѣглая! Барину почтенье. *(Къ дочери.)* Что же ты съ нами дѣлаешь? А?

Ив. Макар. *(къ Федѣ).* Нехорошо, баринъ, дѣлаешь. Дѣвку губишь. Охъ, нехорошо. Погано дѣлаешь.

Наст. Иван. Надѣвай платокъ, маршъ сейчасъ! Вишь убѣжала! Что я хору скажу? Путаешься съ голышомъ. Что съ него взять?

Маша. Не путаюсь я. А люблю барина, и больше ничего. Я хоръ не бросаю, пѣть буду, а что...

Ив. Макар. Поговори еще, я тебѣ косу-то повыдеру. Шкура! Кто такъ дѣлалъ? Ни отецъ, ни мать, ни тетка. Скверно, баринъ. Мы тебя любили, сколько тебѣ задаромъ пѣли, тебя жалѣли. А ты что сдѣлалъ!

Наст. Иван. Погубилъ ни за что дочку, кровную, единственную, ненаглядную, брильянтовую, неоцѣненную, въ навозъ втопталъ, вотъ что сдѣлалъ. Бога въ тебѣ нѣтъ!

Федя. Ты, Настасья Ивановна, напрасно на меня думаешь. Твоя дочь мнѣ какъ сестра. Я ея честь берегу. И ты не думай. А люблю ее... что же дѣлать?

Ив. Макар. Да вотъ не любилъ, когда у васъ деньги были. Записать бы тогда въ хоръ тысячъ десять, и взялъ бы честь-честью. А теперь промоталъ, крадучи увелъ. Стыдно, баринъ. Стыдно!

Маша. Онъ не уводилъ, я сама къ нему пришла. И теперь уведете, опять приду. Люблю его, и все. Крѣпче всѣхъ вашихъ замковъ моя любовь... Не хочу!

Наст. Иван. Ну, Машенька, сердечная, не бурчи. Нехорошо сдѣлала, ну и пойдемъ.

Ив. Макар. Ну, будетъ разговаривать. Маршъ! *(Беретъ за руку.)* Простите, баринъ. *(Всѣ трое уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Федя. *Входитъ князь* **Абрезковъ.**

Кн. Абр. Простите меня. Я невольно былъ свидѣтелемъ непріятной сцены...

Федя. Съ кѣмъ имѣю честь?.. *(Узнаетъ.)* Ахъ, князь Сергѣй Дмитріевичъ. *(Здоровается.)*

Кн. Абр. ....невольнымъ свидѣтелемъ непріятной сцены. Я бы желалъ не слыхать. Но, услыхавъ, считаю долгомъ сказать, что слышалъ. Меня направили сюда, и у двери я долженъ былъ дождаться выхода этихъ господъ. Тѣмъ болѣе, что мои постукиванія въ дверь были не слышны за голосами очень громкими.

Федя. Да, да. Прошу покорно. Благодарю васъ за то, что вы мнѣ сказали это. Это даетъ мнѣ право объяснить вамъ эту сцену. То, что вы подумаете обо мнѣ, мнѣ все равно. Но мнѣ хочется сказать вамъ, что упреки, которые вы слышали этой дѣвушкѣ — цыганкѣ, пѣвицѣ — несправедливы. Эта дѣвушка такъ же нравственно чиста, какъ голубь. И мои отношенія съ ней дружескія. Если, можетъ быть, на нихъ есть оттѣнокъ поэтичности, то это все-таки не уничтожаетъ чистоты — чести этой дѣвушки. Вотъ это мнѣ хотѣлось вамъ сказать. Такъ что вамъ отъ меня угодно? Чѣмъ могу вамъ служить?

Кн. Абр. Я, во-первыхъ...

Федя. Простите меня, князь. Я сталъ въ такое положеніе въ обществѣ, что мое малое и давнишнее знакомство съ вами не даетъ мнѣ права на ваше посѣщеніе, если у васъ нѣтъ до меня дѣла, — въ чемъ оно?

Кн. Абр. Не буду отрицать, вы угадали. У меня есть дѣло. Но все-таки прошу васъ вѣрить, что измѣненіе вашего положенія никакъ не можетъ вліять на мое отношеніе къ вамъ.

Ф е д я. Совершенно увѣренъ.

К н. А б р. Дѣло мое въ томъ, что сынъ моего стараго друга, Анны Дмитріевны Карениной, и она сама просили меня прямо непосредственно отъ васъ узнать о вашихъ отношеніяхъ... вы мнѣ позволите говорить? — о вашихъ отношеніяхъ къ вашей женѣ, Елизаветѣ Андреевнѣ Протасовой.

Ф е д я. Мои отношенія съ моей женой, могу сказать: съ моей бывшей женой — совершенно прекращены.

К н. А б р. Я такъ и понималъ. И потому только взялъ на себя эту трудную миссію.

Ф е д я. Прекращены, спѣшу заявить, не по ея, а по моей, или, скорѣе, по моимъ безконечнымъ винамъ. Она же, какъ была, такъ и осталась самой безупречной женщиной.

К н. А б р. Такъ вотъ, Викторъ Каренинъ, въ особенности его мать, просили меня узнать у васъ о вашихъ намѣреніяхъ.

Ф е д я *(горячась)*. Какія намѣренія? Никакихъ. Я предоставляю ей полную свободу. Мало того, никогда не нарушу ея спокойствія. Я знаю, что она любитъ Виктора Каренина. И пускай. Я считаю его очень скучнымъ, но очень хорошимъ, честнымъ человѣкомъ, и я думаю, что она будетъ съ нимъ (какъ это говорится обыкновенно) счастлива. И... que le bon Dieu les bénisse! [1]) Вотъ и все...

К н. А б р. Да, но мы бы...

Ф е д я *(перебиваетъ)*. И не думайте, чтобы у меня было малѣйшее чувство ревности. Если я сказалъ про Виктора, что онъ скучный, то я беру это слово назадъ. Онъ прекрасный, честный, нравственный человѣкъ, почти что противоположность мнѣ. И онъ любилъ ее съ дѣтства. Можетъ быть, и она его любила, когда вышла за меня. Это бываетъ. Самая лучшая любовь бываетъ такая, про которую не знаешь. Она, я думаю, всегда любила. Но, какъ честная женщина, даже себѣ не признавалась въ этомъ. Но это... какая-то тѣнь лежала на нашей семейной жизни... впрочемъ, что я дѣлаю вамъ признаніе...

К н. А б р. Пожалуйста, дѣлайте. Вѣрьте, что для меня важнѣе всего въ моемъ приходѣ къ вамъ—мое желаніе понять вполнѣ эти отношенія. Я понимаю васъ. Понимаю, что эта тѣнь, какъ вы прекрасно выразились, могла быть...

---

[1]) Пусть Господь Богъ ихъ благословитъ.

Ф е д я. Да и была, и, можетъ быть, отъ этого я не могъ удовольствоваться той семейной жизнью, которую она мнѣ давала, и чего-то искалъ и увлекался. Да впрочемъ, я какъ будто оправдываюсь. Я не хочу, да мнѣ и нельзя оправдываться. Я *былъ*, смѣлъ говорю *былъ*, дурной мужъ, *былъ*, потому что теперь я въ сознаніи своемъ давно не мужъ. И считаю ее совершенно свободной. Стало быть, вотъ вамъ и отвѣтъ на вашу миссію.

К н. А б р. Да, но вы знаете семью Викторà и его самого. Его отношенія къ Елизаветѣ Андреевнѣ все время были и остаются самыми почтительными и далекими. Онъ помогалъ ей, когда ей было трудно.

Ф е д я. Да, я своимъ распутствомъ помогалъ ихъ сближенію. Что же дѣлать... такъ должно было быть.

К н. А б р. Вы знаете его и его семьи строгія православныя убѣжденія. Я не раздѣляю ихъ. Я шире смотрю на вещи. Но уважаю ихъ и понимаю. Понимаю, что для него и въ особенности для матери немыслимо сближеніе съ женщиной безъ церковнаго брака.

Ф е д я. Да, я знаю его туп... прямолинейность, консерватизмъ въ этомъ отношеніи. Но что же имъ нужно? Разводъ? Я давно сказалъ имъ, что готовъ дать, но условія принятія вины на себя, всей лжи, связанной съ этимъ, очень тяжелы.

К н. А б р. Я понимаю вполнѣ васъ и раздѣляю. Но какъ же быть? Я думаю, можно такъ устроить... Впрочемъ, вы правы. Это ужасно, и я понимаю васъ.

Ф е д я *(жметъ руку)*. Благодарствуйте, милый князь. Я всегда зналъ васъ за честнаго, добраго человѣка. Ну, скажите, какъ мнѣ быть? Что мнѣ дѣлать? Войдите во все мое положеніе. Я не стараюсь сдѣлаться лучше. Я негодяй. Но есть вещи, которыя я не могу спокойно дѣлать. Не могу спокойно лгать.

К н. А б р. Я васъ тоже не понимаю. Вы, способный, умный человѣкъ, съ такою чуткостью къ добру, — какъ это вы можете увлекаться, можете забывать то, что сами отъ себя требуете? Какъ вы дошли до этого, какъ вы погубили свою жизнь?

Ф е д я *(пересиливаетъ слезы волненія)*. Вотъ ужъ десять лѣтъ я живу своей безпутной жизнью. И въ первый разъ такой чело-

вѣкъ, какъ вы, пожалѣлъ меня. Меня жалѣли товарищи, кутилы, женщины; но разумный, добрый человѣкъ, какъ вы... Спасибо вамъ. Какъ я дошелъ до своей гибели? Во-первыхъ, вино. Вино вѣдь не то, что вкусно, а что я ни дѣлаю, я всегда чувствую, что не то, что надо, и мнѣ стыдно. Я сейчасъ говорю съ вами, и мнѣ стыдно. А ужъ быть предводителемъ, сидѣть въ банкѣ — такъ стыдно, такъ стыдно... И только, когда выпьешь, перестанетъ быть стыдно. А музыка, — не оперы и Бетховенъ, а цыгане... Это такая жизнь, энергія вливается въ тебя! А тутъ еще милые черные глаза и улыбка. И чѣмъ это увлекательнѣе, тѣмъ послѣ еще стыднѣе.

Кн. Абр. Ну, а трудъ?

Федя. Пробовалъ. Все нехорошо. Всѣмъ я недоволенъ. Ну, да что о себѣ говорить! Спасибо вамъ.

Кн. Абр. Такъ что же мнѣ сказать?

Федя. Скажите, что сдѣлаю то, что они хотятъ. Вѣдь они хотятъ жениться, — чтобы ничто не мѣшало имъ жениться?

Кн. Абр. Разумѣется.

Федя. Сдѣлаю, скажите, что навѣрное сдѣлаю.

Кн. Абр. Когда же?

Федя. Постойте. Ну, скажемъ, двѣ недѣли. Довольно?

Кн. Абр. *(вставая)*. Такъ и могу сказать?

Федя. Можете. Прощайте, князь, еще разъ благодарю васъ. *(Князь Абрезковъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Федя *одинъ.*

Федя *(сидитъ долго, молча улыбается)*. Хорошо, очень хорошо. Такъ и надо, такъ и надо, такъ и надо. Чудесно.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Картина 1-я.

Въ трактирѣ. Отдѣльный кабинетъ. **Половой** вводитъ **Федю** и **Ивана Петровича Александрова.**

ЯВЛЕНІЕ I.

Федя, Иванъ Петровичъ *и* **половой.**

Половой. Сюда пожалуйте. Здѣсь никто не обезпокоитъ; а бумагу сейчасъ подамъ.

Ив. Петр. Протасовъ! я войду.

Федя *(серьезный)*. Пожалуй, войди, но я занятъ и... Хочешь—войди.

Ив. Петр. Ты хочешь отвѣтить на ихъ требованія? Я тебѣ скажу, какъ. Я бы не сталъ такъ. Я всегда говорю прямо и дѣйствую рѣшительно.

Федя *(половому)*. Бутылку шампанскаго. *(Половой уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Федя *и* **Иванъ Петровичъ.** *(Федя вынимаетъ револьверъ и кладетъ.)*

Федя. Подожди немножко.

Ив. Петр. Что жъ? Что ты застрѣлиться хочешь? Можно, можно. Я тебя понимаю. Они хотятъ тебя унизить, а ты имъ покажешь, кто ты. Себя убьешь револьверомъ, а ихъ великодушіемъ. Я понимаю тебя. Я все понимаю, потому что я геній.

Федя. Ну да, ну да. Только... *(Входитъ половой съ бумагой и чернильницей.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Федя, Иванъ Петровичъ *и* половой

Ф е д я *(прикрываетъ револьверъ салфеткой)*. Откупори. Давай выпьемъ. *(Пьютъ.)* *(Федя пишетъ.)* Погоди немного.

И в. П е т р. За твое... большое путешествіе. Я вѣдь стою выше этого. Я не стану удерживать тебя. И жизнь и смерть для генія безразличны. Я умираю въ жизни и живу въ смерти. Ты убьешь себя, чтобы они, два человѣка, жалѣли тебя. А я, — я убью себя затѣмъ, чтобы весь міръ понялъ, что онъ потерялъ. Я и не стану колебаться, думать. Взялъ *(хватаетъ револьверъ)*, разъ, — и готово. Но еще рано *(кладетъ револьверъ)*. И мнѣ писать нечего, они сами должны понять... Ахъ вы...

Ф е д я *(пишетъ)*. Немножко подожди.

И в. П е т р. ....жалкіе люди! Копошатся, хлопочутъ. И не понимаютъ, — ничего не понимаютъ. Я не тебѣ. Я такъ, высказываю свои мысли. А что нужно для человѣчества? Очень мало: цѣнить своихъ геніевъ. А они всегда казнили ихъ, гнали, мучили... Нѣтъ! я не буду вашей игрушкой! Я выведу васъ на чистую воду! Н-ѣ-ѣ-тъ. Лицемѣры!

Ф е д я *(кончилъ писать, выпиваетъ и читаетъ)*. Уйди, пожалуйста.

И в. П е т р. Уйти? Ну, прощай. Я не стану удерживать тебя. Я то же сдѣлаю. Но еще рано. Я только хочу сказать тебѣ...

Ф е д я. Хорошо. Ты скажешь, но послѣ, а теперь вотъ что, дружокъ: пожалуйста, отдай вотъ это хозяину *(подаетъ ему деньги)* и спроси на мое имя письмо и посылку. Пожалуйста.

И в. П е т р. Хорошо. Такъ ты меня подождешь? Я еще важное скажу тебѣ. Такое, чего ты не услышишь не только на этомъ свѣтѣ, но и въ будущемъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не приду туда. Такъ все отдать?

Ф е д я. Сколько нужно. *(Иванъ Петровичъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Федя *одинъ.*

Ф е д я *(вздыхаетъ облегченно, запираетъ за Иваномъ Петровичемъ дверь, беретъ револьверъ, взводитъ, прикладываетъ къ виску, вздрагиваетъ и осторожно опускаетъ. Мычитъ.)*

Ф е д я. Нѣтъ, не могу, не могу, не могу! *(Стучатъ въ дверь.)* Кто тамъ? *(Изъ-за двери голосъ* **Маши**: Я.)

Ф е д я. Кто я? Ахъ, Маша... *(Отворяетъ дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Федя *и* Маша.

М а ш а. Была у тебя, у Попова, у Афремова и догадалась, что здѣсь. *(Видитъ револьверъ.)* Вотъ хорошо-то! Вотъ, дуракъ! Право, дуракъ! Да неужели ты въ самомъ дѣлѣ?

Ф е д я. Нѣтъ, не могъ.

М а ш а. А меня-то нѣтъ развѣ? Безбожникъ! Меня-то не пожалѣлъ?! Ахъ, Федоръ Васильевичъ, грѣхъ, грѣхъ! За мою любовь...

Ф е д я. Хотѣлъ ихъ отпустить, обѣщалъ. А лгать не могу.

М а ш а. А я-то?

Ф е д я. Что ты? И тебя бы развязалъ. Развѣ тебѣ лучше со мной мучиться?

М а ш а. Стало быть, лучше. Не могу я безъ тебя жить.

Ф е д я. Какая со мной жизнь? Поплакала бы, да и прожила бы.

М а ш а. И совсѣмъ не плакала бы! Чертъ съ тобой! коли ты меня не жалѣешь. *(Плачетъ.)*

Ф е д я. Маша, дружокъ. Вѣдь я хотѣлъ лучше сдѣлать.

М а ш а. Себѣ лучше.

Ф е д я *(улыбаясь.)* Да какъ же себѣ лучше, коли бы я себя убилъ?

М а ш а. Разумѣется, лучше. Да что тебѣ нужно? Ты скажи.

Ф е д я. Какъ что нужно? Много нужно.

М а ш а. Ну что? что?

Ф е д я. Нужно, во-первыхъ, сдержать обѣщаніе. Это первое, и этого довольно. Лгать и дѣлать всѣ эти гадости, что̀ нужно для развода, не могу.

М а ш а. Положимъ, что гадко. Я сама...

Ф е д я. Потомъ нужно точно ихъ освободить, и жену, и его. Что же, они хорошіе люди. Зачѣмъ имъ мучиться? Это два.

М а ш а. Ну ужъ хорошаго въ ней мало, коли она тебя бросила.

Ф е д я. Не она бросила, — я бросилъ.

М а ш а. Ну, хорошо, хорошо. Все ты. Она ангелъ. Еще что жъ?

Ф е д я. А еще то, что ты — хорошая, милая дѣвочка, — люблю тебя, и коли останусь жить, то погублю тебя.

М а ш а. Это ужъ не твое дѣло. Я сама про себя знаю, гдѣ погибну.

Ф е д я *(вздыхаетъ)*. А главное, главное... Что̀ моя жизнь? Развѣ я не вижу, что я пропащій, не гожусь никуда. Всѣмъ и себѣ въ тягость, какъ говорилъ твой отецъ. Негодящій я...

М а ш а. Вотъ вздоръ! Я отъ тебя не отлѣплюсь. Прилѣпилась я, да и все! А что ты плохо живешь, пьешь да кутишь... А ты живой человѣкъ! Брось! Вотъ и все.

Ф е д я. Легко сказать.

М а ш а. И сдѣлай такъ.

Ф е д я. Да вотъ, какъ смотрю на тебя, такъ, кажется, все сдѣлаю.

М а ш а. И сдѣлаешь. Все сдѣлаешь. *(Видитъ письмо.)* Это что же? Ты имъ писалъ? Что же писалъ?

Ф е д я. Что писалъ?.. *(Беретъ письмо и хочетъ разорвать.)* Теперь уже не нужно.

М а ш а *(вырываетъ письмо)*. Писалъ, что убилъ себя? Да? Не писалъ про пистолетъ? Писалъ, что убилъ?

Ф е д я. Да, что меня не будетъ.

М а ш а. Давай, давай, давай! Читалъ ты «Что дѣлать?»

Ф е д я. Читалъ, кажется.

М а ш а. Скучный это романъ, а одно очень, очень хорошо. Онъ, этотъ, какъ его? Рахмановъ... взялъ, да и сдѣлалъ видъ, что онъ утопился. И ты вотъ... Не умѣешь плавать?

Ф е д я. Нѣтъ.

М а ш а. Ну вотъ. Давай сюда свое платье. Все, и бумажникъ.

Ф е д я. Да какъ же?

М а ш а. Стой, стой, стой! Поѣдемъ домой. Тамъ переодѣнешься.

Ф е д я. Да вѣдь это обманъ.

М а ш а. И прекрасно! Пошелъ купаться, платье осталось на берегу. Въ карманѣ бумажникъ и это письмо.

Ф е д я. Ну, а потомъ?

М а ш а. А потомъ? Потомъ уѣдемъ и будемъ жить во славу.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Федя, Маша *и входитъ* **Иванъ Петровичъ.**

Ив. Петр. Вотъ-те на! А револьверъ? Я себѣ возьму.

Маша. Бери, бери, а мы ѣдемъ.

Занавѣсъ.

Картина 2-я.

Гостиная у Протасовой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Каренинъ, Лиза.

Карен. Онъ такъ опредѣленно обѣщалъ, что я увѣренъ, что онъ исполнитъ обѣщаніе.

Лиза. Мнѣ совѣстно, но я должна сказать, что то, что̀ я узнала про эту цыганку, совсѣмъ освободило меня. Не думай, чтобы это была ревность. Это не ревность, а знаешь, — освобожденіе. Ну какъ вамъ сказать?..

Карен. Опять *вамъ*.

Лиза *(улыбаясь)*. Тебѣ. Да не мѣшайте, не мѣшай мнѣ сказать, что̀ я чувствую. Главное, что̀ мучило меня, это то, что я чувствовала, что люблю двухъ. А это значитъ, что я безнравственная женщина.

Карен. Ты безнравственная женщина?!

Лиза. Но съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что у него есть другая женщина, что я, стало быть, не нужна ему, я освободилась и почувствовала, что я могу, не солгавъ, сказать, что люблю васъ,— тебя. Теперь въ душѣ у меня ясно, и меня мучаетъ только мое положеніе. Этотъ разводъ. Это все такъ мучительно. Это ожиданіе.

Карен. Сейчасъ, сейчасъ рѣшится. Кромѣ того, что онъ обѣщалъ, я просилъ секретаря съѣздить къ нему съ прошеніемъ и не уѣзжать, пока онъ не подпишетъ. Если бы я не зналъ его, какъ знаю, я подумалъ бы, что онъ нарочно дѣлаетъ это.

Лиза. Онъ? Нѣтъ, это все та же его и слабость и честность. Не хочетъ говорить неправду. А только напрасно послалъ ему деньги.

Карен. Нельзя же. Это могло быть причиной остановки.

Лиза. Нѣтъ, деньги что-то нехорошее.

Карен. Ну, ему бы уже можно было быть менѣе pointilleux...[1]).

Лиза. Какіе мы дѣлаемся эгоисты!

Карен. Да, каюсь. Ты сама виновата. Послѣ этого ожиданія, этой безнадежности, я теперь такъ счастливъ. А счастье дѣлаетъ эгоистомъ. Ты виновата.

Лиза. Ты думаешь, что ты одинъ. Я тоже. Я чувствую, что вся полна, купаюсь въ своемъ счастьѣ. Все: и Мика понравился, и твоя мать меня любитъ, и ты, и, главное, я, я люблю!

Карен. Да? безъ раскаянія? безъ возврата?

Лиза. Съ того дня все вдругъ перемѣнилось во мнѣ.

Карен. И не можетъ вернуться?

Лиза. Никогда. Я только одного желаю, чтобы въ тебѣ это было такъ же совсѣмъ кончено, какъ во мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Каренинъ, Лиза *и* няня *съ* ребенкомъ.

(Выходитъ няня съ мальчикомъ. Мальчикъ идетъ къ матери. Она беретъ его на колѣни.)

Карен. Какіе мы несчастные люди.

Лиза. А что? *(Цѣлуетъ ребенка.)*

Карен. Когда ты вышла замужъ и, вернувшись изъ-за границы, [я] узналъ это и почувствовалъ, что потерялъ тебя, я былъ несчастливъ, и мнѣ было радостно узнать, что ты помнила меня. Мнѣ этого было довольно. Потомъ, когда установились наши дружескія отношенія, и я чувствовалъ, что ты ласкова ко мнѣ, что есть въ нашей дружбѣ маленькая искра чего-то большаго, чѣмъ дружба, я былъ ужъ почти счастливъ. Меня мучилъ только страхъ за то, что я нечестенъ относительно Феди. Но, впрочемъ, у меня всегда было такое твердое сознаніе невозможности другихъ отноше-

[1]) Щепетильнымъ.

ній, кромѣ самой чистой дружбы, къ женѣ моего друга, — да и тебя я зналъ, — такъ что это не мучило меня, и я былъ доволенъ. Потомъ, когда Федя сталъ мучить тебя, и я чувствовалъ, что я поддержка тебѣ, и что ты боишься моей дружбы, я былъ уже совсѣмъ счастливъ, и у меня начиналась какая-то неопредѣленная надежда. Потомъ... когда онъ ужъ сталъ невозможенъ, ты рѣшила оставить его, и я въ первый разъ сказалъ все, и ты не сказала— нѣтъ, но въ слезахъ ушла отъ меня, я былъ уже вполнѣ счастливъ. А если бы у меня спросили, чего я еще хочу, я бы сказалъ: ничего. Но потомъ явилась возможность соединить съ тобой жизнь; maman полюбила тебя, возможность эта стала осуществляться; ты сказала мнѣ, что любила и любишь меня, потомъ сказала мнѣ, какъ теперь, что его нѣтъ для тебя, что ты любишь меня одного,— чего бы, казалось, мнѣ желать? Но нѣтъ, теперь, теперь я мучаюсь прошедшимъ, хотѣлось бы, чтобы не было этого прошедшаго, не было того, что напоминаетъ о немъ.

Лиза *(съ упрекомъ)*. Викторъ!

Карен. Лиза, ты прости меня. То, что я говорю, я говорю потому, что не хочу, чтобы во мнѣ была мысль о тебѣ и отъ тебя скрытая. Все это я сказалъ нарочно затѣмъ, чтобы показать, какъ я дуренъ, и какъ я знаю, что итти дальше некуда, что я долженъ бороться съ собой и побороть себя. И я поборолъ. Я люблю его.

Лиза. Такъ и надо. Я сдѣлала все, что могла. Не я, а въ моемъ сердцѣ сдѣлалось все, чего ты могъ желать: изъ него все исчезло, кромѣ тебя.

Карен. Все?

Лиза. Все, все! Я бы не стала говорить.

ЯВЛЕНІЕ III.

Каренинъ, Лиза, няня *съ* **мальчикомъ** *и* **лакей.**

Лакей. Господинъ Вознесенскій.

Карен. Это онъ, отъ Феди съ отвѣтомъ.

Лиза *(Каренину)*. Зовите сюда.

Карен. *(встаетъ и идетъ къ двери)*. Ну вотъ и отвѣтъ.

Лиза *(отдаетъ ребенка нянѣ)*. [*Няня уходитъ.*] Неужели все рѣшится, Викторъ? *(Цѣлуетъ его.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Каренинъ, Лиза и Вознесенскій. *(Входитъ.)*

Карен. Ну что?

Возн. Ихъ нѣтъ.

Карен. Какъ нѣтъ? И не подписалъ прошенія?

Возн. Прошеніе не подписано, а оставлено письмо вамъ и Елизаветѣ Андреевнѣ. *(Подаетъ изъ кармана письмо.)* Я пріѣхалъ на квартиру. Мнѣ сказали, что въ ресторанѣ. Я пошелъ. Тогда Федоръ Васильевичъ сказалъ, чтобы я пришелъ черезъ часъ, и найду отвѣтъ. Я пришелъ, и вотъ...

Карен. Неужели опять откладываніе, отговорки?! Нѣтъ, это прямо нехорошо. Какъ онъ упалъ!

Лиза. Да прочти, что̀!

Карен. *(открываетъ письмо).*

Возн. Я не нуженъ вамъ?

Кар. Да, нѣтъ, прощайте. Благодарю... *(Останавливается, удивленно читая.* [*Вознесенскій уходитъ*]).

ЯВЛЕНІЕ V.

Каренинъ и Лиза.

Лиза. Что, что?

Карен. Это ужасно!

Лиза *(хватаетъ письмо).* Читай!

Карен. *(читаетъ).* «Лиза и Викторъ, обращаюсь къ вамъ обоимъ. Не буду лгать, называя васъ милыми или дорогими. Не могу совладать съ чувствомъ горечи и упрека, — упрека себѣ, но все-таки мучительнаго,—когда думаю о васъ, о вашей любви, о вашемъ счастьѣ. Все знаю. Знаю, что, несмотря на то, что я мужъ, я рядомъ случайностей помѣшалъ вамъ. C'est moi, qui suis l'intrus [1]). Но все-таки не могу удержаться отъ чувства горечи и холодности къ вамъ. Теоретически люблю васъ обоихъ, особенно Лизу, Лизаньку, но въ дѣйствительности—больше, чѣмъ холоденъ. Знаю, что я неправъ и не могу измѣниться...

Лиза. Какъ это онъ...

---

[1]) Это я посторонній.

Карен. *(продолжая читать).* «Но къ дѣлу! Это самое раздваивающее меня чувство и заставляетъ меня иначе, чѣмъ какъ вы хотѣли, исполнить ваше желаніе. Лгать, играть гнусную комедію, давая взятки въ консисторію, и вся эта гадость невыносима, противна мнѣ. Какъ я ни гадокъ, но гадокъ въ другомъ родѣ, а въ этой гадости не могу принять участіе, просто *не могу*. Другой выходъ, къ которому я прихожу, — самый простой: вамъ надо жениться, чтобы быть счастливыми, я мѣшаю этому, слѣдовательно, я долженъ уничтожиться...

Лиза *(хватаетъ за руку Каренина).* Викторъ!

Карен. *(читаетъ)*... долженъ уничтожиться. Я и уничтожаюсь. Когда вы получите это письмо, меня не будетъ.

P. S. Очень жаль, что вы прислали мнѣ деньги на веденіе дѣла развода. Это непріятно и непохоже на васъ. Ну, что же дѣлать! Я столько разъ ошибался; можно и вамъ разъ ошибиться. Деньги возвращаются. Мой исходъ короче, дешевле и вѣрнѣе. Объ одномъ прошу: не сердитесь на меня и добромъ поминайте меня. А еще: тутъ есть часовщикъ Евгеньевъ, не можете ли вы помочь ему и устроить его. Онъ слабый, но хорошій. Прощайте. Федя».

Лиза. Онъ убилъ себя! Да...

Карен. *(звонитъ, бѣжитъ въ переднюю).* Верните господина Вознесенскаго!

Лиза. Я знала, я знала! Федя, милый Федя!

Карен. Лиза!

Лиза. Неправда, неправда, что я не любила, не люблю его! Люблю его одного! Люблю! И его я погубила! Оставь меня. *(Входитъ Вознесенскій.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Каренинъ, Лиза и Вознесенскій.

Карен. Гдѣ же Федоръ Васильевичъ? Что вамъ сказали?

Возн. Сказали, что они вышли поутру, оставили это письмо и больше не возвращались.

Карен. Это надо узнать. Лиза, я оставляю тебя.

Лиза. Прости меня, но я тоже не могу лгать. Оставь меня теперь. Иди, узнавай...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Картина 1-я.

Грязная комната трактира. Столъ съ пьющими чай и водку. На первомъ планѣ столикъ, у котораго сидитъ опустившійся, оборванный **Федя** и съ нимъ **Пѣтушковъ**, внимательный, нѣжный человѣкъ, съ длинными волосами, духовнаго вида. Оба слегка выпивши.

ЯВЛЕНІЕ I.

Федя *и* **Пѣтушковъ.**

Пѣт. Я понимаю, понимаю. Вотъ это настоящая любовь! Ну, и что жъ?

Федя. Да, знаете, если бы эти чувства проявились у дѣвушки нашего круга, чтобы она пожертвовала всѣмъ для любимаго человѣка... а тутъ цыганка, вся воспитанная на корысти, и эта чистая, самоотверженная любовь! Отдаетъ все, а сама ничего не требуетъ. Особенно этотъ контрастъ.

Пѣт. Да, это у насъ въ живописи валёръ называется. Только тогда можно сдѣлать вполнѣ ярко красный, когда кругомъ зеленый. Ну да не въ томъ дѣло! Я понимаю, понимаю...

Федя. Да, и это, кажется, одинъ добрый поступокъ у меня за душой—то, что я не воспользовался ея любовью. А знаете, отчего?

Пѣт. Жалость.

Федя. Охъ, нѣтъ. У меня къ ней жалости не было. У меня передъ ней всегда былъ восторгъ, и когда она пѣла, — ахъ, какъ пѣла! Да и теперь, пожалуй, поетъ, — и всегда я на нее смотрѣлъ снизу вверхъ. Не погубилъ я ея просто потому, что любилъ. Истинно любилъ. И теперь это — хорошее, хорошее воспоминаніе. *(Пьетъ.)*

Пѣт. Вотъ, понимаю, понимаю. Идеально.

Федя. Я вамъ что̀ скажу: были у меня увлеченія. И одинъ разъ я былъ влюбленъ, такая была дама — красивая, — и я былъ

влюбленъ, скверно, по-собачьи, и она мнѣ дала rendez-vous. И я пропустилъ его потому, что счелъ, что подло передъ мужемъ. И до сихъ поръ, удивительно: когда вспоминаю, то хочу радоваться и хвалить себя за то, что поступилъ честно, а... раскаиваюсь, какъ въ грѣхѣ. А тутъ съ Машей напротивъ. — Всегда радуюсь, радуюсь, что ничѣмъ не осквернилъ это свое чувство... Могу падать еще, весь упасть, все съ себя продамъ, весь во вшахъ буду, въ коростѣ, а этотъ брильянтъ, не брильянтъ, а лучъ солнца, да, — во мнѣ, со мной!

П ѣ т. Понимаю, понимаю. Гдѣ же она теперь?

Ф е д я. Не знаю. И не хотѣлъ бы знать. Это все было изъ другой жизни. И не хочу мѣшать съ этой.

(За столомъ сзади слышенъ крикъ женщины. Хозяинъ приходитъ и городовой, — уводятъ. Федя и Пѣтушковъ глядятъ, слушаютъ и молчатъ.)

П ѣ т. *(послѣ того, какъ тамъ затихло)*. Да, ваша жизнь удивительная.

Ф е д я. Нѣтъ, самая простая. Всѣмъ вѣдь намъ въ нашемъ кругу, въ томъ, въ которомъ я родился, — три выбора, — только три: служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, въ которой живешь... Это мнѣ было противно, можетъ быть не умѣлъ, но, главное, было противно. Второй — разрушать эту пакость; для этого надо быть героемъ, а я не герой. Или третье: забыться — пить, гулять, пѣть,—это самое я и дѣлалъ. И вотъ допѣлся!.. *(Пьетъ.)*

П ѣ т. Ну, а семейная жизнь? Я бы былъ счастливъ, если бы у меня была жена. Меня жена погубила.

Ф е д я. Семейная жизнь? Да. Моя жена идеальная женщина была. Она и теперь жива. Но что тебѣ сказать? Не было изюминки. Знаешь, въ квасѣ изюминка? — не было игры въ нашей жизни. А мнѣ нужно было забываться. А безъ игры не забудешься. А потомъ я сталъ дѣлать гадости. А вѣдь ты знаешь: мы любимъ людей за то добро, которое мы имъ сдѣлали, и не любимъ за то зло, которое мы имъ дѣлали. А я ей надѣлалъ зла. Она какъ будто любила меня.

П ѣ т. Отчего вы говорите: какъ будто?

Ф е д я. А оттого говорю, что никогда не было въ ней того, чтобъ она въ душу мнѣ влѣзла, какъ Маша. Ну да не про то. Она беременная, кормящая, а я пропаду и вернусь пьяный. Разумѣется,

за это самое все меньше и меньше любилъ ее. Да, да. *(Приходитъ въ восторгъ.)* Вотъ сейчасъ пришло въ голову: оттого-то я люблю Машу, что я ей добро сдѣлалъ, а не зло. Оттого люблю. А ту мучилъ; за то... не то, что не люблю... Да нѣтъ, просто не люблю! Ревновалъ — да, но и то прошло.

ЯВЛЕНІЕ II.

Федя, Пѣтушковъ и Артемьевъ.

Подходитъ **Артемьевъ** *съ кокардой, крашеными усами, [въ] поэ-правленной древней одеждѣ.*

Артемьевъ. Пріятнаго аппетита. *(Кланяется Федѣ.)* Познакомились съ артистомъ, художникомъ?

Федя *(холодно)*. Да, мы знакомы.

Артемьевъ *(Пѣтушкову)*. Чтожъ, портретъ кончилъ?

Пѣт. Нѣтъ, разстроилось.

Артемьевъ *(садится)*. Я не мѣшаю вамъ?

(Федя и Пѣтушковъ молчатъ.)

Пѣт. Федоръ Васильевичъ разсказывалъ про свою жизнь.

Артемьевъ. Тайны? Такъ я не мѣшаю, продолжайте. Я то ужъ въ васъ не нуждаюсь. Свиньи! *(Отходитъ къ сосѣднему столу и требуетъ себѣ пива. Все время слушаетъ разговоръ Феди съ Пѣтушковымъ, перегибаясь къ нимъ.)*

Федя. Не люблю этого господина.

Пѣт. Обидѣлся.

Федя. Ну, Богъ съ нимъ! Не могу. Какъ такой человѣкъ,— у меня слова не идутъ. Вотъ съ вами мнѣ легко, пріятно. Такъ что я говорилъ?

Пѣт. Говорили, что ревновали. Ну, а какъ же вы разошлись съ вашей женой?

Федя. Ахъ! *(Задумывается.)* Это удивительная исторія. Жена моя замужемъ...

Пѣт. Какъ же? разводъ?

Федя. Нѣтъ. *(Улыбается.)* Она отъ меня осталась вдовой.

Пѣт. То-есть какъ же?

Федя. А такъ же: вдовой. Меня вѣдь нѣтъ.

Пѣт. Какъ нѣтъ?

Ф е д я. Нѣтъ. Я трупъ. Да. *(Артемьевъ перегибается, прислушивается.)* Видите ли, — вамъ я могу сказать. Да это давно, и фамилію мою настоящую вы не знаете. Дѣло было такъ: когда я уже совсѣмъ измучилъ жену, прокутилъ все, что могъ, и сталъ невыносимъ, явился покровитель ей. Не думайте, что что-нибудь грязное, нехорошее — нѣтъ, мой же пріятель и хорошій, хорошій человѣкъ, только прямая во всемъ противоположность мнѣ. А такъ какъ у меня гораздо больше дурного, чѣмъ хорошаго, то это и былъ и есть хорошій, очень хорошій человѣкъ: честный, твердый, воздержанный и просто добродѣтельный. Онъ зналъ жену съ дѣтства, любилъ ее и, потомъ, когда она вышла за меня, примирился съ своей участью. Но потомъ, когда я сталъ гадокъ, сталъ мучить ее, онъ сталъ чаще бывать у насъ. Я самъ желалъ этого. И они полюбили другъ друга, а я къ этому времени совсѣмъ свихнулся и самъ бросилъ жену. А тутъ еще Маша. Я самъ предложилъ имъ жениться. Они не хотѣли. Но я все дѣлался невозможнѣе и невозможнѣе, и кончилось тѣмъ, что...

П ѣ т. Какъ всегда...

Ф е д я. Нѣтъ. Я увѣренъ и знаю, что они оставались чисты. Онъ, религіозный человѣкъ, считалъ грѣхомъ бракъ безъ благословенія. Ну, стали требовать разводъ, чтобы я согласился. Надо было взять на себя вину. Надо было всю эту ложь... И я не могъ. Повѣрите ли, мнѣ легче было покончить съ собой, чѣмъ лгать. И я уже хотѣлъ покончить. А тутъ добрый человѣкъ говоритъ: зачѣмъ? И все устроили. Прощальное письмо я послалъ, а на другой день нашли на берегу одежду и мой бумажникъ, письма. Плавать я не умѣю.

П ѣ т. Ну, а какъ же тѣло-то, не нашли же?

Ф е д я. Нашли; представьте, — черезъ недѣлю нашли тѣло какое-то. Позвали жену смотрѣть. Разложившееся тѣло. Она взглянула. — Онъ? — Онъ. — Такъ и осталось. Меня похоронили, а они женились и живутъ здѣсь и благоденствуютъ. А я — вотъ онъ! И живу и пью. Вчера ходилъ мимо ихъ дома. Свѣтъ въ окнахъ, тѣнь чья-то прошла по сторѣ. И иногда скверно, а иногда ничего. Скверно, когда денегъ нѣтъ... *(Пьетъ.)*

А р т е м ь е в ъ *(подходитъ)*. Ну ужъ простите, слышалъ вашу исторію. Исторія очень хорошая и, главное, полезная. Вы говорите — скверно, когда денегъ нѣтъ. Это нѣтъ сквернѣе. А

вамъ въ вашемъ положеніи надо всегда имѣть деньги. Вѣдь вы трупъ. Хорошо...

Ф е д я. Позвольте. Я не вамъ разсказывалъ и не желаю вашихъ совѣтовъ.

А р т. А я желаю ихъ вамъ подать. Вы трупъ, а если оживете, то что они-то, — ваша супруга съ господиномъ, которые благоденствуютъ? — они двоеженцы, и въ лучшемъ случаѣ прослѣдуютъ въ не столь отдаленныя. Такъ зачѣмъ же вамъ безъ денегъ быть?

Ф е д я. Прошу васъ оставить меня.

А р т. Просто пишите письмо. Хотите, я напишу, только дайте адресъ, а вы меня поблагодарите.

Ф е д я. Убирайтесь! Я вамъ говорю. Я вамъ ничего не говорилъ.

А р т. Нѣтъ, говорили. Вотъ онъ свидѣтель. Половой слышалъ, что вы говорили, что — трупъ.

П о л о в о й. Мы ничего не знаемъ.

Ф е д я. Негодяй!

А р т. Я негодяй?! Эй, городовой! Актъ составить.

Ф е д я *(встаетъ и уходитъ. Артемьевъ держитъ его).*

(Приходитъ городовой.)

Занавѣсъ.

Картина 2-я.

Дѣйствіе въ деревнѣ, на террасѣ, обросшей плющемъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Дмитріевна Каренина, Лиза, *беременная,* **нянька** *съ* **ребенкомъ.**

Л и з а. Теперь ужъ ѣдетъ со станціи.

М а л ь ч и к ъ. Кто ѣдетъ?

Л и з а. Папа.

М а л ь ч и к ъ. Папа ѣдетъ со станціи!

Л и з а. C'est etonnant comme il l'aime, tout-à-fait comme son père [1]).

---

[1]) Это удивительно, какъ онъ его любитъ, совершенно какъ своего отца.

Анна Дмит. Tant mieux. Se souvient-il de son père véritable [1])?

Лиза *(вздыхаетъ)*. Я не говорю ему. Думаю, зачѣмъ его путать. А потомъ думаю, что надо сказать ему. Вы какъ думаете, maman?

Анна Дмит. Я думаю, Лиза, что это дѣло чувства, и ссли ты отдашься своему чувству, твое сердце подскажетъ тебѣ, что̀ и когда надо сказать. Какъ удивительно умиротворяетъ смерть! Признаюсь, было время, когда онъ, Федя, — вѣдь я его знала ребенкомъ, — былъ мнѣ непріятенъ, но теперь я только помню его милымъ юношей, другомъ Викто̀ра и тѣмъ страстнымъ человѣкомъ, который хоть и незаконно, нерелигіозно, но пожертвовалъ собой для тѣхъ, кого любилъ. On aura beau dire, l'action est belle... [2]) Надѣюсь, Викто̀ръ не забудетъ привезти шерсти, сейчасъ вся выйдетъ. *(Вяжетъ.)*

Лиза. Вотъ онъ и ѣдетъ.

(Слышны колеса и бубенчики. Лиза встаетъ и подходитъ къ краю террасы.)

Лиза. Кто-то съ нимъ. Дама въ шляпѣ. Мама̀! Я ее сто лѣтъ не видала. *(Идетъ къ двери.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Лиза, Анна Дмитріевна Каренина, няня *съ* **ребенкомъ.**
Входятъ **Каренинъ** *и* **Анна Павловна.**

Анна Павл. *(цѣлуется съ Лизой и Анной Дмитріевной)*. Викто̀ръ меня встрѣтилъ и увезъ.

Анна Дмит. Прекрасно сдѣлалъ.

Анна Павл. Да, разумѣется. Думаю: когда еще увижу? и опять отложу. Вотъ и пріѣхала, если не прогоните, — до вечерняго поѣзда.

Карен. *(цѣлуетъ жену и мать и мальчика)*. А я какъ счастливъ, — поздравьте меня. Два дня дома. Завтра все безъ меня сдѣлаютъ.

Лиза. Прекрасно. Два дня! Давно не бы[вало]. Съѣздимъ въ пустынь. Да?

Анна Павл. Какъ похожъ! Какой молодецъ! Только бы не все наслѣдовалъ: сердце отцовское...

---

[1]) Тѣмъ лучше. Помнитъ ли онъ своего настоящаго отца?

[2]) Что ни говори, поступокъ прекрасенъ.

Анна Дмит. Но не слабость.

Лиза. Все, все! Викторъ согласенъ со мной, что если бы только съ молоду онъ былъ направленъ...

Анна Павл. Ну, я этого ничего не понимаю. Я только не могу подумать о немъ безъ слезъ.

Лиза. И мы тоже. Какъ онъ выросъ въ нашей памяти!

Ан. Павл. Да, я думаю.

Лиза. Какъ казалось неразрѣшимо одно время. И какъ вдругъ все разрѣшилось.

Анна Дмит. Ну, Викторъ, привезъ шерсть?

Карен. Привезъ, привезъ. *(Беретъ мѣшокъ и выбираетъ.)* Вотъ шерсть, вотъ о-де-колонъ, и вотъ письма, и вотъ конвертъ казенный на твое имя. *(Подаетъ женѣ.)* Ну-съ, Анна Павловна, если вамъ угодно помыться, то я проведу васъ. Мнѣ и самому нужно почиститься, а то сейчасъ обѣдать. Лиза, вѣдь въ нижнюю угловую Анну Павловну?

(Лиза, блѣдная, трясущимися руками держитъ бумагу и читаетъ.)

Карен. Что съ тобой, Лиза? Что тамъ?

Лиза. Онъ живъ! Боже мой! Когда же онъ освободитъ меня?! Викторъ! Что это? *(Рыдаетъ.)*

Карен. *(беретъ бумагу и читаетъ)*. Это ужасно!

Анна Дмит. Что? Да скажи же!

Карен. Это ужасно! Онъ живъ. И она двоемужница, и я преступникъ. Это бумага отъ судебнаго слѣдователя, который требуетъ къ себѣ Лизу.

Анна Дмит. Какой ужасный человѣкъ! Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Карен. Все ложь, ложь!

Лиза. О, какъ я ненавижу его! Я не знаю, что я говорю... *(Уходитъ въ слезахъ. Каренинъ за ней.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Дмитріевна и Анна Павловна.

Анна Павл. Какъ же онъ остался живъ?

Анна Дмит. Знаю только, что какъ только Викторъ прикоснулся къ этому міру грязи... они затянутъ его. Вотъ и затянули. Все обманъ, все ложь!

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ VI.

Картина 1-я.

Камера судебнаго слѣдователя. **Судебный слѣдователь** сидитъ за столомъ и разговариваетъ съ **Мельниковымъ.** Сбоку **письмоводитель** перебираетъ бумаги.

ЯВЛЕНІЕ I.

Судебный слѣдователь, Мельниковъ, письмоводитель.

Суд. слѣд. Да я ей никогда этого не говорилъ. Она выдумала, а потомъ меня упрекаетъ.

Мельн. Она не упрекаетъ, а огорчается.

Суд. слѣд. Ну, хорошо, я приду обѣдать. А теперь дѣло очень интересное. Просите.

Письм. Обоихъ?

Суд. слѣд *(кончая курить и пряча папиросу)*. Нѣтъ,— одну г-жу Каренину, или, правильнѣе по первому мужу, Протасову.

Мельн. *(уходя)*. А! Это Каренина.

Суд. слѣд. Да. Грязное дѣло! Положимъ, я еще только начинаю разслѣдованіе; но нехорошо. Ну, прощай. *(Мельниковъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Судебный слѣдователь, письмоводитель *и* **Лиза** *подъ вуалью, въ черномъ, входитъ.*

Суд. слѣд. Прошу покорно *(указывая на стулъ)*. Повѣрьте, что очень сожалѣю о необходимости дѣлать вамъ вопросы, но мы поставлены въ необходимость... Пожалуйста успокойтесь и

знайте, что вы можете не отвѣчать на вопросы. Только мое мнѣніе, что вамъ, да и для всѣхъ, лучше — правда. Всегда лучше и даже практичнѣе.

Лиза. Мнѣ нечего скрывать.

Суд. слѣд. Такъ вотъ. *(Смотритъ въ бумагу.)* Ваше имя, званіе, исповѣданіе — это все я записалъ, — такъ?

Лиза. Да.

Суд. слѣд. Вы обвиняетесь въ томъ, что вы, зная о томъ, что вашъ мужъ живъ, вышли замужъ за другого.

Лиза. Я не знала.

Суд. слѣд. И еще въ томъ, что уговорили своего мужа, подкупивъ его деньгами, совершить обманъ — подобіе самоубійства, съ тѣмъ, чтобы освободиться отъ него.

Лиза. Все это неправда.

Суд. слѣд. Такъ вотъ позвольте нѣсколько вопросовъ. Переслали вы ему въ іюлѣ прошлаго года деньги, тысячу двѣсти рублей?

Лиза. Деньги эти были его деньги. Онѣ были выручены за его вещи. И въ то время, какъ я разсталась съ нимъ и ждала отъ него развода, я послала ихъ ему.

Суд. слѣд. Такъ-съ. Очень хорошо. Деньги эти посланы 17-го іюля, т.-е. за два дня до его исчезновенія.

Лиза. Кажется, что 17-го іюля. Я не помню.

Суд. слѣд. А почему прекращены были ходатайства въ консисторію въ то же время, и было отказано адвокату?

Лиза. Не знаю.

Суд. слѣд. Ну-съ, а когда полиція пригласила васъ свидѣтельствовать трупъ, какимъ образомъ признали вы въ немъ своего супруга?

Лиза. Я была такъ взволнована тогда, что не смотрѣла на тѣло, и такъ была увѣрена, что это онъ, что когда меня спросили, я отвѣтила: кажется, что онъ.

Суд. слѣд. Да, вы не разсмотрѣли отъ весьма понятнаго волненія. Хорошо-съ. Ну-съ, а почему, позвольте узнать, отъ васъ ежемѣсячно посылка была денегъ въ Саратовъ, въ тотъ самый городъ, въ которомъ проживалъ вашъ первый мужъ?

Лиза. Деньги эти посылалъ мой мужъ. И я не могу сказать про ихъ назначеніе, такъ какъ это не моя тайна. Но только

онѣ не посылались Федору Васильевичу. Мы были твердо увѣрены, что его нѣтъ. Это я могу вамъ вѣрно сказать.

Суд. слѣд. Очень хорошо. Одно позвольте вамъ замѣтить, милостивая государыня, — мы слуги закона, но это не мѣшаетъ намъ быть людьми. И повѣрьте, что я понимаю вполнѣ ваше положеніе и принимаю участіе въ немъ. Вы были связаны съ человѣкомъ, который тратилъ имущество, дѣлалъ невѣрности, ну, однимъ словомъ, дѣлалъ несчастье въ...

Лиза. Я любила его.

Суд. слѣд. Да, но все-таки вамъ естественно желаніе освободиться, и вы избрали этотъ болѣе простой путь, не подумавъ о томъ, что это приведетъ васъ къ тому, что считается преступленіемъ — двоебрачію, это понятно и мнѣ. И судьи [1]) поймутъ это. И потому я бы совѣтовалъ вамъ открыть все.

Лиза. Мнѣ нечего открывать. Я никогда не лгала. *(Плачетъ.)* Я не нужна больше?

Суд. слѣд. Я бы попросилъ васъ побыть еще здѣсь. Я не буду, не буду больше безпокоить васъ вопросами. Только извольте прочесть и подписать. Вотъ допросъ. Такъ ли выражены ваши отвѣты? Прошу покорно сюда. *(Указываетъ кресло у окна.)* *(Къ письмоводителю.)* Попросите г-на Каренина.

ЯВЛЕНІЕ III.

Судебный слѣдователь, письмоводитель, Лиза. *(Входитъ **Карениnъ**, строго, торжественно.)*

Суд. слѣд. Прошу покорно.

Карен. Благодарю. *(Стоитъ.)* Что вамъ угодно?

Суд. слѣд. Я обязанъ снять допросъ.

Карен. Въ качествѣ чего?

Суд. слѣд. *(улыбаясь)*. Я въ качествѣ судебнаго слѣдователя; съ васъ же я долженъ снять допросъ въ качествѣ обвиняемаго.

Карен. Вотъ какъ? Въ чемъ же?

---

[1]) См. примѣчаніе 7-е.

Суд. слѣд. [Въ женитьбѣ на замужней женщинѣ] [1]). Впрочемъ, позвольте сдѣлать вопросы по порядку. Присядьте.

Карен. Благодарю.

Суд. слѣд. Ваше имя?

Каренинъ. Викторъ Каренинъ.

Суд. слѣд. Званіе?

Карен. Камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Суд. слѣд. Возрастъ?

Каренинъ. Тридцать восемь лѣтъ.

Суд. слѣд. Вѣры?

Карен. Православной, подъ судомъ и слѣдствіемъ не бывалъ. Ну-съ?

Суд. слѣд. Извѣстно ли вамъ было, что Федоръ Васильевичъ Протасовъ живъ, когда вы вступали въ бракъ съ его женой?

Карен. Не было извѣстно. Мы оба были убѣждены, что онъ утонулъ.

Суд. слѣд. Куда вы посылали ежемѣсячно деньги въ Саратовъ послѣ ложнаго извѣстія о смерти Протасова?

Карен. Я не желаю отвѣчать на этотъ вопросъ.

Суд. слѣд. Очень хорошо. Съ какой цѣлью были посланы вами деньги, тысяча двѣсти рублей, г-ну Протасову передъ самой симуляціей его смерти, 17-го іюля?

Карен. Деньги эти были переданы мнѣ моей женой...

Суд. слѣд. Г-жей Протасовой?

Карен. ...моей женой для отправки ея мужу. Деньги эти она считала его собственностью и, разорвавъ связи съ нимъ, считала несправедливымъ удержать эти деньги.

Суд. слѣд. Теперь еще одинъ вопросъ: почему вы прекратили ходатайство о разводѣ?

Карен. Потому что Федоръ Васильевичъ взялъ на себя это ходатайство и писалъ мнѣ объ этомъ.

Суд. слѣд. Есть у васъ это письмо?

Карен. Письмо затеряно.

Суд. слѣд. Какъ странно, что затеряно и отсутствуетъ все то, что могло бы убѣдить правосудіе въ справедливости вашихъ показаній.

Карен. Нужно вамъ еще что-нибудь?

---

[1]) См. примѣчаніе 8-е.

Суд. слѣд. Мнѣ ничего не нужно, кромѣ исполненія моего долга, а вамъ нужно оправдаться, и я сейчасъ совѣтовалъ г-жѣ Протасовой и то же посовѣтовалъ бы вамъ: не скрывать того, что всѣмъ очевидно, а разсказать все, какъ было дѣло. Тѣмъ болѣе, что г-нъ Протасовъ въ такомъ положеніи, что онъ уже показывалъ все, какъ было, и, вѣроятно, и на судѣ все такъ же покажетъ. Я бы совѣтовалъ...

Карен. Я бы просилъ васъ оставаться въ рамкахъ исполненія своихъ обязанностей, а совѣты свои оставить. Можемъ мы уйти? *(Подходитъ къ Лизѣ. Она встаетъ и беретъ его за руку.)*

Суд. слѣд. Очень сожалѣю, что долженъ задержать васъ... *(Каренинъ удивленно оборачивается.)* О, нѣтъ, не въ томъ смыслѣ, чтобы арестовать васъ. Хотя это и было бы удобнѣе для разслѣдованія истины, я не прибѣгну къ этой мѣрѣ. Я только желалъ бы при васъ сдѣлать допросъ Протасову и дать вамъ съ нимъ очную ставку, при которой вамъ удобнѣе будетъ уличить его въ неправдѣ. Прошу присѣсть. Позовите г-на Протасова.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Судебный слѣдователь, письмоводитель, Лиза, Каренинъ. *Входитъ грязный, опустившійся* **Федя.**

Федя *(обращается къ Лизѣ и Каренину)*. Лиза, Елизавета Андреевна, Викторъ. Я не виноватъ. Я хотѣлъ сдѣлать лучше. А если виноватъ... Простите, простите... *(Кланяется имъ въ ноги.)*

Суд. слѣд. Прошу васъ отвѣчать на вопросы.

Федя. Спрашивайте.

Суд. слѣд. Ваше имя?

Федя. Вѣдь вы знаете.

Суд. слѣд. Прошу васъ отвѣчать.

Федя. Ну, Федоръ Протасовъ.

Суд. слѣд. Ваше званіе, года, вѣра?

Федя *(молчитъ)*. Какъ вамъ не совѣстно спрашивать эти глупости? Спрашивайте, что нужно, а не пустяки.

Суд. слѣд. Я прошу васъ быть осторожнѣе въ вашихъ выраженіяхъ и отвѣчать на мои вопросы.

Федя. Ну, коли не совѣстно, извольте. Званіе — кандидатъ, года — сорокъ, вѣры — православной; ну-съ, дальше.

Суд. слѣд. Было ли извѣстно г-ну Каренину и вашей женѣ, что вы живы, когда вы оставили свою одежду на берегу рѣки и сами скрылись?

Федя. Навѣрно нѣтъ. Я хотѣлъ точно убить себя, но потомъ... ну да это не нужно разсказывать. Дѣло въ томъ, что они ничего не знали.

Суд. слѣд. Какъ же вы полицейскому чиновнику показывали [по] другому?

Федя. Какому полицейскому чиновнику? А, это когда онъ ко мнѣ пришелъ въ Ржановъ домъ? Я былъ пьянъ и вралъ ему, что — не помню. Все это вздоръ. Теперь я не пьянъ и говорю всю правду. Они ничего не знали. Они вѣрили, что меня нѣтъ. И я радъ былъ этому. И это бы такъ и осталось, если бы не негодяй Артемьевъ. И если кто виноватъ, то я одинъ.

Суд. слѣд. Я понимаю, что вы хотите быть великодушны, но законъ требуетъ истины. Почему вамъ посланы были деньги?

Федя *(молчитъ)*.

Суд. слѣд. Вы получали черезъ Симоно[ва] [1]) посылаемыя вамъ въ Саратовъ деньги?

Федя *(молчитъ)*.

Суд. слѣд. Почему вы не отвѣчаете? Въ протоколѣ будетъ записано, что на эти вопросы обвиняемый не отвѣчалъ, и это можетъ очень повредить и вамъ и имъ. Такъ какъ же?

Федя *(молчитъ и потомъ)*. Ахъ, господинъ слѣдователь, какъ вамъ не стыдно?! Ну что вы лѣзете въ чужую жизнь? Рады, что имѣете власть и, чтобы показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые въ тысячу разъ лучше васъ.

Суд. слѣд. Прошу васъ...

Федя. Нечего просить. Я скажу все, что думаю. А вы пишите. *(Письмоводителю.)* По крайней мѣрѣ въ первый разъ будутъ въ протоколѣ разумныя человѣческія рѣчи. *(Возвышаетъ голосъ.)* Живутъ три человѣка: я, онъ, она. Между ними сложныя отношенія — борьба добра со зломъ, такая духовная борьба, о которой вы понятія не имѣете. Борьба эта кончается извѣстнымъ положеніемъ, которое все развязываетъ. Всѣ успокоены. Они счастливы,— любятъ память обо мнѣ. Я въ своемъ паденіи счастливъ тѣмъ, что

---

[1]) См. примѣчаніе 9-е.

я сдѣлалъ, что должно, что я, негодный, ушелъ изъ жизни, чтобы не мѣшать тѣмъ, кто полонъ жизни и хороши. И мы всѣ живемъ. Вдругъ является негодяй, шантажистъ, который требуетъ отъ меня участія въ шантажѣ. Я прогоняю его. Онъ идетъ къ вамъ, къ борцу за правосудіе, къ охранителю нравственности. И вы, получая 20-го числа по двугривенному за пакость, надѣваете мундиръ и съ легкимъ духомъ куражитесь надъ ними, надъ людьми, которыхъ вы мизинца не стоите, которые васъ къ себѣ въ переднюю не пустятъ. Но вы добрались и рады...

Суд. слѣд. Я васъ выведу...

Федя. Я не боюсь никого, потому что я трупъ, и со мной ничего не сдѣлаете; нѣтъ того положенія, которое было бы хуже моего. Ну и ведите.

Карен. Мы можемъ уйти?

Суд. слѣд. Сейчасъ, подписать протоколъ.

Федя. И какъ бы смѣшны вы были, если бы не были такъ гадки!

Суд. слѣд. Уведите его. Я арестую васъ.

Федя *(къ Каренину и Лизѣ)*. Такъ простите.

Карен. *(подходитъ и подаетъ руку)*. Такъ, видно, должно было быть...

(Лиза проходитъ. Федя низко кланяется.)

Занавѣсъ.

Картина 2-я.

Коридоръ въ зданіи Окружного Суда [1]). На заднемъ планѣ стеклянная дверь, у которой стоитъ **курьеръ.** Правѣе другая дверь, въ которую вводятъ подсудимыхъ. Къ первой двери подходитъ **Иванъ Петровичъ Александровъ,** оборванный, хочетъ пройти.

ЯВЛЕНІЕ I.

Курьеръ *и* **Иванъ Петровичъ.**

Курьеръ. Куда? Нельзя. Вишь лѣзетъ!

Иванъ Петр. Отчего нельзя? Законъ гласитъ: засѣданія публичны.

(Раздаются аплодисменты.)

---

[1]) См. примѣчаніе 10-е.

Курьеръ. А вотъ нельзя, да и все. Не велѣно.

Иванъ Петр. Невѣжа! Не знаешь, съ кѣмъ говоришь.

(Выходитъ молодой адвокатъ во фракѣ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Курьеръ, Иванъ Петровичъ *и* молодой адвокатъ.

Мол. адвокатъ. Что вы, по дѣлу?

Иванъ Петр. Нѣтъ, я публика. А вотъ невѣжда, церберъ — не пускаетъ.

Мол. адвокатъ. Да вѣдь здѣсь не для публики.

Иванъ Петр. Знаю, только меня-то можно пустить.

Мол. адвокатъ. Погодите, перерывъ будетъ сейчасъ *(хочетъ уходить, встрѣчаетъ князя Абрезкова)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Курьеръ, Иванъ Петровичъ, молодой адвокатъ *и* кн. Абрезковъ.

Князь Абр. Позвольте узнать, въ какомъ положеніи дѣло?

Мол. адвокатъ. Рѣчи адвокатовъ. Петрушинъ говоритъ. *(Опять аплодисменты.)*

Кн. Абр. Что же, какъ подсудимые несутъ свое положеніе?

Мол. адвокатъ. Съ большимъ достоинствомъ, особенно Каренинъ и Елизавета Андреевна. Не ихъ судятъ, а они судятъ общество. Это чувствуется. На эту тему и ловитъ Петрушинъ.

Кн. Абр. Ну, а Протасовъ?

Мол. адвокатъ. Ужасно взволнованъ. Весь трясется какъ-то; но это понятно по его жизни. Но какъ-то особенно раздраженъ, перебивалъ нѣсколько разъ и прокурора и адвокатовъ. Въ какомъ-то особенномъ возбужденіи.

Кн. Абр. Какой же результатъ полагаете?

Мол. адвокатъ. Трудно сказать[1]). Во всякомъ случаѣ предумышленности не признаютъ, но все-таки... *(Выходитъ какой-то господинъ. Кн. Абрезковъ двигается къ двери.)* Вы хотите пройти?

---

[1]) См. примѣчаніе 11-е.

Кн. Абр. Да, хотѣлъ бы.

Мол. адвокатъ. Вы князь Абрезковъ?

Кн. Абр. Я.

Мол. адвокатъ *(къ курьеру)*. Пропустите. Тутъ сейчасъ налѣво стулъ свободный.

(Курьеръ пропускаетъ кн. Абрезкова. Дверь отворяется, и виденъ говорящій адвокатъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Курьеръ, молодой адвокатъ *и* **Иванъ Петровичъ.**

Ив. Петр. Аристократы! Я аристократъ духа, а это выше.

Мол. адвокатъ. Ну, ужъ извините. *(Проходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Курьеръ Иванъ Петровичъ *и* **Пѣтушковъ.**

(Поспѣшно идетъ Пѣтушковъ.)

Пѣтушк. А, здравствуй, Иванъ Петровичъ! Что дѣло?

Иванъ Петр. Да еще рѣчи адвокатовъ. Да вотъ не пускаютъ.

Курьеръ. А вы не шумите тутъ. Тутъ не кабакъ. *(Опять аплодисменты, отворяются двери, выходятъ адвокаты, зрители: мужчины и дамы.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* **дама** *и* **офицеръ.**

Дама. Прекрасно, прямо до слезъ довелъ.

Офицеръ. Лучше всякаго романа. Только непонятно, какъ она могла такъ любить его. Ужасная фигура!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же. *Отворяется другая дверь; выходятъ подсудимые: сначала* **Лиза** *и* **Каренинъ** *и проходятъ по коридору, за ними* **Федя** *одинъ.*

Дама. Тише. Вотъ онъ. Посмотрите, какъ онъ взволнованъ. *(Дама и офицеръ проходятъ.)*

Федя *(подходитъ къ Ивану Петр.)*. Принесъ?

Иванъ Петр. Вотъ онъ. *(Подаетъ что-то.)*

Федя. *(Прячетъ въ карманъ и хочетъ итти; видитъ Пѣтушкова.)* Глупо, пошло! Скучно. Скучно. Безсмысленно. *(Хочетъ уходить).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же *и* **Петрушинъ,** *адвокатъ, толстый, румяный, оживленный, подходитъ.*

Петрушинъ. Ну, батюшка, дѣла наши хороши, только вы въ послѣдней рѣчи не напортите мнѣ.

Федя. Да я не буду говорить. Что имъ говорить?! Я не буду.

Петрушинъ. Нѣтъ, сказать надо. Да вы не тревожьтесь. Теперь уже все дѣло въ шляпѣ. Вы только скажите то, что вы мнѣ говорили, что если васъ осудятъ, такъ только за то, что вы *не* совершили самоубійства, т.-е. того, что считается преступленіемъ по закону и гражданскому и церковному.

Федя. Я ничего не скажу.

Петрушинъ. Отчего?

Федя. Не хочу, и не скажу. Вы только мнѣ скажите: въ худшемъ случаѣ что можетъ быть?

Петрушинъ. Я уже вамъ говорилъ: въ худшемъ случаѣ — ссылка въ Сибирь.

Федя. То-есть кого ссылка?

Петрушинъ. И васъ и вашей жены.

Федя. А въ лучшемъ?

Петрушинъ. Церковное покаяніе и, разумѣется, расторженіе второго брака.

Федя. То-есть они опять меня свяжутъ съ ней, то-есть ее со мной?

Петрушинъ. Да, ужъ это какъ должно быть. Да вы не волнуйтесь. И, пожалуйста, скажите, какъ я вамъ говорю; и только, главное, ничего лишняго. Ну, впрочемъ... *(Замѣчая, что ихъ окружили и слушаютъ.)* Я усталъ, пойду посижу. И вы отдохните, пока [1]). Главное, не робѣть.

Федя. И другого не можетъ быть рѣшенія?

Петрушинъ *(уходя)*. Никакого другого.

---

[1]) См. примѣчаніе 12-е.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, *кромѣ Петрушина, и* **судейскій**

Судейскій. Проходите, проходите, нечего въ коридорѣ стоять!

Федя. Сейчасъ. *(Вынимаетъ пистолетъ и стрѣляетъ себѣ въ сердце. Падаетъ. Всѣ бросаются къ нему.)* Ничего, кажется хорошо. Лизу!..

ЯВЛЕНІЕ X.

(Выбѣгаютъ изъ всѣхъ дверей **зрители, судьи, подсудимые, свидѣтели.** *Впереди всѣхъ* **Лиза.** *Сзади* **Маша** *и* **Карениныъ, Ив. Петров.** *и* **кн. Абрезковъ.)**

Лиза. Что ты сдѣлалъ, Федя! Зачѣмъ?

Федя. Прости меня, что не могъ... иначе распутать тебя.. Не для тебя... мнѣ этакъ лучше. Вѣдь я уже давно... готовъ...

Лиза. Ты будешь живъ. *(Докторъ нагибается, слушаетъ.)*

Федя. Я безъ доктора знаю... Викторъ, прощай... А Маша... опоздала... *(Плачетъ.)* Какъ хорошо... Какъ хорошо... *(Кончается.)*

Занавѣсъ.

1900 годъ.

Фот. В. Черткова.

Могила Л. Н. Толстого лѣтомъ 1911 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ тѣхъ мѣстахъ текста, гдѣ встрѣчались пропуски, которые, для сохраненія смысла, необходимо было пополнить тѣми или иными словами, вездѣ слова эти, какъ не принадлежащія Л. Н—чу, взяты въ прямыя скобки.

Въ рукописяхъ нѣкоторыхъ произведеній имена, отчества и фамиліи однихъ и тѣхъ же лицъ иногда обозначены различно. Намъ пришлось это исправить.

Тѣ мѣста въ текстѣ, которыя выпущены по цензурнымъ соображеніямъ, вездѣ замѣнены точками.

Дьяволъ.

1.

Повѣсть «Дьяволъ» была написана Л. Н. Толстымъ въ 1889 г., какъ онъ самъ выразился, «залпомъ».

Впослѣдствіи Л. Н. внесъ въ текстѣ повѣсти нѣкоторыя поправки и написалъ варіантъ конца.

2.

Въ оригиналѣ это мѣсто читается такъ:

«—Да, надо сдѣлать это. — И, рѣшившись на это, онъ пошелъ въ контору». На поляхъ послѣ словъ: «надо сдѣлать это» сдѣлана вставка: «говорилъ онъ себѣ» и т. д., кончая словами: «все ради своихъ мыслей». Мы выпускаемъ слова: «и рѣшившись на это», такъ какъ сдѣланная Л. Н—чемъ вставка должна была замѣнить ихъ.

3.

Глава XX начиналась въ рукописи Л. Н — ча слѣдующими словами: «Опять началось старое, но съ удесятеренной силой. Вечеромъ онъ думалъ, думалъ страшныя вещи. Онъ думалъ о томъ, какъ пуста, скучна его жизнь, и какъ настоящая жизнь — тамъ, съ той сильной, бодрой, всегда веселой женщиной. Взять ее, посадить въ телѣжку и на поѣздъ и въ степи или въ Америку и кануть въ воду. Да ужъ такое приходило ему въ голову».

Это мѣсто въ спискѣ было обведено чертой и на поляхъ рукой Л. Н—ча поставлено: «пр.», что у Л. Н—ча означало пропустить.

4.

Послѣ этого въ рукописи Л. Н—ча слѣдовали слова:

«—Что за вздоръ я думаю! Этого нельзя,—вдругъ вскрикнулъ онъ.—Надо точно обдумать все, ясно обдумать. — И онъ пошелъ въ поле и сталъ думать».

Въ спискѣ эти слова рукою Л. Н—ча обведены чертою и на поляхъ поставлено: «пр.».

Фальшивый купонъ.

1.

Излагая постепенное развитіе и ростъ зла, проистекшаго изъ одного проступка, Л. Н. вначалѣ хотѣлъ, на ряду съ ходомъ разсказа, изобразить эту эволюцію зла символически, въ видѣ чертей, растущихъ и увеличивающихся въ числѣ, при каждомъ новомъ проявленіи зла.

Такъ, напримѣръ, изображая ссору отца съ сыномъ, Л. Н. писалъ: «И въ ту минуту, какъ Федоръ Михайловичъ всталъ изъ за стола и закричалъ, чертенокъ, сидѣвшій у него на плечѣ, надулся, раздвоился, и тотъ, который былъ поближе, перескочилъ на плечо гимназисту».

Отецъ продолжаетъ кричать и осыпаетъ сына бранными словами, которыя страшно озлобляютъ гимназиста. «Чертенокъ, значительно прибавившійся въ ростѣ, ставъ величиною съ жука, весело танцовалъ на плечѣ гимназиста, дѣлая странныя гримасы».

Гимназистъ сбываетъ фальшивый купонъ въ магазинъ фотографическихъ принадлежностей и уходитъ. «Между тѣмъ чертенокъ, сидѣвшій на плечѣ Мити, распухъ до порядочной величины, раздвоился и двойника своего оставилъ въ лавкѣ фотографическихъ принадлежностей».

Хозяинъ магазина бранитъ жену, принявшую фальшивый купонъ за настоящій. «Чертенокъ, оставшійся въ лавкѣ, сначала не зналъ, гдѣ пристроиться, но какъ только хозяинъ закричалъ, онъ уже сидѣлъ у него на плечѣ и радостно смѣялся».

Описывается сытая барская жизнь, которой завидуетъ садовый сторожъ Василій. «Около всѣхъ этихъ господъ, и старыхъ и молодыхъ, вились въ большомъ количествѣ, какъ мошки въ жаркій день, маленькіе чертенята, и всякій разъ, какъ Василій говорилъ себѣ: «Хорошо бы такъ пожить», чертенята эти раздваивались, перелетали къ нему на плечо и превращались въ одного увеличивающагося, большого пухлаго дьявола».

Слишкомъ частое появленіе чертей вносило непріятное однообразіе. Да и сами черти придавали какой-то несерьезный характеръ

произведенію, которое, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось значительнѣе. Въ концѣ-концовъ Л. Н. рѣшилъ выпустить изъ повѣсти всѣ тѣ мѣста, гдѣ упоминалось о чертяхъ.

2.

Въ оригиналѣ эта фраза оканчивается словами: «и сдѣлали архимандритомъ». Но изъ предыдущаго видно, что Мисаилъ уже былъ архимандритомъ.

3.

Въ оригиналѣ стоитъ: «гдѣ».

4.

Въ оригиналѣ стоитъ: «въ Пензу». Мы ставимъ: «въ Симбирскъ», такъ какъ въ главѣ XXI сказано, что имѣніе Ливенцовыхъ было въ Симбирской губерніи.

5.

Въ первоначальной черновой рукописи Л. Н—ча было: «то, что онъ слышалъ отъ Ст. о послѣднемъ убійствѣ. «Ст.» обозначало Степана; но переписчикъ переписалъ это мѣсто такъ: «то, что онъ слышалъ отъ станового о послѣднемъ убійствѣ»; послѣ чего Львомъ Николаевичемъ было приписано: «и то, что разсказалъ самъ Пелагеюшкинъ о томъ, какъ кротость» и т. д. Мы исключаемъ упоминаніе о становомъ, какъ введенное переписчикомъ по ошибкѣ.

6.

Въ оригиналѣ значится: «у Лизы между тѣмъ началась борьба съ ея матерью (имѣніе было отцовское), не позволявшей раздавать имѣніе». Но изъ дальнѣйшаго содержанія оказывается, что борьба была съ отцомъ, вслѣдствіе чего и пришлось внести соотвѣтствующія измѣненія.

Послѣ бала.

I.

Разсказъ «Послѣ бала» задуманъ въ началѣ іюня 1903 г. и предназначался для еврейскаго сборника въ пользу пострадавшихъ отъ кишеневскаго погрома. Но въ сборникъ были отданы приблизительно одновременно написанныя «Три сказки»; а разсказъ «Послѣ бала» былъ отложенъ.

Написанъ этотъ разсказъ былъ въ одинъ день, вѣроятно 8 или 9 августа 1903 г. и сперва назывался «Дочь и отецъ». Затѣмъ онъ нѣсколько разъ исправлялся авторомъ, переписывался, ему было дано заглавіе «А вы говорите» и наконецъ послѣ окончательной отдѣлки, разсказъ этотъ получилъ названіе «Послѣ бала».

Что я видѣлъ во снѣ...

1.

Заглавіе этого разсказа можетъ показаться страннымъ, такъ какъ въ самомъ разсказѣ ничего о снѣ не говорится. Но оно объясняется тѣмъ, что Левъ Николаевичъ, дѣйствительно, видѣлъ во снѣ содержаніе этого разсказа и, проснувшись, поспѣшилъ записать видѣнный сонъ.

2.

Въ оригиналѣ было: «въ центральномъ губернскомъ городѣ» но изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что дѣло происходило въ дальнемъ губернскомъ городѣ.

3.

Въ оригиналѣ было: «назначенъ губернаторомъ», но такъ какъ раньше сказано, что князь Петръ Ивановичъ Ш. былъ предводителемъ дворянства, то и пришлось внести соотвѣтствующее исправленіе.

Отъ ней всѣ качества.

1.

Весною 1910 года на хуторѣ В. Г. Черткова, Телятенки, его сыномъ В. В. Чертковымъ съ товарищами—деревенскими парнями—устраивались любительскіе спектакли. Между прочимъ, былъ поставленъ и «Первый Винокуръ». Левъ Николаевичъ очень заинтересовался этими спектаклями, и у него явилась мысль написать для Телятенскаго театра небольшую пьесу. Такимъ образомъ создалась комедія «Отъ ней всѣ качества».

2.

Въ оригиналѣ здѣсь было:

Акулина. О Господи! какъ же такъ?

Прохожій. А такъ, что жила моя мать въ распутствѣ, въ полигамствѣ, значитъ. И отцы всякіе были. А матерей двѣ было по той причинѣ, что родившая меня мать могла меня бросить въ младенческомъ нѣжномъ возрастѣ. Дворничиха же могла состраданіе имѣть и могла призрѣть».

Это мѣсто было выпущено Львомъ Николаевичемъ.

Живой трупъ.

1.

Драма «Живой трупъ» написана въ 1900 г. Писалась она въ Москвѣ, Пироговѣ (имѣніи брата Льва Николаевича—Сергѣя Николаевича) и Ясной Полянѣ.

Сюжетомъ для драмы послужило истинное происшествіе, сообщенное Льву Николаевичу Н. В. Давыдовымъ, бывшимъ тогда предсѣдателемъ Московскаго Окружного суда.

Заинтересовавшій Льва Николаевича разсказъ подвергся съ его стороны коренной переработкѣ: измѣнена среда, въ которой произошло событіе, введено много новыхъ дѣйствующихъ лицъ. Вообще, типы этого драматическаго произведенія вовсе не соотвѣтствуютъ лицамъ, участвовавшимъ въ дѣйствительномъ происшествіи.

При настоящемъ изданіи Редакція имѣла въ своемъ распоряженіи 4 рукописи.

1) Первоначальная собственноручная черновая рукопись Л. Н., хранившаяся у П. А. Буланже, получившаго ее отъ переписчика А. П. Иванова и передавшаго ее А. Л. Толстой.

2) Первый списокъ, сдѣланный съ первоначальной рукописи и содержащій много поправокъ и дополненій, внесенныхъ рукой Льва Николаевича,—такъ же переданный А. Л. Толстой П. А. Буланже, получившимъ ее отъ А. П. Иванова.

3) Второй списокъ, полученный А. Л. Толстой отъ графини С. А. Толстой черезъ посредство графа С. Л. Толстого, сдѣланный послѣ перваго списка и содержащій многочисленныя дополнительныя исправленія и вставки, также внесенныя собственноручно Львомъ Николаевичемъ.

4) Третій списокъ, перешедшій къ А. Л. Толстой вмѣстѣ съ архивомъ бумагъ Л. Н. Толстого, хранившимся у В. Г. Черткова, сдѣланный со второго списка.

Второй списокъ не имѣлся у насъ при выпускѣ А. Л. Толстой 23-го сентября 1911 г. отдѣльныхъ изданій «Живого трупа». Въ предисловіи къ этому отдѣльному изданію мы выразили предположеніе о томъ, что, быть мож[illegible]ъ, варіантъ, съ котораго былъ сдѣланъ нашъ послѣдній списокъ, хранится въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ. Въ дѣйствительности же онъ оказался у гр. С. Л. Толстого, который, вслѣдствіе недоразумѣнія, передалъ его А. Л. Толстой только послѣ напечатанія отдѣльнаго изданія. Благодаря этому дополнительному варіанту, въ настоящій текстъ «Живого Трупа» нами внесены нѣкоторыя новыя исправленія, не вошедшія въ первоначальныя отдѣльныя изданія. Исправленія эти, которыхъ наберется нѣсколько десятковъ, большею частью совершенно не существенны Наиболѣе важныя изъ нихъ указаны ниже въ примѣчаніяхъ 3, 4 и 5.

Общій списокъ дѣйствующихъ лицъ и раздѣленія на явленія и картины и дѣйствія, тамъ, гдѣ эти отмѣтки пропущены авторомъ, сдѣланы Редакціей.

Въ первоначальной черновой рукописи Л. Н—ча и въ нашемъ первомъ съ него спискѣ произведеніе это озаглавлено просто: «*Трупъ*». Начиная же со второго списка, заглавіе измѣнено на «*Живой*

Трупъ». Впервые это новое заглавіе обозначено на страницѣ, переписанной почеркомъ дочери Л. Н—ча Маріи Львовны, а въ другой разъ—рукою дочери его Татьяны Львовны. Это уже само по себѣ служитъ достаточнымъ ручательствомъ того, что измѣненіе въ заглавіи внесено было согласно желанію самого Л. Н—ча, такъ какъ обѣ его дочери съ такимъ вниманіемъ относились къ работѣ своего отца, что не могли позволить себѣ что-либо измѣнить въ его рукописи безъ его вѣдома и согласія. Но возможность всякихъ сомнѣній по этому поводу окончательно устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что на страницѣ, переписанной рукой Татьяны Львовны, имѣются поправки и измѣненія, внесенныя собственноручно Л. Н—мъ.

Предполагая, что это можетъ быть интересно читателямъ, мы помѣщаемъ здѣсь факсимиле съ указаной страницы.

2.

Въ первоначальномъ наброскѣ, значительно отличающемся отъ окончательной версіи, даны слѣдующія характеристики нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ: «**Няня**—50-лѣтняя, свѣжая, умная старуха, вынянчившая Лизу и оставшаяся при дѣтяхъ. Бойко говоритъ хорошимъ русскимъ, володимирскимъ языкомъ. **Лиза**—изящно-скромная въ пріемахъ и одеждѣ, 30-лѣтняя женщина,—слабая, нѣжная, впечатлительная и наивная. **В. И. Каренинъ**—сильный, красивый, свѣжій лицомъ, корректный — 30-лѣтній человѣкъ, говорящій не скоро и вдумчиво».

Характеристики эти не включены нами въ пьесу, такъ какъ онѣ касаются только трехъ изъ дѣйствующихъ лицъ и, кромѣ того, мы не увѣрены, что Л. Н. желалъ ихъ сохранить.

3.

Слова: «*Это степь, это десятый вѣкъ, это не свобода, а воля*», имѣющіяся во *второмъ* спискѣ, не внесены были въ *третій* списокъ очевидно по ошибкѣ переписчика.

4.

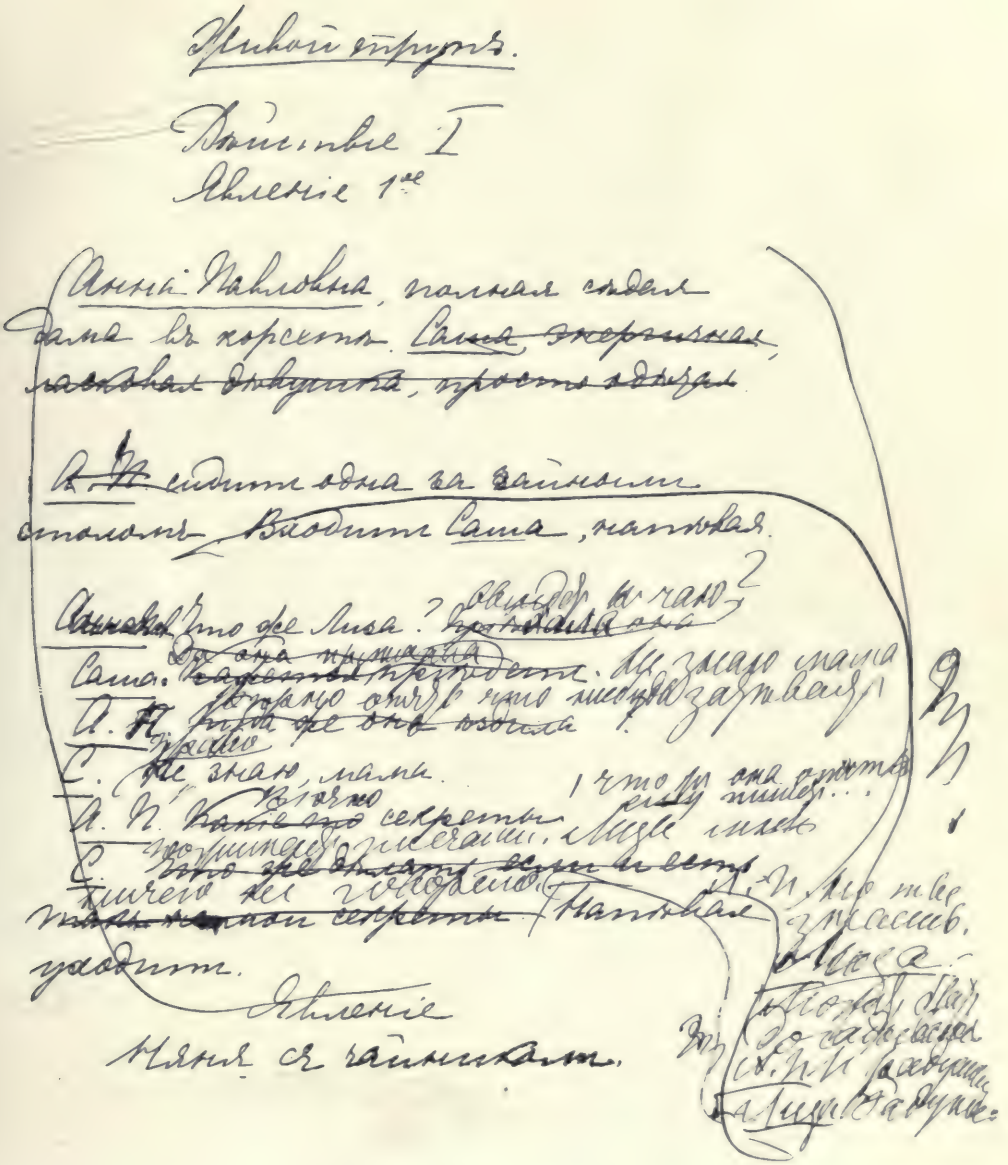
Въ *третьемъ* спискѣ значится: «*хоръ хорошо...*» Но по справкѣ со *вторымъ* спискомъ это оказалось ошибкой переписчика, такъ какъ тамъ рукою Л. Н-ча написано: «*хоръ хоромъ*», что̀ и соотвѣтствуетъ больше смыслу всего предложенія.

5.

Въ *третьемъ* спискѣ слова: «*т.-е. не то, что не въ томъ дѣло, а*», имѣющіяся во *второмъ* спискѣ, пропущены переписчикомъ.

6.

Въ рукописи стоитъ не «Протасова», а «Рахманова».—Можетъ-быть, это описка, а можетъ быть, Абрезковъ называетъ дѣвичью фамилію Лизы.



Первая страница второго списка драмы „Живой Трупъ“, переписанная дочерью Л. Н-ча, Татьяной Львовной, съ поправками Л. Н-ча.

7.

Въ рукописи—не «судьи», а «присяжные». Но это ошибка, такъ какъ такое дѣло не подлежитъ суду присяжныхъ, какъ сначала полагалъ Л. Н., а разбирается судебной палатой съ участіемъ сословныхъ представителей. Эта ошибка была указана Н. В. Давыдовымъ Л. Н-чу, который собирался, но не успѣлъ, самъ сдѣлать въ текстѣ соотвѣтствующія поправки.

8.

Въ рукописи стоитъ: «въ двоеженствѣ». Это, очевидно, описка автора, такъ какъ Каренина нельзя обвинять въ двоеженствѣ, а только въ женитьбѣ на замужней женщинѣ.

9.

Мы увѣрены, что здѣсь авторъ ошибся, подъ *Симоновымъ* имѣя въ виду *Евгеньева*, упомянутаго въ концѣ письма Феди въ дѣйствіи IV, картинѣ 2-й, явленіи V. Для того, чтобы привести въ соотвѣтствіе эти два мѣста, по нашему личному мнѣнію относящіяся къ одному и тому же лицу, достаточно было бы во второмъ случаѣ, замѣнить имя *Симоно(ва)*—кстати и не дописанное самимъ Л. Н-мъ—*Евгеньевымъ*. Такимъ образомъ устранена была бы изъ драмы загадочность этого мѣста. Не рѣшившись самопроизвольно внести эту поправку въ печатный текстъ драмы, мы полагаемъ, что введеніе ея, при представленіи пьесы на сценѣ, было бы умѣстно, ради избѣжанія отвлекающаго отъ хода дѣйствія недоумѣнія со стороны зрителя.

10.

Слова: «въ зданіи Окружного Суда» оставлены согласно рукописи, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ. Судебная же палата въ Москвѣ находится въ одномъ зданіи съ Окружнымъ Судомъ.

11.

Въ рукописи стоитъ: «Трудно сказать, составъ присяжныхъ смѣшанный». Такъ какъ дѣло должно было разбираться безъ присяжныхъ, то вторая половина фразы выпущена.

12.

Въ рукописи стоитъ: «пока присяжные совѣщаются». Слова эти выпущены, такъ какъ дѣло разбиралось безъ присяжныхъ. Независимо отъ этого, присяжные не могли совѣщаться до послѣдней рѣчи Феди (см. слова Петрушина въ явл. VIII). Вся сцена эта, очевидно, происходитъ во время перерыва засѣданія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ редактора	3
Дьяволъ	7
Фальшивый купонъ	57
Послѣ бала	125
Алеша горшокъ	187
Что я видѣлъ во снѣ	192
Отъ ней всѣ качества	207
Живой трупъ	223
Примѣчанія	235

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
51	6 снизу	ея	ее
82	1 »	на землю	наземь
87	19 сверху	на лоно	въ лоно
140	3 снизу	preserve	préserve
145	9 сверху	дающей	дающіе
151	14 »	успокаиваясь	успокоившись
160	6 снизу	къ обѣдни	къ обѣднѣ
179	8 сверху	онъ поѣхалъ	они поѣхали
184	5 »	temoins	témoins
194	4 снизу	j'espere	j'espère
195	13 »	l'ame	l'âme
196	6 сверху	vis-a-vis	vis-à-vis
199	3 »	tête-à-tâte	tête-à-tête
—	5 »	tête-à-tetê	tête-à-tête
221	2 снизу	etonnant	étonnant

3r 7.50 6718/567

M
86-17

8986/e

PG
3365
A12
1911
t.1

Tolstoi, Lev Nikolaevich
Posmertnyia khudozhe-
stvennyia proizvedeniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY